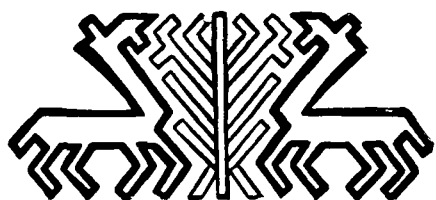

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

1 9 6 2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Rogинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции М. А. Кургузова

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Е. К. Ратмирова

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19

Т-09370	Подписано к печати 2/X-1962 г.	Тираж 1985 экз.	Зак. 526
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 15,07	Бум. л. 5,5	Уч.-изд. л. 18,3

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Р. Р. ГЕЛЬГАРТ

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА

Исследование фольклорного репертуара, бытующего у рабочих, позволяет установить, в чем именно проявилась творческая инициатива данной социальной среды, какие разновидности жанровых форм народной словесности создавались промышленными рабочими.

Но ограничиваться изучением только состава репертуара нельзя. Поскольку произведения, которые бытуют в рабочих коллективах, имеют различный генезис, появляется настоятельная потребность расширить круг источников исследования. В составе репертуара выделяются сказки, легенды, предания, песни, «малые жанровые формы», созданные крестьянами, солдатами, городскими ремесленниками, мещанами и носящие на себе печать своего социального происхождения. Эти черты легко сглаживаются, стираются, когда произведения, перейдя из одной социальной среды в другую, продолжают исполняться в иных условиях общественного быта. На место утраченных элементов появляются новые, почерпнутые из реальной жизни. Установить характер такого рода изменений — значит определить направление, в котором рабочие коллективы перестраивают или только варьируют, приспособливают к своим потребностям фольклор самого различного происхождения.

При попытках решить эту задачу становится очевидной роль сопоставлений, с помощью которых выявляются особые «рабочие транскрипции», например, сказок, легенд, преданий, песен, заимствованных из устного творчества других классов и общественных групп.

Хотя круг произведений, созданных самими рабочими, значительно более узок, чем весь бытующий у них репертуар, специфика устного творчества рабочих проявляется лишь там, где развиваются тематика, образы, мотивы, подсказанные жизнью — трудом, бытом, практикой классовой борьбы пролетариата.

Социально-дифференцированный подход к фольклорному репертуару обусловлен пониманием классовой природы и сущности изучаемого явления¹.

Творцы фольклора выступают не только выразителями своей общественной среды, но и продуктом ее. Они вносят в произведения «ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык...²».

Различные элементы содержания образуют типологические черты рабочего фольклора. Они проявляются в идейно-тематической основе про-

¹ Ср., в частности, O. Sirovátka, Forschungsergebnisse und Erfahrungen auf dem Gebiete der Arbeiterfolklore in der Tschechoslowakei, «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», V, fasc. 3—4, Budapest, 1956, стр. 242.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. X, стр. 10. См. также: Н. Ф. Бельчиков, Г. В. Плеханов — литературный критик, М., 1958, стр. 30 и след.

изведений, в системе образов и мотивов, почерпнутых из жизни рабочих, и воплощаются средствами языка, стилистики и поэтики. Различия условий жизни рабочих разных профессий или отраслей промышленного производства неизбежно получают отображение в содержании их устного творчества. Мир той или иной профессии накладывает свой отпечаток на тематику произведений, на подбор предметно-вещных деталей, с помощью которых создаются образы действующих лиц и повествовательные мотивы. Так возникают отраслевые «производственные» разновидности фольклора рабочих.

Подобно тому как особенности литературных жанров нельзя полностью установить лишь на материале данной национальной литературы, специфика рабочего фольклора не может быть вполне раскрыта только путем сравнений устного творчества разных классов и социальных групп в пределах одной национальной, этнографической, языковой общности. Типические черты рабочего фольклора проявляются по-разному в разных конкретных условиях исторической действительности каждого народа. При наличии различительных признаков в рабочем фольклоре разных народов выделяются и элементы постоянные, устойчивые. Они-то и характеризуют типологию изучаемого явления. Это обнаруживает метод сопоставлений рабочего фольклора разных народов, причем не только родственных. Если путем сравнений выявятся повторяющиеся черты, параллели и аналогии, то будет сделан шаг на пути к углубленному исследованию типических особенностей рабочего фольклора, неразрывно связанного со всей историей и культурой рабочего класса.

* * *

Мы ограничим данное исследование преимущественно старым фольклором горнорабочих и отметим только несколько параллелей и повторяющихся признаков в произведениях горняков разных стран. Нас будут интересовать образы из мира реальной действительности и отдельные повествовательные мотивы, в которых запечатлен трудовой, общественный быт горняков³.

Выявить материал по признаку типологического сходства можно лишь условно, отвлекая образы и мотивы из тех произведений, где они выполняют определенную выразительную роль и где они получают конкретное смысловое, идейное наполнение. Сравнения образов и мотивов — это предварительная черновая работа, которую можно назвать подступом к будущему «широкому сопоставлению сходных и отличных по своему характеру национальных исторических процессов развития фольклора»⁴. Необходимо подчеркнуть, что марксистская методология не отрицает возможности сравнений отдельных образов в произведениях разных писателей и различных национальных литератур. Сошлемся в этой связи на опыт Г. В. Плеханова, который свободно пользовался приемом простейших сопоставлений и устанавливал с их помощью аналогии между образами литературных персонажей. «Сходные социальные причины естественно порождают сходные психические последствия», — писал Г. В. Плеханов. И далее: «Немецкий крестьянин Траугот Бютнер очень многими чертами своего характера поразительно напоминает русского крестьянина Ивана Ермолаевича»⁵.

³ См.: Р. Р. Гельгардт, Фантастические образы горняцких сказок и легенд (К типологической характеристике старого рабочего фольклора), «Русский фольклор», VI, М.— Л., 1961.

⁴ См. выступление К. В. Чистова по проблемам теории фольклора на IV Международном съезде славистов, «Русский фольклор», V, 1960, стр. 311; см. также выступление Э. В. Померанцевой, там же, стр. 296—297.

⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 398—399. Траугот Бютнер — герой романа фон Поленца «Крестьяне».

При современном состоянии изученности рабочего фольклора применение сравнительного метода не может вылиться в развернутые сопоставления целой системы признаков, которые являются типическими для устного творчества рабочих разных стран. Но сама система таких признаков может быть познана путем предварительных и частных сопоставлений.

* * *

А. М. Горький писал о том, как складывался в его представлениях обобщенный, собирательный образ героя сказочного фольклора: «Герои сказок, переходя из одной в другую, повторяясь, слагались мною в одно лицо, в одну фигуру»⁶.

Герои рабочих сказов с элементами сказочной фантастики, сказов бытовых и рассказов легендарного типа имеют много общих черт характера, одинаковых свойств и наклонностей. Переходя из одного повествования в другое, действующие лица раскрывают свой внутренний мир. Возникает обобщенный, собирательный образ персонажей рабочего фольклора.

Герои проявляют себя в действиях⁷. Конфликт требует, чтобы герой обнаружил такие качества своего характера, какие уместны или возможны в рамках данного эпизода. Личность человека освещается преимущественно с одной стороны.

В старом фольклоре горняков весьма распространен тип повествования с приметами жанра сказки или легенды. Полная форма его композиции складывается из последовательного объединения следующих мотивов: 1) Исходное положение — герой терпит бедствие, в его семье царит нужда, жена больна, дети голодают, жизнь становится невыносимой. 2) Герой полон отчаяния, он стремится найти выход. 3) Помощь приходит со стороны «тайных сил», и герой вступает в контакт со своим волшебным помощником, который обычно требует от него выполнения определенных условий. 4) Бытовое положение героя изменяется. Но исход конфликта зависит от его личных качеств.

Повествование не всегда содержит в себе все элементы, из которых складывается полная композиция сюжета. Одни из перечисленных мотивов могут отсутствовать, другие варьируют. Например, «тайная сила» иногда не сама вмешивается в жизнь горняка, а лишь откликается на его призывы о помощи; или — в жизни рабочего может не происходить особенно больших бедствий, что не помешает горным духам выступить в роли волшебных помощников, и проч.

В горняцких сказках и легендах выражаются определенные социальные и морально-этические идеи. Они проявляются даже в самой расстановке персонажей: «тайная сила» всегда стоит на стороне людей обездоленных и изнуренных тяжким трудом. Помощь получают горняки, попавшие в беду, или труженики, которые заслуживают поддержки, награды, поощрения за свои высокие нравственные качества и трудовые доблести. Но в облегчении своей участи нуждались все рабочие. Их надежды и чаяния были обращены к волшебным силам, вера в которые еще сохранилась. В образах волшебных помощников запечатлены черты анимистических воззрений. Мотивам помощи придается глубокий социальный смысл. Старый рабочий фольклор выдавал желаемое за совершающееся, мечту за действительность.

Связи героя с волшебными помощниками выражаются во взаимных обязательствах. Обязательства, принимаемые на себя горняком, должны

⁶ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 767.

⁷ Изредка свойства характера героя прямо называются еще до того, как герой включается в динамику сюжета.

быть проверкой, испытанием его моральной стойкости, честности, бескорыстия, верности своему слову и проч. Часто испытание состоит из проверки действия, какое оказывает на человека материальная обеспеченность. Получая богатства, горняк подпадает под влияние мира зла и социального неравенства. Этот мир олицетворяется золотом, «через которое», как пели рабочие Урала, «слезы льются, руда кровью обливается»⁸. Если герой не выдерживает испытания, он бывает тяжело наказан⁹.

Нравственные устои рабочего обнаруживаются в его труде и в его личных связях с людьми. Отношение героя к общественной среде бывает различным. С товарищами по работе он дружен, столкновения же с начальством и другими представителями социально-враждебных сил принимают вид острых конфликтов.

По словам А. М. Горького, «даже и подневольный труд на грабителей мира все-таки увлекал и радовал...», потому что уважение ко всякому труду свойственно натуре рабочего человека¹⁰. Рабочий фольклор разных народов всегда оценивает людей с точки зрения их трудовой активности и полезности для общества. Горняк противопоставляет себя «большому господину», который не приносит пользы людям, что не мешает ему быть богато одетым и носить ордена — знаки мнимых заслуг¹¹. Любовь к труду и добросовестное к нему отношение считается едва ли не одним из наиболее важных положительных качеств человека. Но шахтовладельцы, заводчики в своей погоне за наживой не видели достоинств рабочего человека. И старые горняцкие сказки, легенды создавали «вымышленную действительность». Здесь горные духи, как подлинные хозяева земли, действуют по законам справедливости и поощряют горняков в их работе. Горняки понимают, как нужны они народу, какую огромную пользу они приносят. «Я добываю из шахты то, что облегчает многие работы», поется в песне немецких горнорабочих¹². Сами герои говорят о себе как о мастерах своего дела. Представители разных горняцких профессий — рудокоп, плавильщик, угольщик — считают свою деятельность наиболее полезной для общества¹³. Такое отношение к труду показывает, что социальное сознание рабочих уже достигло довольно высокого уровня.

Рабочие убеждены, что богатства земли принадлежат народу, и считают своим долгом добыть их и отдать людям. В фольклоре горняков рано проявляется чувство производственной сплоченности, трудовой, социальной солидарности. Оно руководит поступками людей. Это и выражается в содержании ряда мотивов. Например, рудокоп просит горного духа оказать помощь не ему одному, но всем товарищам¹⁴. Или, получив богатство, он делает много полезного для своих собратьев¹⁵. Зна-

⁸ Е. М. Блинова, Уральский фольклор, газ. «Уральский рабочий», 16 мая 1936 г.

⁹ Ср., в частности, один из вариантов этого мотива в легенде английских горняков о двух шахтерах — отце и сыне, вступивших в трудовое соглашение с горными духами («Revue des traditions populaires», II, № 9, Paris, 1887, стр. 415).

¹⁰ М. Горький, Литературно-критические статьи, 1937, стр. 620.

¹¹ См.: «Lied eines Kohlenbergmanns», в сб. K. Ch. W. Kolbe, Neues Berg-Reien-Buch oder Sammlung neuer bergmännischer Lieder lustigen und ernsthaften Inhalts, Halberstadt, 1802; см. также: Н. Trommer, Wo das Erz in Fülle blinkt. Bergmannsagen, Leipzig, [1956], стр. 160.

¹² Песня «Lob des Bergmannsleben», см.: Н. Trommer, Указ. раб., стр. 141; см. также: K. Ch. W. Kolbe, Указ. раб.

¹³ Песня «Der Bergmann, der Schmelzer und der Köhler», см.: K. Ch. W. Kolbe, Указ. раб.

¹⁴ Jar. Zahradník. O králi podzemních skřítků. Knižka o Karvině, стр. 152; A. Sivek, Hornické tradice, «Slezský sborník», Ročník 47, 1949, стр. 11.

¹⁵ F. Wrubel, Sammlung bergmännischer Sagen. Freiberg in Sachsen, 1883; легенду «Felix und das Mäuschen» см.: Н. Trommer, Указ. раб., стр. 130—135.

менательно, что когда горный дух уговаривает рудокопа взять себе больше сокровища земли, тот отказывается, считая их достоянием всего народа¹⁶. Устному творчеству рабочих чужды выражения мелкобуржуазной психологии, которая нередко дает о себе знать в произведениях крестьянского фольклора.

В собирательном образе горняка ярче всего запечатлеваются черты характера, которые сформировались под воздействием особых условий подземного труда. «Профессия горняков,— как справедливо отмечает Г. Рудольф,— накладывает резкий отпечаток на их жизнь во всех ее проявлениях, вплоть до интимно-личных»¹⁷. Воздействие особого мира горняцкого производства на содержание, на образную систему устного творчества было установлено и в фольклоре русских рабочих¹⁸, а также горняков Чехословакии¹⁹.

Производственные мотивы горнорабочего фольклора не имеют чисто описательного характера. Они всегда связаны с развитием действия и служат для показа реалистических героев.

Столкновения с силами природы были проверкой личных качеств горняка. В прошлом, когда уровень техники горного дела был крайне низким, рабочий с его примитивными орудиями труда нередко оказывался побежденным в поединке с силами природы. Смерть и увечья, постоянно угрожавшие горнякам, приучали их к бесстрашию. «Кого мне бояться, коли я в горé роблю?»,— спрашивает герой одного из литературных сказов, созданных на основе уральского рабочего фольклора²⁰. Условия трудового быта влияли на образ жизни людей, на их поведение: «Народ в горé вовсе потерянный. Такому что жить, что умирать — все едино. Безднадежный народ, самый для начальства беспокойный»²¹.

В рассказах горняков и в их песнях часто встречаются мотивы опасности подземной работы в результате ужасающих условий труда и отсутствия его охраны. Среди горняков Подмосковья бытовало речение при спуске в шахту: «Прощай, белый свет, да здравствует моя смерть» (в переложениях оно включалось в песню)²². Шахтеры пели о том, что они «носят смерть за плечами». То же в песне донецких рабочих: «До свиданья, белый свет! Я вернуся или нет...»; или «Шахтер рубит со свечами, носит смерть он за плечами»²³.

Нередко рассказы и песни были как бы откликами на случаи гибели рабочих. Среди местного населения Урала рассказывали страшные истории о Медной горе. Этот рудник называли «самым проклятым местом», где множество рабочих было «задавлено, изжевано, покалечено»²⁴. Подобные же мотивы находим и в песнях, сложенных донец-

¹⁶ Легенду «Lohn für Redlichkeit» см.: Н. Троммер, Указ. раб.

¹⁷ Gerhard Rudolph, Forschungsprobleme der Bergmannssage, «Internationales Kongress der Volkserzählforschung in Kiel und Kopenhagen» (1959), Тезисы доклада.

¹⁸ «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1, М.—Л., 1955, стр. 90

¹⁹ O. Sirovátka, Указ. раб., стр. 237; см. также: A. Sivek, Указ. раб.

²⁰ П. П. Бажов, Соч., т. I, М., 1952, стр. 29.

²¹ Там же, стр. 126. О жизни и нравах донецких шахтеров в дореволюционное время см.: А. В. Иванов, Песни и сказы Донбасса, Сталино-Донбасс, 1960, стр. 54, сл.; Н. В. Алексеева, Г. Успенский. Русская народная песня и ее собиратели, «Уч. записки ЛГУ», Серия филологических наук, вып. 16, 1949, стр. 222—223; ср. высказывание Томаса Джисборна о нравах английских горняков: Tomas Gisborn, These Specimens of the Contemporary Comment are quoted in J. L. and Barbara Hammond's the Skilled Labourer 1760—1832, Longman, 1919.

²² Полевые записи Р. С. Липец, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ГФ, ед. хр. 6. 1934, л. 115; Там же, 1949, л. 385.

²³ А. В. Иванов, Указ. раб., стр. 120—121

²⁴ П. П. Бажов, Соч., т. II, стр. 266.

кими шахтерами²⁵, горняками Сибири и Подмосковья²⁶. Рабочие «каждый день умирают от завалов», пели шахтеры — казахи Караганды²⁷. Чешские горняки сложили песню о большой катастрофе, случившейся в Отовицах по вине хозяев²⁸. В «Příbramské horní knihy» (1571) сказано, что шахты дают много серебра, но уносят у людей полжизни²⁹. В богемских рассказах нередко упоминаются стихийные бедствия, от которых рабочих охраняют горные духи³⁰. Горняки Англии пели об «ужасах тревожного гудка» («the sudden terror of the calamity whistle»). В английском горнорабочем фольклоре есть баллады и песни об опасностях работы в шахте. «Они умерли за 9 шиллингов в день», — говорили английский шахтеры о смерти своих товарищей, погибших по вине шахтовладельцев³¹.

И у горняков Франции и Бельгии бытовали произведения, в которых отражен подобный жизненный материал, причем реальные мотивы здесь переплетаются с мотивами волшебными³². Многие рассказы рудокопов Австрии и Германии также упоминают о катастрофах, о несчастных случаях, чаще всего в связи с горными духами, которые деятельно участвуют в жизни людей³³.

Характеризуя трудовой быт уральских рабочих, Д. Н. Мамин-Сибиряк писал, что «сравнение с нынешней каторгой слишком слабо рисует положение тогдашнего Урала... Недаром в уме простого русского человека понятие о всякой горнозаводской работе неразрывно соединялось с понятием о каторге»³⁴.

Сравнение шахтерской работы с каторгой встречается во многих произведениях старого рабочего фольклора. Оно верно отражало условия подземного труда и в период, когда рабочие уже не находились в крепостной зависимости. Шахтер «День и ночь... работает, ровно в каторге всегда», — так пели донецкие горняки о своей «проклятой жизни»³⁵. Или в уральской песне:

«В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают»³⁶.

Английские шахтеры называли себя «настоящими рабами своих хозяев»³⁷. Полна трагического смысла песня, названная «Жалобы уголь-

²⁵ «Гибель коногона», «Что-то сердцу больно стало», «Песня коногона» и др. см.: А. В. Ионов, Указ. раб.

²⁶ А. А. Мисюрев, Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири, 2-е изд. (см. рассказ «Губили народ» и др., прим. на стр. 233); Полезные записи Р. С. Липец в Скопинском районе Рязанской области, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ГФ, ед. хр. 6, лл. 328—329.

²⁷ Д. Шарабеков, Песни рабочих — казахов Караганды (дооктябрьский период), Автореферат канд. диссертации, Ин-т языка и литературы АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1954, стр. 8.

²⁸ V. Karbusický, Naše dělnická píseň, Praha, 1953, стр. 33.

²⁹ См. также: Staré historický a pověry hornické z let šedesátých, «Československá Republika», 1932, № 48.

³⁰ J. V. Grohmann, Sagen aus Böhmen, Praga, 1863, стр. 192.

³¹ Песни «The Gesford Disaster», «The Perils of Mining», «The Collier's Lament» и др., сб. «Come all ye Bold Miners. Ballads and Songs of the Coalfields». Compiled by A. L. Lloyd, London, 1952.

³² См.: Р. Р. Гельгардт, Указ. раб. См. также статьи: R. Basset, A. Decubies, в журн. «Revue des traditions populaires», т. IV 1889, стр. 392—393.

³³ Легенды см.: Н. Trömmel, Указ. раб.; см. также: Н. Größler, Sagen der Grafschaft Mansfeld und ihrer nächsten Umgebung. Eisleben, 1880.

³⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк, Город Екатеринбург. Исторический очерк, Собр. соч., т. 12, Свердловск, 1951, стр. 270.

³⁵ А. В. Ионов, Указ. раб. (песня «Шахтерская жизнь проклята»).

³⁶ В. П. Бирюков, Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1936, стр. 273.

³⁷ A. L. Lloyd, Указ. раб. (см. «The Miner's Grievances»).

щика» («The Collier's Lament») ³⁸. Сходные мотивы легко найти в устном творчестве рабочих Германии и Австрии ³⁹, Бельгии и Франции ⁴⁰.

Предметное содержание мотивов, изображающих домашний быт и обстановку подземного труда, однотипно в рассказах и песнях горняков разных народов. Часто встречаются упоминания о темных, сырых, душных шахтах и штольнях, где люди должны были проводить дни и ночи ⁴¹. Рабочие рассказывали и пели о катастрофах, о притеснениях начальства, о бесправном положении и непосильном труде, который давал ничтожный заработок и не позволял избавиться от нищеты. Точность передачи жизненных фактов, документальная достоверность в изложении деталей обстановки труда, условий быта, отраженных горняцким фольклором, подтверждается многими сведениями архивных источников, устными хроникальными рассказами, историческими исследованиями и этнографическими описаниями.

* * *

Социальные воззрения горняков выявляются и в обрисовках ими своих врагов. Старый горняцкий фольклор был единодушным в резко отрицательных оценках представителей социально-враждебного лагеря. Эти персонажи выступают в том виде, в каком они воспринимались самими поработенными людьми. В рассказах и песнях горняков Урала, Сибири, Донбасса, Подмосковья, в фольклоре казахов Караганды говорится о прислужниках господ — приказчиках, управляющих, смотрителях, главных штейгерах и проч., которые истязают рабочих и наживаются за их счет. Они совершают эти преступления, пользуясь неограниченной властью над своими подчиненными ⁴².

Сказки и легенды немецких и австрийских горняков тоже упоминают о несправедливых и жестоких начальниках ⁴³. Их боятся и ненавидят за притеснения и злодеяния ⁴⁴. Немецкая легенда рассказывает, что штейгер в диком гневе убил рабочего ⁴⁵. Надсмотрщик намеренно вредит горняку и, желая сократить его заработок, направляет его в каменистый забой ⁴⁶.

Мотивы возмездия заводчикам и горным начальникам за их бесчинства относятся к числу наиболее распространенных в устном творчестве горных рабочих ⁴⁷. Но социальные протесты и мотивы борьбы за свои человеческие права в ранний период истории пролетариата были еще

³⁸ A. L. Lloyd, Указ. раб., стр. 70; ср. произведение «Жалоба шахтера» в указ. раб. А. В. Ионова.

³⁹ См.: Н. Trommer, Указ. раб. и др.

⁴⁰ См. раздел «Les mines et les mineurs» в журн. «Revue des traditions populaires» (цит. выше).

⁴¹ «Der todesschwangere Schacht» — так названа шахта в песне «Neue Kameradschaft», см.: J. Vogl, Aus der Teufe. Bergmännische Dichtungen, Balladen und Bergmanns-Lieder, Wien, 1856.

⁴² А. Гуревич, Песни и устные рассказы рабочих Сибири, Иркутск, 1940, стр. 11—12, 27—28, 45; А. Мисюров, Указ. сб., № 27, 37, 43; В. П. Бирюков, Указ. раб., стр. 184—185, 186, 282 и др.; М. Г. Китайник, Устные рассказы уральских рабочих, Свердловск, 1953, стр. 11 и др.

⁴³ См., например, Н. Weichelt, Hannoversche Geschichten und Sagen, Norden, o. J. (см.: «Die Teufelgrube bei Goslar»); F. Wrübel, Указ. раб. (см.: «Eine wahre Geschichte»), а также: Н. Trommer, Указ. раб., стр. 12 и сл.

⁴⁴ H. Größler, Указ. раб. (см.: «Der Hüttenmeister Böse auf der Saigerhütte bei Hettstedt»).

⁴⁵ A. Witzschel, Sagen aus Thüringen, Wien, 1866 (см. «Das verwünschte Bergwerk bei Wilhelmsdorfe»).

⁴⁶ F. Wrübel, Указ. раб. (см. легенду «Schlechte Kameraden»), а также: Н. Trommer, Указ. раб., стр. 120—127.

⁴⁷ См.: А. Гуревич, Указ. раб., стр. 28; «Уральский современник», Свердловск, 1938, № 2, стр. 137, и мн. др.

лишены классовой политической направленности и часто разрешались в плане общих представлений о «справедливости» и о «нравственном долге». Врагов трудового народа карают «провидение», «бог», «небеса» или «горные духи». Французские и бельгийские шахтеры верили, например, что «высшая сила» наказывает владельцев горных промыслов и начальников за притеснения рабочих и подает знаки своего недовольства взрывами газа, затоплением шахт, обвалами, причиняющими хозяевам большой ущерб⁴⁸. По уральской сказке, приказчик в возмездие за свои злые дела гибнет в болоте⁴⁹. Песня рабочих Сибири приписывает кару, постигшую ненавистных насильников, вмешательству бога, у которого иссякло терпение переносить бесчеловечные поступки «власть имущих»: «Он терпел точно до время, Принабрал таких беремя, Бросил прямо в ад»⁵⁰. Другая песня выражает пожелания, чтобы всех злодеев «господь вверг в огненную геенну» и «предал сатанинскому плену»⁵¹.

По вине хозяев жизнь рабочих была страшнее ада (ср. сказку «Кузнец и черт»). И воображение горняков рисовало им торжество справедливости, которой не было в действительной жизни. Ад представляется местом, где хозяева получают полную меру наказания.

Мотив ада, как места, куда попадают те, кто на земле был господином положения, встречается и в фольклоре английских шахтеров. Ад, как говорит один из персонажей баллады английских горняков, переполнен шахтовладельцами, и если в аду еще находится кое-кто из рабочих, то их выгонят оттуда, чтобы освободить место для хозяев⁵². Вероятно, в этом мотиве есть отголосок веры в догмат о загробном воздаянии, который внушался христианской церковью.

В произведении, сложенном английскими горняками по поводу закрытия шахты и массового увольнения рабочих, говорится о голоде, увеличивающемся с каждым днем, и о необходимости наказать хозяев, этих виновников всех бед: хозяева должны получить девять палочных ударов, причем «место побоев» предлагается посолить, чтобы нельзя было сесть⁵³. Как видно, ирония, сочетающаяся с гневом, была наивным и непосредственным проявлением стихийного протеста против гнета. Это еще далеко не та классовая ненависть, которая впоследствии станет двигателем революционной борьбы.

Заметим, в частности, что забастовочные песни рабочих Чехословакии, восходящие к периоду феодализма и предшествующие собственно рабочим песням, возникновение которых связано с началом в 1860—1870-х годах организованного рабочего движения, еще не содержат в себе революционных тенденций, отличающих собственно рабочие политические, агитационные песни⁵⁴.

Тема борьбы появляется значительно раньше того времени, когда рабочие осознали себя как класс, противостоящий буржуазии⁵⁵. Тема эта нередко разрешалась на местном материале, а произведения устного творчества выражали особые запросы рабочих данного предприятия и были направлены только против определенного хозяина, владельца рудников, шахт, заводов. Требования же рабочих ограничивались вопросами быта. Но борьба экономическая приобретала политический оттенок.

⁴⁸ «Revue des traditions populaires», III, № 10, Paris, 1888, стр. 500 и др.

⁴⁹ «Уральский современник», Свердловск, 1938, № 2, стр. 137.

⁵⁰ А. Гуревич, Указ. раб., стр. 40.

⁵¹ «Песни и сказки на Онежском заводе», Петрозаводск, 1937, стр. 33.

⁵² A. L. Lloyd, Указ. раб. (см. «The Coal-owner and the Pitman's Wife»).

⁵³ Там же (см. «The Durhan Lock-out»).

⁵⁴ См.: О. Sirovátka, Указ. раб., стр. 234.

⁵⁵ Ср. В. И. Чичеров, Русское народное творчество, М., 1959, стр. 454.

Ограниченность общественного сознания горняков в ранний исторический период показывает отсутствие у них представлений о непримиримости классовых интересов, о действенных способах ведения социальной борьбы и ее революционных целях. Рабочие просили хозяев улучшить их материальное положение, взывали к чувству жалости своих господ⁵⁶. Но хозяева, как говорили английские шахтеры, сжигают людей со света, чтобы увеличить свои богатства⁵⁷.

Шахтеры Чехословакии жаловались, что у них больше нет сил терпеть голод и нищету⁵⁸. Возмущенные несправедливостью своих господ, богемские горняки приходят к выводу, что дальше так жить нельзя. Они видят, как обогащаются владельцы шахт, арендаторы и чиновники. Но чешские рабочие (и в этом проявлялись их социальные иллюзии) соединяли свои интересы с интересами короля, считая его другом тружеников и полагая, что врагами короля, как и их врагами, являются все, кто занимает господствующее положение в обществе и кто непосредственно управляет жизнью простого народа⁵⁹. Старинный словацкий фольклор рабочих также идеализирует королей. Например, сказки словацких крепостных сплавщиков соединяют с личностью короля Матвея свои мечты о герое, который покарает господ и защитит угнетенных⁶⁰.

Как известно, вера в царя сохранилась и у многих русских рабочих вплоть до революции 1905 г. Легенды горняков говорят, что наступит время, когда богатства земли станут собственностью народной, когда добро и правда восторжествуют и наступит справедливый общественный строй. Об этом повествовали русские рабочие сказы⁶¹. Право победит грубую силу и принуждение, пели английские шахтеры⁶². Рассказывая о торжестве добра, словацкие рабочие, как пишет А. М. Гуска, стремились уйти от «несправедливой действительности созданием иллюзии о лучшем и социально более справедливом будущем»⁶³.

Однако рабочие не оставались бездеятельными в ожидании времени, когда улучшится жизнь. Возмущенные жестокостью своих поработителей, они убивали их. На защиту обездоленных становятся народные мстители. Они страшны для хозяев и их сообщников. Рабочий фольклор наделяет защитников народа высокими достоинствами, идеализирует их, и легенды, характеризуя эти персонажи, пользуются средствами гиперболы и фантастики.

Предания, легенды русских горняков Сибири и Урала создают образы Кривоуцкого, братьев Белоусовых, Сороки, атамана Золотого и других «беглецов», «разбойников», «вольных людей», героев, связанных с местной историей. Эти бунтари-одиночки или группы «разбойников» поддерживают бедняков и мстят богачам, расправляются с заводским и рудничным начальством. Подобные же персонажи встречаются и в фольклоре других народов, например в словацких рабочих сказках⁶⁴.

⁵⁶ См., например, A. L. Lloyd, Указ. раб. («Geordie Black», «Fourpence a Day» и др.).

⁵⁷ Там же, стр. 94; в песне английских ткачей говорится: «Мне нечего есть, и одежда моя давно износилась в клочья... Мы работаем так шесть недель подряд, ожидая обещанных денег, непосильный труд измотал нас всех, и мы стали похожи на тени» (И. Маккол, Английский фольклор, «В защиту мира», 1953, № 29, стр. 74—75).

⁵⁸ A. Jirásek, Böhmen's alte Sagen, Praga — Berlin, o. J., стр. 268.

⁵⁹ Там же («Die Bergknappen von Kuttenberg»).

⁶⁰ A. M. Húška, Slovenské pltnické zvykoslovie a folklór, «Slovenský národopis», Ročník III, číslo 3, Bratislava, 1955, стр. 352.

⁶¹ Ср., например, сказ «Гора Недотрога» (Из тагильских старинных преданий), саз. «Тагильский рабочий», 20 июля 1940 г., № 166, а особенно сказы П. П. Бажова, основанные на уральском горнорабочем фольклоре.

⁶² A. L. Lloyd, Указ. раб. (см. «The Miner's Grievances»).

⁶³ A. M. Húška, Указ. раб., стр. 352.

⁶⁴ Там же.

На ранних этапах освободительной борьбы в устном творчестве рабочих проявлялась та же самая черта, которая была отмечена В. И. Лениным как характерный признак социальных воззрений крестьянских масс, еще не вовлеченных в организованную классовую борьбу. Рабочая масса также «уже ненавидит хозяев современной жизни, но... еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»⁶⁵.

Социальная активность горняков усиливается по мере роста их классового самосознания, и в их устном творчестве все более и более отчетливо начинают звучать призывы к организованной борьбе⁶⁶.

Можно думать, что идеям классового единства, международной солидарности пролетариата, получившим столь яркое воплощение в массовой революционной поэзии, предшествовали представления о «трудовом братстве» рабочих разных стран, выраженные в произведениях устного творчества. Любопытно, что идея интернационализма, появившаяся в рабочем фольклоре, сначала ограничивается лишь миром горняцкой профессии и воплощается в образе «родины горняков»⁶⁷. По словам немецкой песни «Отчизна рудокопа»⁶⁸, родина эта не ограничена национальными рамками и государственными границами. Она находится в любом месте, где есть шахты, глубоко залегающие под землей, и где разрабатываются полезные ископаемые. Родина горняка везде, где живут его собратья по труду. В песне «Отчизна рудокопа» нет ни мотивов социальной борьбы, ни оценок общественного положения рабочих, не раскрыты в ней и связи с конкретными условиями исторической жизни народа. Можно думать, что идея интернациональной солидарности горняков могла зародиться на почве пережиточно сохранявшейся еще от средневековья цеховой, корпоративной замкнутости трудовых коллективов.

В русской массовой революционной песне (периода первой русской революции 1905—1907 гг.) «родина» мыслится как «отечество трудящихся». Рабочие осознали, что борьба с самодержавием и классом эксплуататоров — это и есть защита «родины всего трудового народа»⁶⁹.

* * *

Предварительные сопоставления рабочего фольклора разных народов, проводимые с целью будущей обстоятельной типологической его характеристики, позволяют наметить некоторые черты общности, сходства не только в идеях, образах, мотивах, но и в направлениях исторического развития рабочего фольклора, в методах трактовки им жизненных явлений, а также в отношении между устным творчеством рабочих и традиционным фольклором крестьян.

Фантастика в ранних рабочих сказках, конечно, не была «поэтической условностью или аллегорией»⁷⁰. Но мы полагаем, что органичность фантастики в этих произведениях обуславливалась общим характером анимистического восприятия мира горнорабочими XVIII — первой половины XIX века, а не «особым методом их художественного мышления»⁷¹.

⁶⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 323.

⁶⁶ Ср., например, «Stand out, Ye Miners All» в указ. раб. А. Л. Lloyd.

⁶⁷ Ср. понятие «Bergheimat» (Saafnlob, Das lustige Buch der Erzgebirger, Leipzig, о. J., стр. 3).

⁶⁸ Песня «Des Knappen Vaterland», см.: M. Döring, Sächsische Bergreyhen, Grimma, 1839/40.

⁶⁹ См.: П. Г. Ширяева, Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1906—1907 гг., «Славянский фольклор», М., 1951, стр. 118; ср. также В. Карбусицкий, Идея родины в старых чешских рабочих песнях («Hudební rozhlady», V, 1952).

⁷⁰ В. Е. Гусев, О художественном методе народной поэзии, «Русский фольклор», V. М.—Л., 1960, стр. 45.

⁷¹ Там же.

В противном случае пришлось бы признать, что всякое одухотворение природы уже есть акт художественного творчества. Это замечание прежде всего относится к рабочим сказам раннего периода, создаваемым только для того, чтобы как-то объяснить те природные явления, казавшиеся таинственными, с которыми горняк постоянно сталкивается в своем труде и которые впоследствии люди научились объяснять с помощью точных научных знаний. Ранние фантастические сказы рабочих еще были неразрывно связаны с такими видами трудовой деятельности, которые являлись средством для удовлетворения одной главной потребности — потребности в сохранении своего существования. Припомним здесь кстати, что не всякая мифология, «т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом в народной фантазии», может быть «предпосылкой искусства» и его «материалом»⁷².

Историческая поэтика дает убеждающие примеры того, как на материале анимистических представлений создавались системы поэтических образов и возникали различные средства художественной изобразительности. Но произошло это лишь тогда, когда анимистические представления, выраженные в мифологии, стали развиваться в образы поэзии и использоваться как формы выражения поэтического содержания⁷³. Художественная сущность рабочих фантастических сказов раннего периода не осознавалась ни творцами-исполнителями, ни слушателями. Объективно художественные качества этих произведений стали раскрываться и оцениваться позднее по мере того, как мифология, фантастика, утрачивая свою связь с восприятием мира, переходили в область искусства и начинали восприниматься как выражение художественного поэтического вымысла. Установка на достоверность фантастического рассказа становится при этом чисто условной.

Наблюдаемые «тенденции усиления историзма и социальной конкретности познания действительности»⁷⁴ проявляются наиболее отчетливо именно в устном творчестве рабочих, прочно закрепленном за действительностью фактов реальной жизни и связанном с практическими потребностями труда, с нуждами быта, с задачами социальной борьбы.

Уже с раннего периода истории пролетариата начинают отражаться в произведениях, бытующих среди рабочих, разные стороны производственного быта, воззрения и социальные запросы тех или иных местных трудовых коллективов, объединенных общностью частных групповых интересов и производственной деятельностью. Эти специфические черты рабочего фольклора, вполне сложившиеся ко времени становления рабочего класса и выхода его под руководством социал-демократических партий на арену политической борьбы, перестают отражать новые явления и процессы жизни. Экономическая борьба против отдельных капиталистов повсюду перерастает в борьбу всех рабочих за политическую власть. С этого времени зарождается тенденция к тому, что мотивы и детали, почерпнутые из производственного быта, получают обобщенный характер, утрачивают свою первоначальную закреплённость за данным локально ограниченным фактом. Они используются лишь для выражения на конкретном жизненном материале идей революционной перестройки общества и освобождения всех трудящихся. Рабочий фольклор в его прежней («социально-жанрово-типической») форме уже не мог удовлетворять требованиям и запросам, какие рабочий класс стал предъявлять к произведениям словесного творчества. Творчество рабочих переходит на более высокую ступень. Это проявляется в расшире-

⁷² К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 225.

⁷³ Ср. Л. И. Емельянов, Проблема художественности устного рассказа, «Русский фольклор», V, М.—Л., 1960.

⁷⁴ В. Е. Гусев, Указ. раб., стр. 41.

нии его социальных идей, которые приобретают общенародный характер, а также в интенсивном сближении с книжной средой и индивидуальной творческой инициативой, наконец — в переходе от речевых средств местных диалектов к литературному языку с его речевыми стилями.

Сходство образов и мотивов в рабочем фольклоре разных народов обуславливается сходством общественно-исторических ситуаций, социальных отношений, в конечном счете близостью или аналогичностью форм материального производства. Параллели, наблюдаемые в образной системе фольклора разных народов, случаи повторяемости в повествовательных мотивах рабочего фольклора могут отчасти объясняться и заимствованиями в результате исторической близости народов и развития международных культурных связей⁷⁵.

История рабочего фольклора имеет у разных народов не одинаковые хронологические рамки. Если время возникновения устного творчества рабочих относят в России к XVIII — началу XIX столетия, то в Германии и Чехии (Богемии) оно отодвигается к XVI веку. Необходимо изучать становление рабочего фольклора и пути его развития в конкретных условиях исторической действительности каждой страны и каждого данного народа.

Типологическая характеристика рабочего фольклора не может быть безотносительной к «типологии общественных явлений» в истории разных народов, потому что содержание произведений черпается из реальной действительности и само входит в состав примет, которые характеризуют те или иные жанровые формы. Но черты типологической общности, выявляемые с помощью сравнения рабочего фольклора разных народов, не сводятся к общности элементов содержания произведений, возникшей на почве общности типологии социальных явлений, которые отражаются в рабочем фольклоре. В комплекс типологических признаков фольклора рабочих входят также различные средства языковой выразительности, образительные формы, с помощью которых воплощается идейное содержание. Типологическому их истолкованию должен содействовать прием сравнительного исследования.

SUMMARY

The article presents a comparative study of miners' folklore in various countries. It notes the common ideas, characters and themes apparent in the early history of the proletariat. Miners' folklore reflects their conditions of work, their outlook on life, their social demands. Common characteristics can also be found in the way this folklore developed in various countries, in its manner of interpreting social phenomena. These common characteristics arise from the similar conditions of historical development among the proletariat of different countries.

⁷⁵ См. В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, Доклад на IV Международном съезде славистов, М., 1958.

Я. Я. РОГИНСКИЙ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРИЗНАКАМИ В АНТРОПОЛОГИИ *

Тема моего сообщения, конечно, не может быть признана близкой к основным интересам Д. Н. Анучина. Однако некоторым оправданием для ее выбора может послужить прежде всего интенсивная разработка данного вопроса антропологами, в той или иной степени вышедшими из анучинской школы. Кроме того, широкое значение этой темы не могло не сказаться и на творчестве самого Д. Н. Анучина. Не случайно в одном из первых номеров «Русского антропологического журнала», в статье о соотношении главнейших размеров головы и лица человека с его ростом В. В. Воробьев среди авторов, установивших закономерное отставание относительной величины окружности груди при увеличении роста, назвал Д. Н. Анучина, именно — его известный труд о географическом распределении роста мужского населения России (1889 г.). Сам Д. Н. Анучин в одной из своих программных статей писал о познании взаимной связи телесных и духовных разновидностей человеческого¹.

Вряд ли нужно говорить о том, что я ограничусь лишь малой долей огромного предмета своей темы. Речь будет идти по преимуществу об отечественных работах.

Начну с краткого очерка истории вопроса о связях в морфологии человека и животных.

Корреляции в общей морфологии

Жоффруа Сент-Илер в поисках доказательств единого животного мира выдвинул четыре правила, или принципа: 1) теорию аналогов, 2) принцип связей, 3) принцип избирательного сродства органических элементов и 4) принцип уравнивания органов. К нашей теме имеют непосредственное отношение второй и четвертый принципы. Принцип связей заключается в том, что критерием тождественности органов у разных групп животных может служить не их форма и функция — они чрезвычайно изменчивы, а расположение органов, их соотношение, их взаимная связь. Принцип равновесия состоит в том, что ни один орган не увеличивается и не уменьшается в объеме без того, чтобы пропорционально не изменился и какой-то другой орган, находящийся в той же системе или в связи с первым. Речь, очевидно, идет о том, как справедливо указал И. Е. Амлинский, что позднее получило в эволюционной морфологии название морфогенетических корреляций².

* Доложено на заседании Института и Музея антропологии Московского университета, посвященном памяти академика Д. Н. Анучина, 20 декабря 1961 г.

¹ Д. Н. Анучин, Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи, «Русский антропологический журнал», 1900, № 1.

² И. Е. Амлинский, Жоффруа Сент-Илер и его борьба против Кювье, М., 1955.

Значительно большей известностью в истории науки пользуется, однако, учение о корреляции современника и идейного противника Жоффруа Сент-Илера — Кювье. Кювье опирался на «принцип условий существования», т. е. на необходимость, чтобы части живого существа действовали на благо целого. Из этого принципа вытекает утверждение Кювье о том, что «все органы животного образуют единую систему, части которой связаны, действуют и противодействуют друг другу; и ни одно изменение одной части не может произойти без того, чтобы не привести к соответственным изменениям всех остальных»³. Положительное значение взглядов Кювье заключалось в том, что им было указано на важнейшее жизненное значение приспособленности организма к окружающей среде, составляющей с ним как бы единое целое. Однако непризнание Жоржем Кювье идеи эволюции не могло не повести к смешению разных типов связей. Не допуская возможности исторически возникших взаимозависимостей между органами или признаками, он все корреляции считал функциональными. Но поскольку это не так, Кювье, откладывая на неопределенное будущее возможность познать функциональную внутреннюю необходимую связь частей организма, практически должен был довольствоваться эмпирически добытыми фактами простого существования свойств отдельных частей внутри органа или в пределах всего организма.

Естественно, что иное понимание корреляций мы находим у Чарльза Дарвина. Наиболее подробно Дарвин рассмотрел этот вопрос в главе XXV своего труда «Изменение животных и растений в домашнем состоянии», где он специально проанализировал законы соотносительной или коррелятивной изменчивости. Дарвин уже отдавал себе полный отчет в том, что существо связей между частями организма бывает глубоко различным. Так, в начале названной главы Дарвин писал: «... в обширных группах животных известные формы всегда существуют совместно: например, особая форма желудка — с зубами особой формы; мы можем сказать, в некотором смысле, что такие образования находятся в соотношении. Но эти случаи не имеют безусловной связи с законом, который мы рассмотрим в настоящей главе; мы не знаем, чтобы начальные или первичные вариации разных частей были как-нибудь связаны между собой: слабые отклонения или индивидуальные отличия могли сохраняться сначала в одной части, а потом в другой, пока не получилась конечная, вполне соразмерная организация»⁴.

Здесь совершенно очевидно противопоставляется межгрупповая и внутригрупповая корреляция. Что касается последней, то Дарвин подробно рассказал о некоторых законах, управляющих ею. Он указал на влияние, оказываемое на другие органы органом, изменившимся в раннем зародышевом периоде, на связи между смежными по положению частями, на определяющее влияние общей массы тела на его отдельные части, на склонность изменяться в одинаковом направлении гомологичных частей, если они развиваются в сходных условиях, на коррелятивные изменения кожи и ее придатков и т. д. Хорошо известны мысли Дарвина о соотношениях между процессом эволюции и коррелятивной изменчивостью. Он полагал, что в строении вида могут укрепиться бесполезные признаки, если они коррелятивно связаны с другими, полезными свойствами, «поощряемыми» естественным отбором.

Деление корреляций на физиологические и индивидуальные, с одной стороны, и филетические — с другой, было проведено Л. Плате⁵. Этому

³ Цит. по работе: И. И. Шмальгаузен, Значение корреляций в эволюции животных, «Памяти академика А. Н. Северцова, Сборник статей», т. I, М.—Л., 1939.

⁴ Ч. Дарвин, Изменение животных и растений в домашнем состоянии, Рус. перевод под ред. К. А. Тимирязева, М.—Л., 1941, стр. 497.

⁵ L. Plate, Vererbungslehre und Deszendenztheorie, «Festschrift zum 60 Geburtstag R. Hertwig», т. II, 1910.

автору принадлежит также разграничение функциональных и идиоплазматических корреляций. Очень большое значение в дальнейшей разработке этой проблемы имели исследования А. Н. Северцова. В своей теории монофилетической эволюции он обосновал и развил положение о том, что параллельно с эволюцией первичных адаптивных изменений идет эволюция функционально с ними связанных коррелятивных признаков, из которых одни бывают полезны, другие же могут быть индифферентны⁶.

Вполне понятно, что интересы А. Н. Северцова сосредоточились на изучении именно тех корреляций, которые получили название филетических. А. Н. Северцов с целью внести порядок в систему обозначения разного типа связей, усложнившуюся в результате разного понимания слова корреляция (работы Бехера, Дюркена, Домбровского), предложил вместо термина «филетическая корреляция» термин «координация» и разделил координации на два вида: а) морфологические и б) топографические, причем указал, что отношения между морфологически и топографически координированными органами, т. е. «между двумя членами координационной цепи, могут изменяться в течение эволюции различным образом»⁷.

Если А. Н. Северцова интересовала проблема филетических корреляций, то анализ связей между частями внутри отдельной особи стал предметом исследований в других областях, главным образом в экспериментальной эмбриологии, в биометрии и в генетике. Блестящими работами эмбриологов были освещены формообразовательные процессы в развитии глаза позвоночных, органогенез слухового пузырька и слуховой капсулы, было показано взаимное влияние закладок в процессе развития осевых органов. Следует особо отметить роль отечественных эмбриологов во главе с Д. П. Филатовым в изучении и обосновании наличия взаимодействия частей в органогенезе, в частности того факта, что при детерминационном процессе «пассивная» часть не является инертной, но влияет на детерминирующую часть.

Совершенно другой и по методу и по задачам путь изучения внутренних связей между признаками был проложен в биометрии, путь гораздо менее пригодный, чем экспериментальный, для понимания непосредственных причин формообразования, но позволяющий судить о количественной мере взаимосвязей между размерными и описательными признаками внутри однородной популяции. В качестве одного из примеров такого исследования назову работы В. В. Алпатова по насекомым, рыбам и птицам.

Наконец, связь между признаками изучалась в генетике главным образом на явлениях плейотропии, а также сцеплений и «кроссинг-вера».

Начиная с 1935 г. И. И. Шмальгаузен в ряде исследований уделил большое место вопросу о значении корреляций в эволюции животных. Ему принадлежит заслуга синтеза в обсуждаемом здесь вопросе, важная роль в построении общей теории связей, в которой он опирается как на экспериментальный, так и на исторический метод. Как известно, И. И. Шмальгаузен считал необходимым подчеркнуть, что биологический смысл имеет только динамическое понимание корреляций; за статистическим же он сохранял лишь значение в качестве метода исследования, но не понятия теоретической биологии. Под термином «корреляции» И. И. Шмальгаузен понимал лишь те зависимости, которые имеются между органами развивающейся особи. Зависимости между органами эволюирующего вида он обозначал (следуя А. Н. Северцову) «координациями». «Корреляции» в соответствии с факторами онтогене-

⁶ А. Н. Северцов, Морфологические закономерности эволюции, М.—Л., 1939.

⁷ Там же, стр. 447.

за он расчленял на геномные, морфогенетические и эргонтические. Первые обусловлены непосредственно наследственными факторами. Вторые — это взаимозависимости, определяемые внутренними факторами развития и создающие общий план строения организма. Третьи представляют собой зависимости, вызываемые функциональными соотношениями; они регулируют главным образом согласованное развитие более тонких структур в постэмбриональном периоде. «Координации» по характеру связи между частями и органами разделяются на топографические (по А. Н. Северцову), динамические и биологические. Первые выражаются в пространственных соотношениях между органами, не имеющими непосредственной функциональной зависимости; динамические, наоборот, выражаются в зависимых изменениях соотношений, величины и формы функционально связанных частей или органов; наконец, биологические координации выражаются в соотношениях, зависящих от среды и непосредственно не зависящих друг от друга; они легко разрываются при выходе из данной среды.

По И. И. Шмальгаузену, все формы взаимозависимостей устанавливаются под воздействием естественного отбора, координации же устанавливаются исключительно через естественный отбор. Все они имеют значение в процессе эволюции, причем значение качественно различное. Топографические координации играют роль до известной степени консервативного начала, динамические — обеспечивают жизненность формы в смысле «согласия частей», биологические выражают согласованность органов по отношению к внешней среде.

И. И. Шмальгаузен считает, что в процессах ароморфозов наибольшее значение имеют новые динамические координации. При адаптациях же решающую роль играют биологические координации⁸. Следует отметить, что И. И. Шмальгаузен признавал лишь ограниченное значение корреляций, изучаемых в биометрии и играющих, с нашей точки зрения, важную роль в антропологии.

Корреляции в антропологии

Не буду останавливаться на отдельных работах по вычислению корреляций между размерами тела человека, хотя научное и прикладное значение этих работ очень велико. Масштаб исследований такого рода, проводящихся в Институте антропологии Московского университета, особенно велик в области изучения антропологической стандартизации. Здесь, однако, будет идти речь лишь о таких исследованиях, в которых были освещены наиболее общие теоретические проблемы, касающиеся связей между признаками. Начну с работ Е. М. Чепурковского.

В своем труде о географическом распределении формы головы⁹ Чепурковский (ссылаясь на свою статью, относящуюся к началу столетия)¹⁰ писал о необходимости строго различать междурасовые и внутрирасовые корреляции. Вследствие важности этого положения, высказанного Е. М. Чепурковским применительно к оценке значения систематических признаков, приведу его собственные слова: «Некоторая возможность судить об относительном значении признаков есть (как я позволил себе указать в А. S.) в следующем: не задаваясь вопросом об их физиологическом значении, сравнить их между- и внутрирасовую корреляцию. А именно, предположим, что у представителя какой-нибудь расы между признаками «а» и «б» существует такая зависимость, что «а» увеличивается одновременно с «б» и что то же самое наблюдается

⁸ И. И. Шмальгаузен, Указ. раб.

⁹ Е. М. Чепурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», Труды Антропологического отдела, т. XXVIII, вып. II, М., 1913.

¹⁰ «Archiv für Anthropologie», В. X, 1902.

и у представителей всех других рас. Это будет внутрирасовая корреляция — быть может просто анатомофизиологическая зависимость. Но предположим, что мы определили средние величины «а» и «б» у значительного числа отдельных групп человечества. Тогда, определяя зависимость между этими средними групп, мы найдем, что «а» или увеличивается одновременно с «б», или уменьшается, или остается неизменным. В первом случае эта «междурасовая» корреляция совпадает с внутрирасовой, а во вторых двух процессы, образовавшие расу, ее (корреляцию.— Я. Р.) уничтожили или даже совершенно извратили.

Я полагаю, что настоящими расовыми признаками следовало бы считать только те; у которых обе корреляции не совпадают, ибо, если они совпадают, то мы имеем просто внутрирасовые соотношения, продолженные, так сказать, и между расами, если же нет, то эти соотношения побеждены теми процессами, которые образовали расу»¹¹.

Большое место в дальнейшей разработке проблемы закономерностей связи между антропологическими признаками заняли исследования В. В. Бунака. В 1924 г. он предложил различать типы как комбинации самостоятельных свойств и типы, представляющие собой внутренние связанные проявления одного общего типа сложения¹². Наиболее характерными комплексами первого, т. е. комбинационного типа, являются расы. Типы второго комплекса характеризуются совокупностью признаков, связанных между собой неразрывно, источник сосуществования которых вытекает из физиологии и каждый из которых — частное проявление единого целого. Таковы конституции функциональные. Еще подробнее было развито Бунаком принципиальное различие между конституцией и расой в работе 1928 г.¹³, в которой он выделил 9 типов по мускульному тону и по жиротолжению. К этому же делению Бунак вернулся в исследовании 1940 г.¹⁴. Здесь с еще большей отчетливостью и по содержанию анализируемых понятий, и терминологически В. В. Бунак различает историческую корреляцию, с одной стороны, и механико-онтогенетическую — с другой. Исторические корреляции возникают между «дочерними» группами, происходящими от группы носителей данных свойств, возникших у них в определенный исторический момент в процессе сочетания взаимно независимых мутаций. Эти связи, по Бунаку, могут быть названы расово-систематическими или историческими. Они выявляются при межгрупповых сравнениях и никаких физиологических зависимостей не выражают. Поэтому их только условно можно назвать конституционными. Подлинно конституционные связи признаков характеризуются, по мнению В. В. Бунака, тем, что имеют единое направление внутри самых различных групп и сохраняют единый знак корреляции. Такова, например, связь массы тела и его длины.

Вот на такого рода однообразных внутригрупповых связях, обусловленных механикой развития и имеющих неизбежный характер, могут быть установлены, по В. В. Бунаку, габитусные комплексы. В результате анализа методики конституционной типологии и обширного материала В. В. Бунак формулирует множество закономерностей внутригрупповых связей, из которых назовем важнейшие: индивиды, различающиеся по абсолютной длине тела, различаются и по его пропорциям; увеличение вертикальных размеров тела проявляется также в увеличении вертикальных размеров лица и носа, продольного диаметра головы;

¹¹ Е. М. Чепурковский, Указ. раб., стр. 3.

¹² В. В. Бунак, Несколько данных к вопросу о типичных конституциях человека, «Русский антропологический журнал», вып. I, т. 13, 1924.

¹³ V. V. Bou n a k, Des caractères morphologiques indissolublement liés aux variations physiologiques normales, «Bull. de la Soc. des Formes Humaines», т. 4, Paris, 1928.

¹⁴ В. В. Бунак, Нормальные конституционные типы в свете данных о корреляции отдельных признаков, «Уч. записки МГУ», т. 34 (Антропология), 1940.

жироотложение и мускулатура сильно влияют на целый комплекс описательных признаков: форму спины, живота, груди, осанку и т. д.; между собой эти два признака связаны очень мало; индивиды, различающиеся по жироотложению и по мускулатуре, почти не отличаются по пропорциям тела (в обоснование этого тезиса легко, в частности, специальное исследование П. Н. Башкирова)¹⁵, увеличение жирового слоя связано с уменьшением длины тела, увеличение мышечного слоя — с возрастанием длины тела; три признака определяют габитус (т. е. морфологический компонент конституции): жироотложение, мускулатура, абсолютная длина тела; по их сочетаниям могут быть выделены 27 различных комбинаций, а если учесть второстепенное значение роста, то 9 комбинаций; наиболее общие для организма в целом функциональные особенности связаны с метаболизмом, в частности, с углеводно-жировым обменом, с одной стороны, и с водно-минеральным — с другой; получается 9 диатезных типов, соответствующих 9 габитусным типам; их соответствие и позволяет говорить о типах конституции. Отмечу, что для понимания водно-минерального обмена и его связей со структурой кости имеют большое значение исследование П. И. Зенкевича 1937 и 1940 гг.¹⁶. Зависимость между увеличением общих размеров тела и неравномерным ростом его частей, сформулированная в конце прошлого века Гисом и затем подробно изученная Дж. Гёксли¹⁷, послужила применительно к постнатальному онтогенезу человека предметом специального исследования В. В. Бунака. Он рассмотрел относительный рост органов различных систем, относительный рост продольных размеров тела, элементов структур отдельных органов, включая их гистоструктуру¹⁸. В конституцию человека вариации гетерогенного роста Бунак включил лишь в качестве побочных признаков.

Значительно большую роль в качестве свойств конституции уделил гетерогенному росту А. А. Малиновский, исследования которого составили важный вклад в рассматриваемую проблему. Он впервые обнародовал свои взгляды в 1935 г. в кандидатской диссертации на тему о значении корреляций в учении о конституции. Основные публикации Малиновского по этому предмету относятся к концу 1940-х гг.¹⁹

Заслуга Малиновского заключалась прежде всего в глубине, точности и разносторонности анализа статистической корреляции в связи с проблемой конституции. Именно он осветил в соответствии с этой задачей сущность статистической корреляции, сопоставил многоосновные и элементарные корреляции, показал, что постоянство и устойчивость типичных корреляций во всех популяциях характерны именно для элементарных корреляций. При более сложных формах связи постоянство корреляций легко нарушается. Малиновский убедительно доказал, что корреляцию нельзя отнести за счет сцепления, что сцепление не может обеспечить постоянной корреляции признаков, потому что, как бы ни было велико сцепление генов, даже при ограниченном ходе кроссинго-

¹⁵ П. Н. Башкиров, Пропорции тела в различных конституциональных типах, «Уч. записки МГУ», вып. 10 (Антропология), М., 1937.

¹⁶ П. И. Зенкевич, К вопросу о факторах формообразования длинных костей человеческого скелета, I, «Антропологический журнал», 1937, № 1; его же, К вопросу о факторах формообразования длинных костей человеческого скелета, II, «Уч. записки МГУ», т. 34, 1940.

¹⁷ J. S. Huxley, Problems of relative growth, London, 1932.

¹⁸ В. В. Бунак, Закономерность относительного роста как основного фактора формообразования в позднем (постэмбриональном) онтогенезе, «Тезисы докладов VI Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов», 1958.

¹⁹ А. А. Малиновский, Физиологические источники корреляции в строении человеческого организма, «Журнал общей биологии», т. VI, № 4, 1945; его же, Элементарные корреляции и изменчивость человеческого организма, Труды Ин-та цитологии, гистологии и эмбриологии, т. II, вып. I, М., 1948.

вера распределение генов, а вместе с этим и признаков в пределе, будет стремиться к независимому распределению, т. е. к расторжению корреляции. Малиновский также привел интересные соображения против допущения, что корреляцию признаков в типичных конституциях можно было бы отнести за счет первичной плейотропии наследственных факторов. Гораздо больше оснований приписать этой корреляции чисто физиологический характер, включая в это понятие также и физиологию развития. Малиновский выделил в качестве двух основных координат такие вариации (допуская, что возможны и другие): координату лептосомно-эйрисомную (она же астеническо-пикническая) и координату церебрально-атлетическую. В основе первой лежат отношения диссимилиации — ассимиляции, в основе второй — явления гетерогенного роста. Обе координаты независимы друг от друга. Малиновский синтезировал в сводной таблице данные очень большого числа авторов, характеризующих с морфологической и функциональной стороны выделенные им типы. Для фактического обоснования независимости вариаций обеих основных координат Малиновскому в какой-то мере помогли мои исследования, охватившие свыше пятисот человек и осуществленные в течение 1929—1930 гг. в Центральной психо-физиологической лаборатории РККА²⁰. Следует отметить, что Малиновский несколько не отрицал существования наряду с названными, основными, координатами и различных других, требующих специального исследования.

Некоторые задачи изучения корреляций в антропологии

Из краткого обзора истории изучения закономерностей связей между признаками выношишь впечатление, что, начиная с беглых замечаний Дарвина и кончая исследованиями современных морфологов, проходит одна основная линия, разделяющая корреляции на исторические и морфо-физиологические. Значение этого разделения очень велико и проявляется в разных областях антропологии.

Так, в расоведении, очевидно, очень важно умение отличать расу как комплекс многих различных взаимонезависимых особенностей от конституции как проявления одного или двух определяющих свойств. В проблеме антропогенеза также весьма существенно при характеристике стадий руководиться аналогичным принципом. Примером ошибки, допускаемой некоторыми антропологами, может послужить выделение в самостоятельную стадию морфологической эволюции, резко отличную от ныне живущего человечества, человека позднего палеолита на том основании, что он обладал несколько меньшей высотой черепного свода. Эта особенность, действительно характерная для некоторых вариантов человека начала позднего палеолита, обнаруживается в нескольких индексах (высотно-продольном, высотно-поперечном, указателе высоты крышки, в брегматическом угле и др.). Но от этого относительная вы-

²⁰ В 1921 г. автор этой статьи выступил в Студенческом антропологическом кружке Московского университета с докладом «О взрослых людях, похожих на детей», в котором сделал попытку установить связь между морфологическими типами и психическим складом. В том же 1921 г. появилась книга Э. Кречмера «Строение тела и характер». Очевидно возникал вопрос о том, насколько совпадают обе линии вариаций, т. е. линия от «детского» типа к «взрослому», описанная мною, и линия от астенического типа к пикническому, описанная Кречмером. Мои исследования 1929—1930 гг. в упомянутой выше лаборатории показали, что обе линии взаимно независимы. Результаты этого исследования мне удалось опубликовать только в 1937 г., т. е. через 6 лет после моего ухода из лаборатории РККА. Теорией конституции я ни тогда, ни позднее не занимался. Заслуга построения и обоснования теории двух главных координат в конституции человека принадлежит целиком А. А. Малиновскому. В центре моего внимания лежал в те годы исключительно вопрос о связи строения тела и характера.

сота свода не перестает быть по существу одним признаком и ни в каком случае не может с точки зрения ее стадияльного значения оцениваться как нечто совпадающее по масштабу со всем комплексом отличий современного человека от палеоантропа.

С другой стороны, знание внутригрупповой корреляции избавляет от ненужных поисков особого приспособительного значения свойства какого-либо органа, если последнее могло возникнуть просто в качестве побочного следствия при адаптивной перестройке какого-то другого органа. Так, я полагаю, представляет методический интерес мысль, высказанная В. П. Алексеевым (не предвещая оценки правильности его вывода по существу вопроса об эволюции кисти) о том, что кисть палеоантропа чрезвычайно расширилась не потому, что эта широкая форма была полезна ее обладателю, а в силу функциональной морфогенетической корреляции со стопой: кисть расширилась вслед за стопой, а стопа стала более широкой вследствие необходимости приобрести устойчивость для прямохождения²¹.

Однако наряду с теми выводами, которые вытекают из принципа разделения корреляций на исторические и функциональные, в антропологии имеют большое значение и многие другие общие и частные закономерности связей между признаками. В дальнейшем я буду по преимуществу говорить о внутригрупповых корреляциях.

Прежде всего следует указать на большое значение разработки самих методов изучения корреляций. Не будучи специалистом в этой области, упомяну лишь о том, что в Институте антропологии Московского университета эти методы усиленно разрабатывались М. В. Игнатьевым и его сотрудниками А. В. Пугачевой и Е. И. Фортунатовой, а в настоящее время — молодыми исследователями Ю. С. Куршаковой и В. П. Чтецовым. Сошлюсь на краткие замечания о сравнительно новых приемах изучения связей, а именно — о так называемом факторном анализе и об анализе исчисления векторных корреляций в специальной статье М. В. Игнатьева²².

Приведу несколько примеров, иллюстрирующих значение исследований корреляций для эволюционной морфологии человека.

В антропологической литературе обсуждается вопрос о том, как далеко идет близость коэффициентов корреляции в разных популяциях, расах и т. д. Обнаружилось, что в целом сходство коэффициентов корреляции между одноименными признаками в различных группах очень велико при условии, если эти группы не представляют собой механической смеси разных компонентов. Обширный материал дали исследования В. Г. Власовского, показавшего, что закономерности связей весьма сходны даже в очень далеких систематических единицах у позвоночных животных²³. Однако разные признаки ведут себя в этом отношении не вполне одинаково. Так, у человека корреляции между продольными размерами длинных трубчатых костей оказались гораздо более постоянными, чем между диаметрами черепа. Анализ такого рода явлений позволил выяснить, в каких случаях мы имеем дело с элементарными и в каких — с многоосновными корреляциями.

Не подлежит сомнению, что величина связи между морфологическими признаками зависит от каких-то свойств самих признаков. Исследования автора показали, что эта зависимость подчинена некоторым закономерностям, впрочем еще далеко недостаточно выясненным.

²¹ В. П. Алексеев, Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза (о месте кинк-кобинца среди неандертальских форм), «Антропологический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. L, 1960.

²² М. В. Игнатьев, Биометрические проблемы в антропологии, «Сов. антропология», 1957, № 1.

²³ В. Г. Власовский, Сравнительный анализ корреляций на примере трубчатых костей человека и животных, «Сов. антропология», 1958, № 2.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что общая длина тела обычно сильнее скоррелирована с большими продольными размерами тела, чем с малыми, причем это относится также к размерам, не входящим в качестве слагаемых в общую длину тела. Иначе говоря, названная зависимость имеет место и без всякого участия так называемой «ложной корреляции».

Примерами могут послужить коэффициенты корреляции между ростом и длинниками верхней конечности (материалы Г. А. Чистякова по украинцам); коэффициенты корреляции роста с продольными размерами тела, не являющимися элементами, из которых складывается рост (материалы В. В. Бунака по русским); коэффициенты корреляции длины корпуса с продольными размерами тела (те же материалы В. В. Бунака). На черепе отчетливую картину убывания величины коэффициента корреляции по мере уменьшения сопоставляемых размеров дают связи бимастоидальной ширины с поперечными размерами черепа (материалы Н. Н. Миклашевской по киргизам), поперечного диаметра черепа с широтными размерами черепа (материалы М. Г. Левина по хантам).

Однако исключения из этого правила столь многочисленны, что необходимо сделать вывод о влиянии на величину коэффициентов корреляции каких-то других условий, помимо протяженности.

Так, коэффициент корреляции (материалы П. И. Зенкевича по русским) между длиной кисти и длиной стопы (0,739) оказался выше, чем между длиной кисти и «длиной туловища сзади» (0,511). Аналогичные результаты были получены в исследованиях В. В. Бунака по русским (длина кисти — длина стопы 0,470, длина кисти — длина туловища 0,245, длина кисти — длина корпуса 0,274), Я. Я. Рогинского по бурятам (длина кисти — длина стопы 0,640, длина кисти — длина туловища 0,369, длина кисти — длина корпуса 0,409).

Очевидно, что кисть и стопа как гомологичные органы испытывают действие каких-то общих факторов, влияющих на их продольные размеры. Очень высокие коэффициенты корреляции (r) между рукой и ногой имеют такое же происхождение. По данным В. В. Бунака, относящимся к русскому населению, r длины ноги и длины корпуса равен 0,283, длины руки и длины корпуса — 0,360, а длины ноги и длины руки — 0,760.

Играет ли роль смежное положение измеряемых органов или элементов скелета? По-видимому, дело обстоит неодинаково в разных случаях.

Так, оказалось, что кисть немного более скоррелирована с предплечьем, чем с плечом, стопа несколько теснее связана с голенью, чем с бедром (исследования Я. Я. Рогинского по бурятам). Для шести серий скелетов, изученных английским биометриком Уорреном, получилось, что коэффициенты корреляции между не смежными и не гомологичными трубчатыми костями конечностей, т. е. между бедренной и лучевой и между плечевой и большеберцовой, немного меньше, чем между гомологичными или смежными; самый малый коэффициент корреляции (0,57) оказался при сопоставлении ключицы и плечевой кости. В отличие от всех этих коэффициентов, больших или очень больших (от 0,57 до 0,86), почти взаимно независимыми оказались вариации длины теменной, затылочной и лобной дуг на черепе, в том числе и смежных²⁴.

Не имеет ли значения морфогенетическая общность сопоставляемых костей черепа, т. е. их принадлежность к покровным или к преформированным хрящам? Вычисление корреляций на небольшой серии черепов киргизов, измеренных Н. Н. Миклашевской, показало, что топографические отношения во многих случаях значительно больше влияют на величину коэффициента корреляции, чем принадлежность костей к одному типу (т. е. обкладочному или хрящевому).

²⁴ K. Schreiner, *Crania Norvegica*, v. I. Oslo, 1939

Обращает на себя внимание несколько большая корреляция церебральных размеров с длиной стопы, чем с длиной ноги, хотя стопа гораздо меньше ноги и более удалена от головы. Это положение хорошо иллюстрируется, например, следующими величинами:

Коэффициенты корреляции (r) между поперечным диаметром головы, длиной ноги и длиной стопы

Группа	Автор	Поперечн. диам. головы— длина ноги	Поперечн. диам. головы— длина стопы
Буряты	Я. Я. Рогинский	$0,195 \pm 0,070$	$0,244 \pm 0,066$
Русские	П. И. Зенкевич	$0,195 \pm 0,043$	$0,263 \pm 0,041$
Русские	В. В. Бунак	$0,087 \pm 0,038$	—

Эти же соотношения получены при вычислении корреляции у детей 3, 4 и 5 лет:

Дети	Поперечн. диам. головы— длина ноги	Поперечн. диам. головы— длина стопы
3 г.	0,210	0,287
4 г.	0,167	0,316
5 л.	0,218	0,254

У детей 6 и 7 лет r по длине ноги оказались немного выше, чем по стопе; r окружности головы дают преобладание связи со стопой у обеих групп взрослых и у трех-, четырех-, пяти- и шестилетних детей; только у семилетних r по стопе 0,407 и по длине ноги 0,438. Учитывая малые размеры стопы и ее топографическую удаленность от головы, законно сделать вывод о каком-то особом факторе, слегка повышающем связь церебрального отдела головы со стопой.

В 1952 г. в своей (неопубликованной) статье «О корреляции измерительных признаков у взрослых и ее отношении к онтогении» я обратил внимание на то, что признаки, обнаруживающие более или менее тесную связь в популяции взрослых, оказываются сходными в том отношении, что оба ускоренно растут в течение по крайней мере какого-либо одного периода онтогении. И наоборот, признаки, мало скоррелированные друг с другом, обычно растут усиленно в разные моменты онтогении. Так, известно, что кисть, стопа, церебральный отдел головы очень велики у плода конца первого — начала второго месяца; следовательно, они усиленно росли в предшествующем периоде. С другой стороны, бедро и плечо продолжают интенсивно расти в течение ряда лет уже после того, как продольный и поперечный диаметры головы почти перестали увеличиваться.

Что же является причиной и что следствием? Для автора этой статьи долгое время оставалось неясным, нужно ли отправляться от сходства процессов онтогении двух признаков или от величины корреляции между ними. Как объяснить, что всего больше коэффициенты корреляции между теми признаками, которые в течение большого периода онтогенетического развития одновременно интенсивно растут? Не потому ли длина черепа и ширина носа коррелируют чуть-чуть сильнее, чем высота лица и ширина носа, что у зародыша в известном периоде большей продольный диаметр головы и широкий нос? Не потому ли окружность головы и длина стопы более тесно связаны, чем окружность головы и длина ног, что у зародыша на ранней стадии усиленно растут мозг и дистальные звенья конечностей? Почему длина ног сильнее коррелирует с высотой лица, чем с диаметрами церебрального отдела: не оттого ли, что и лицо, и ноги продолжают расти после того, как рост мозга прекратился? Ответ на все эти вопросы, однако, совсем иной. Коэффициен-

ты корреляции больше там, где теснее морфогенетические связи. Вследствие этих связей возникает и общность периода увеличенных скоростей в онтогении. Последняя общность — не причина высоких корреляций, а, наоборот, их следствие.

В качестве основного явления, таким образом, следует, как я полагаю, брать не путь онтогенетического развития, а механизм корреляции между органами, их элементами, размерами, т. е. все то, что И. И. Шмальгаузен объединял в понятии морфогенетической корреляции. Основание для такого вывода следующее. В онтогенезе могут обладать сходными скоростями в течение одного и того же отрезка времени совершенно разнородные, независимые друг от друга органы и их размеры. Эти размеры одновременно ускоренно растут в силу исторически сложившихся форм онтогенеза, но не вследствие общей для них морфофизиологической необходимости. Наоборот, наличие более или менее значительной корреляции свидетельствует о внутренней связи между размерами, которая непременно должна сказаться и в онтогении, хотя и может проявляться в некоторых случаях с меньшей силой вследствие действия других факторов, не являющихся общими для данных размеров. Таким образом, эта связь, вскрываемая коэффициентом корреляции, не может в той или иной степени не обнаружиться в онтогенезе. Если есть нечто общее в природе двух свойств, в частности двух размеров, то эта общность в какой-то мере скажется и в том, что процессы их онтогенетического изменения будут похожи. Таким образом, сходство темпов и сроков развития двух признаков можно рассматривать, хотя бы частично, как следствие их морфогенетической взаимной связи. Но сходство темпов и сроков развития само по себе, как мы говорили выше, вовсе не обязательно является отражением морфологической общности.

В качестве примера вспомним о корреляции размеров головы, кистей и стоп. Какие-то сложные связи между мозгом и дистальными элементами конечностей (кистями и стопами) намечаются в результате работ в области экспериментальной эмбриологии. При ненормальном развитии центров среднего мозга, вызванном удалением передней конечности или глаза (у амфибий, например), задняя конечность оказывается уродливой и недоразвитой, на ней развивается четыре или даже три пальца вместо пяти.

Следует также иметь в виду большое протяжение в четвертом поле коры головного мозга участков, связанных с дистальными элементами конечностей (особенно кисти).

Можно указать далее на то, что стопа (продольная ось) вообще сильно связана со всеми основными отделами тела и с его длиной в целом. Большое число «исключений» из правила об увеличении r у крупных размеров по сравнению с малыми приходится на кисть и стопу.

Итак, в основе, по-видимому, лежит корреляция как проявление стойкой внутренней связи. Онтогения же есть путь, слагающийся как из динамики развития, так и из истории формирования вида. Здесь ценность биометрического метода анализа корреляций проявляется в том, что он действует как своего рода эксперимент, вскрывающий связи между «меняющимися явлениями», в данном случае — вариациями, в отличие от эмбриологии, когда последняя сохраняет чисто описательный характер и констатирует лишь последовательность явлений.

Для эволюционной морфологии не лишены значения также выводы, полученные при изучении того влияния, которое теснота связи между размерами оказывает на устойчивость индексов, составленных из этих размеров, например, влияния связи между длиной ноги и руки на стойкость или постоянство соотношения между этими длинами. Эта устойчивость была установлена в двух разных областях явлений. Прежде всего было показано, что пропорции частей тела (индексы), имеющие

жизненно важное значение для вида, обычно характеризуются малыми коэффициентами вариации и что это достигается, в частности, согласованной изменчивостью обоих компонентов данных индексов²⁵. Аналогичная закономерность обнаружилась в онтогении человека. Было показано, что если два какие-либо размера тесно связаны между собой (в отношении внутригрупповой корреляции), то индекс, составленный из этих размеров, мало изменяется с возрастом, при условии, если скорости роста обоих размеров не слишком резко отличаются друг от друга²⁶. Эта зависимость интересна для проблемы соотношения между онтогенезом и филогенезом. Она указывает на то, что возникновение новой величины индекса в эволюции под действием одного какого-либо внутреннего фактора маловероятно, если оба размера, входящие в состав индекса, тесно связаны между собой.

Представляет далее интерес выяснение того, какие особенности характеризуют индивидов, размеры или признаки которых сочетаются нетипичным образом, т. е. или в направлении, противоположном обычной корреляции, или в малом соответствии с нею. Таковы, например, сочетания темных глаз и светлых волос, светлых глаз и темных волос. В особенности важны такого рода отступления в типах конституции, хотя по самой сущности конституции эти нарушения типичных корреляций не могут идти слишком далеко.

Некоторые проблемы общетеоретического значения

В заключение хотелось бы остановиться на той области изучения связей между признаками в антропологии, которая близко затрагивает философскую проблему о возникновении качественно новых форм движения материи.

До сих пор мы говорили о двух типах связи между свойствами организма — исторической и морфофизиологической. Первый тип связи по существу свидетельствует о полном отсутствии внутренней зависимости между свойствами, второй — выражает собой присутствие этой внутренней связи, хотя она может мало проявляться и даже совсем не проявиться у отдельного индивида. Если учитывать в коррелятивной связи как раз ее необязательность для каждого отдельного индивида (статистическая закономерность), то сама собой возникает мысль о третьем типе связи, именно о таком, который заключается в безусловной неизбежности наступления одного события при наличии другого в любом отдельном единичном случае (динамическая закономерность).

Когда эти связи последнего типа противопоставляются коррелятивному, то мы входим в круг проблем, широко обсуждаемых сейчас в естествознании и в философии естествознания, проблем о соотношении и роли динамических и статистических закономерностей.

С формальной стороны все связи можно назвать коррелятивными, так как абсолютная величина коэффициента корреляции варьирует от нуля до единицы и, таким образом, включает в себя все возможные степени тесноты связи, от полной взаимной независимости явлений до полного отсутствия свободы в пределах изучаемой пары явлений. Однако если иметь в виду очень большое качественное своеобразие этих двух крайних типов связи и их огромное теоретическое значение, следует выделить их, по крайней мере условно, в особые типы отношений и расположить все три типа в ряд — от исторических связей через статистические к динамическим.

²⁵ Я. Я. Рогинский, О некоторых результатах применения количественного метода к изучению морфологической изменчивости, «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. XXXVI, № 1, 1959.

²⁶ Там же.

В последующем изложении я буду отправляться от того положения, что, кроме микрофизики, со статистическими законами имеют дело и общественные науки, и метеорология, и биология и т. д.²⁷

Может возникнуть вопрос о том, имеет ли вообще какое-нибудь значение отсутствие связи между явлениями и заслуживает ли это негативное положение того, чтобы его делать предметом изучения.

Среди теоретических работ по общей биологии близкое отношение к этому вопросу и к интересам антрополога вообще имеет важное исследование А. А. Малиновского о типах управляющих систем, различающихся теми взаимоотношениями, в которых находятся составляющие их звенья, будь то процессы, органы, нервные или гормональные связи и т. д. А. А. Малиновский приходит, в частности, к выводам, что «... приспособление к постоянно меняющейся в любых направлениях среде как в процессе эволюции, так и в процессе выработки оптимальных форм поведения, обеспечивается за счет дискретных («корпускулярных») систем: в эволюционном процессе — в виде отдельных генетических единиц; в развитии поведения — в виде рефлекторных реакций, способных к сравнительно свободному комбинированию и формированию различных сочетаний, адекватно отвечающих на любые новые комбинации условий среды. Приспособление к постоянным условиям или к ограниченной регулярной смене условий достигается созданием корреляционных систем, где одни звенья (органы, функции) находятся в постоянной тесной связи с другими»²⁸.

Понятно, что наиболее резкий контраст между обоими типами биологических систем будет там, где полной взаимной независимости элементов одной системы противостоит самая тесная связь между элементами, т. е. такая связь, которая выражается коэффициентом корреляции, равным единице. Хотя огромное количество систем в организме характеризуется меньшей теснотой связи и, в частности, морфолог, как правило, имеет дело с коэффициентами корреляции меньшими единицы, однако в жизнедеятельности организма важнейшую роль играют качественные зависимости, при которых изменения одного фактора с неизбежностью ведут к строго определенному изменению другого.

Вполне соглашаясь с Малиновским относительно того, что «основной формой приспособления к неопределенной, различным образом изменяющейся среде является дискретность, раздробленность и способность к созданию свободных комбинаций тех единиц, за счет которых осуществляется приспособление к среде»²⁹, я полагаю, что эта дискретность имеет, кроме того, очень большое значение еще в той области, которая особенно важна для антропологии, а именно, в вопросах о человеке как существе, принадлежащем одновременно двум разным системам законов — биологической и общественной.

Нет ни одного раздела антропологии, в котором не возникала бы проблема соотношения между биологическими и социальными законами. Она существует в области изучения конституции. Она неизбежно возникает в учении о специфичности человеческих рас по сравнению с подвидами животных. Наконец, в основе теории антропогенеза мы снова встречаемся с тем же вопросом о соотношении между природой и обществом, в частности — при изучении роли естественного отбора в процессе формирования человека и процесса появления социальных закономерностей, которые на определенном уровне развития общества привели к резкому изменению роли отбора и к его затуханию.

²⁷ См.: С. Ф. А н и с и м о в, Соотношение категорий закона, причинности, необходимости и случайности, «Вопросы философии», 1955, № 6.

²⁸ А. А. М а л и н о в с к и й, Типы управляющих биологических систем и их приспособительное значение, «Проблемы кибернетики», вып. 4, М., 1960, стр. 178.

²⁹ Там же, стр. 157.

В заключение хочу сказать, что взаимодействие между проявлениями качественно разных законов движения материи, в данном случае общественных и биологических, возможно по преимуществу в области именно статистических, а не динамических закономерностей. Эта мысль вряд ли может претендовать на оригинальность хотя бы потому, что она, если ее сформулировать проще, становится почти самоочевидной.

В самом деле, какое-либо постороннее вмешательство или влияние на любой процесс возможно только там, где имеет место некоторая степень независимости отдельных частей этого процесса. В случае закона как своего рода цепи из наглухо связанных звеньев причин и следствий нет и не может быть места для приложения сил из другой области, сил, преобразующих старые связи и определяющих собой новые зависимости. Наоборот, там, где явления сочетаются по законам вероятности, а не по законам, допускающим достоверные прогнозы, вследствие отсутствия предопределенности последующего явления предыдущим, только там закономерности иной, новой формы движения могут как бы вторгнуться в чуждую им сферу явлений и преобразовать их сочетания. Приведем примеры из нескольких областей антропологии.

Проводником влияния общественных закономерностей на поведение человека могла оказаться только кора головного мозга, т. е. та область центральной нервной системы, элементы которой обладают свойством огромной пластичности взаимных отношений и которые могут служить основой для возникновения бесконечного числа условных связей. Наоборот, почти непроницаемой для реконструирующих внешних влияний, в том числе и для социальных, была и остается, например, стволовая часть мозга, если иметь в виду не ее взаимоотношения с корой, а ее внутренние, собственные автоматические фиксированные связи между звеньями проходящих в ней процессов.

Принцип систем, заключающих в себе независимые элементы, использовался и самим человеком в истории его культуры. Этот принцип легко узнать в членораздельной речи, т. е. в системе огромного множества сочетаний из ограниченного числа фонем, в алфавитном письме, в клавиатуре, где фиксирована по принципу динамической связи только система «клавиши — источники звука», но где отдельные клавиши совершенно независимы друг от друга. Эти свойства и делают названные системы адекватными средствами для общения, для мышления, для музыки и т. д.

Те же соотношения обнаруживаются и в расоведении. Законы наследственности, обмена веществ, физиологии, развития расовых признаков, а также законы их изменений под непосредственным влиянием среды могут быть целиком раскрыты методами биологических наук и, естественно, также с помощью химии и физики. Но только история, включая письменные источники, археологию, этнографию, вместе с языкознанием и фольклором, позволяет осветить причины и ход переселения расовых групп, их изоляции, смешения, изменения численности и их гибели. Иначе говоря, и в этнической антропологии социальные закономерности проявляют себя не там, где господствуют динамические законы природы, а в сфере естественной истории, в той области жизни коллективов, где отношения членов групп друг к другу и к территории с самого начала их возникновения не были закреплены какой-либо нарушаемой зависимостью.

Высказанные выше общие положения применимы также к разработке проблем происхождения и эволюции человека. Законы наследственности, физиологии обмена, биохимических явлений для человека почти те же, что и для антропоморфных обезьян. Наоборот, значение естественного отбора испытало в процессе антропогенеза принципиальную перемену. Естественный отбор в известном смысле — статистический процесс, что нашло свое отражение, между прочим, в математической тео-

рии естественного отбора. Возникшие же вместе с человеческим обществом производственные отношения стали основой связей между людьми, между тем как роль отбора резко изменилась как раз на той стадии человеческой эволюции, когда сформировалось общество в полном смысле этого слова. Действие отбора как фактора прогрессивной эволюции человека прекратилось, что отчетливо видно на факте относительной морфологической устойчивости видовых признаков неоантропа со времени позднего палеолита.

Может возникнуть сомнение в том, насколько правильно такое противопоставление отбора как статистического процесса ходу онтогении как цепи явлений, связанных динамически. Не разрывается ли таким образом вся система отношений между онтогенезом и историей вида? Напомню то, что уже говорилось выше относительно онтогенетических изменений. Если, например, в формировании трубчатых костей хрящевая ткань всегда предшествует костной и обратная последовательность невозможна, то скорости относительного роста отдельных костей могут варьировать в очень широких пределах под влиянием различных условий. Но именно поэтому отношения размеров могут так сильно изменяться в процессе превращения одного вида в другой. Перестройка онтогении всего легче осуществляется там, где связи наименее прочны. Здесь, как и во всех рассмотренных выше случаях, новое может возникнуть лишь в той сфере старого, где не безраздельно царят динамические законы.

Заканчивая свое сообщение, я еще раз напомню, что Д. Н. Анучин никогда не занимался специально проблемой корреляций. Но, я думаю, ему доставил бы чувство удовлетворения тот факт, что существенный вклад в изучение этой важной проблемы был сделан отечественной наукой, работами русских и советских ученых.

SUMMARY

The article surveys the history of the problem of correlation of features in evolutionary morphology. It examines studies on the theory of correlation in anthropology (mainly those of Russian scientists — Chepurkovsky, Bunak, Malinovsky, Ignatyev and others). It points out the importance which these studies attach to the fundamental distinction between intragroup and intergroup relations. The article also cites concrete conclusions advanced in more recent studies concerned with intragroup correlations. At the end of the article there is an attempt to show that social regularities may have emerged in that sphere of our ancestor's life where not only dynamic but also statistical relations predominated, especially where relations between biological phenomena were easily dissolved.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Я. С. СМЕРНОВА

НОВЫЕ ЧЕРТЫ В АДЫГЕЙСКОЙ СВАДЬБЕ

«Исторический опыт развития социалистических наций,— отмечается в Программе КПСС,— показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устаревшего, противоречащего новым условиям жизни»¹. Этот процесс идет у всех наций и народностей СССР, во всех областях их культуры и быта. В частности, он становится все заметней в свадебной обрядности адыгейцев, многие черты которой в последнее время начали существенно видоизменяться.

Традиционная адыгейская свадьба в том виде, в каком она сейчас справляется во многих семьях, имеет свои местные отличия в двух основных областях расселения адыгейцев — на Кубани (Адыгейская автономная область) и в Причерноморье (Туапсинский и Лазаревский районы Краснодарского края), а подчас и в отдельных районах и даже селениях, что объясняется в первую очередь остатками различий в быту адыгейских племен. Однако повсеместно она является оформлением брака уходом и включает следующие основные элементы.

1. Сватовство, предпринимаемое женихом через одного из своих товарищей — посредника («тлыко»), ведущего переговоры с девушкой тайне от ее родителей.

2. Обмен залогами («ауж») или даже письменными обязательствами вступить в брак, совершаемый через того же посредника, реже при личном свидании, и обычно сопровождающийся уговором о дне ухода девушки из дома.

3. Уход («нысэщэ куачэх»), предпринимаемый невестой тайком от родителей, которым явившийся за ней с группой товарищей жених оставляет на столе символический брачный выкуп (обычно не более десяти рублей) и которых вскоре оповещают о случившемся, прося у них через посредников согласия на брак.

4. Помещение невесты в дом одного из товарищей или родственников жениха («тешэрып»), где она живет одну-две недели, называясь с этих пор воспитанницей («пур») хозяев дома. В прошлом здесь заключался брачный договор («нэых»), знаменовавший официальное оформление брака. Поэтому по обычаю жених с момента поселения невесты в этом доме считается мужем и посещает жену по ночам. Иногда этому предшествует оформление брака в загсе, куда жених и невеста яв-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1962, стр. 115.

Рис. 1. Танцы на свадьбе. Слева — распорядитель «джэгуако»

ляются порознь, но чаще посещение загса откладывается до окончания всех свадебных церемоний. Новобрачная живет в доме своих названных родителей безвыходно, не появляясь даже на работе², куда возвращается только через некоторое время, иногда через один-два месяца после свадьбы.

5. Перевод новобрачной в дом родителей мужа («нысэщэж»), совершаемый последним с группой поезжан (младших родственников, товарищей и подруг новобрачных) за некоторое время до свадьбы. Молодая поселяется в предназначенной для нее отдельной комнате («лагунэ», «нысэун»), где по-прежнему продолжает скрываться. С этого времени в доме каждый вечер собирается и танцует молодежь, приходят и люди постарше.

6. Приблизительно одновременное переселение новобрачного в дом одного из товарищей или соседей, где он скрывается от своих родителей и старших родственников, продолжая, впрочем, ежедневно выходить на работу. Он также становится воспитанником — «пуром» приютившей его семьи.

7. Непосредственная подготовка к свадебному торжеству, происходящая накануне: несколько родственников новобрачного обходят односельчан, приглашая их на свадьбу, все родственники несут в дом продукты и деньги для устройства свадебного пира, а также подарки, предназначенные для раздачи на свадьбе. Обычно в этот же день совершается церемония возвращения новобрачного домой («шэоэщэж»), куда его приводят товарищи.

8. Свадебное торжество («нысэщэ джэгу»), устраиваемое на Кубани в субботу вечером, в Причерноморье — в воскресенье. Порядок его строго регламентирован: общее руководство осуществляется кем-нибудь из старших родственников новобрачного или почетных стариков, непосредственным распорядителем является «джэгуако», имеющий помощника «хатияко». Торжество начинается танцами под гармонь и трещотки. В танцах участвуют девушки и мужчины, тогда как замужние женщины остаются только зрительницами. Затем следуют основные свадебные церемонии и, наконец, пиршество, во время которого поочередно угощают стариков, остальных мужчин, женщин, молодежь и

² Рабочие и служащие обычно стараются приурочить эти дни к отпуску.

детей. У причерноморских адыгейцев пиршество иногда предшествует свадебным церемониям.

В разгар танцев джэгуако объявляет церемонию вывода новобрачной («нысэищ»). Закрытую покрывалом, ее выводят из лагунэ к гостям, которые один за другим делают пожертвования, громко объявляемые джэгуако. Сбор идет в пользу джэгуако и музыкантов.

Рис. 2. Родственники жениха преграждают невесте вход в дом

После этого молодую снова ведут в дом, чтобы совершить церемонию ее ввода («унэшхомищэн») в общее помещение семьи (в прошлом — так называемый «большой дом»). В Причерноморье у входа в дом молодой преграждают путь родственники мужа, пропускающие ее только после того, как получают подарки. То же повторяется при входе в комнату. У порога под ноги новобрачной расстилают ткань; в Причерноморье кладут также веник, который она должна поднять и поставить в угол. В комнате ей приоткрывают лицо, осыпают ее сладостями или мажут губы смесью меда и масла; в Причерноморье кто-нибудь из мужчин молится над чашами с ритуальными колобками и просняным пивом. В некоторых аулах Причерноморья, кроме того, одна из женщин запекает свадебную песню, а девушки — родственницы новобрачного водят вокруг этой женщины хоровод, повторяя припев. После этого молодую вновь уводят в лагунэ.

Если еще жива бабка мужа, церемония ввода молодой в общее помещение в самом начале прерывается церемонией бегства бабки из дома и возвращения домой («ныоэж эж»). В старом платье, с овчиной на плечах и набитой продуктами торбой за плечами она выбегает на улицу, жалуясь, что невестка выгнала ее из дома, и расчищая себе путь выстрелами из лука. Следом бежит толпа, ведя молодую. Ее бранят за изгнание бабки; кто-нибудь от имени молодой просит бабку вернуться, делает подарок. В конце концов та соглашается и возвращается домой. В некоторых районах в этой церемонии пассивно участвует и дед мужа.

Далее следуют церемонии ввода новобрачной в дома ближайших родственников, а иногда и соседей мужа. В основном они аналогичны обряду ввода в общее помещение семьи, но совершаются в несколько упрощенном виде. После этих церемоний молодая женщина вправе не

соблюдать обычаев избегания в отношении старших женщин данных семей; исключение составляет свекровь, избегание которой прекращается особой церемонией через некоторое время после свадьбы³.

Родители и близкие родственники молодой на свадьбе никогда не присутствуют. Новобрачный также отсутствует, скрываясь в одном из соседних домов.

Рис. 3. Один из моментов церемонии «бегства бабки»

9. Распределение между родственниками мужа привезенных новобрачной вещей (обычно одного-двух чемоданов с ее платьями, туфлями и т. п.) производится на следующий день после свадьбы, реже в конце свадебного дня. Это распределение («нысэтын») подчас сопровождается обсуждением вещей и нареканиями в адрес молодой женщины.

10. Посещение новобрачной родного дома («тешэ»), предпринимаемое через несколько месяцев после свадьбы, к тому времени, когда родители успеют подготовиться к визиту. Ее сопровождают одна или несколько родственниц мужа с подарками для родителей и родственников. Обрато она возвращается с приданым («кэтлыхыж») — платьем, домашней утварью, иногда мебелью, а также подарками для членов и родственников своей новой семьи. Затягивание тешэ или недостаточность приданого и подарков нередко также вызывают недовольство и портят отношения между молодой женщиной и ее прежней или новой семьей⁴.

³ См. об этом: Я. С. Смирнова, Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху, «Сов. этнография», 1961, № 2.

⁴ По материалам этнографических поездок 1959—1961 гг. в Шовгеновский (сел. Шовгеновск, Мамхег, Хатажукай), Кошехабльский (сел. Кошехабль, Ходзь), Октябрь-

Даже из приведенного сжатого описания можно видеть, что далеко не все свадебные традиции адыгейцев соответствуют современным условиям их быта. Это обстоятельство уже привлекло к себе внимание адыгейской общественности. Так, в 1959 г. в Лазаревской районной газете «Знамя социализма» была опубликована статья А. Сизо «Вредные пережитки прошлого», основные положения которой заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь полностью. «В свадебном обряде шапсугов,— писал А. Сизо,— много хорошего, но немало и отсталого, унижительного для девушки. По старым обычаям о дне замужества девушка не должна ставить в известность родителей. Это, к сожалению, сохранилось и в наши дни. Вот девушка вышла замуж — и ее две-три недели держат в гостевой комнате. Она не имеет права не только выходить на работу, но и показываться старшим и особенно родителям мужа. Жених, как прежде, тоже скрывается от старших... Но особенно позорный обряд совершается (в день свадьбы.— Я. С.) после обеда.

Недавно я побывал на свадьбе у колхозника сельхозартели «1 мая» Шихрет Баус, который женил своего сына. После обеда я «увидел» невесту. Ее вывели в круг с музыкой в сопровождении подруг и родных, но с закрытым лицом. Она задыхалась под покрывалом, опущенным до самых колен, не видела, куда ее ведут, не знала, что творится вокруг. Распорядитель свадьбы объявил: «Невеста просит, чтобы ее выкупили»... Собралась большая сумма, что-то около двух тысяч рублей. Возникают два вопроса. Нужно ли проводить эту самую «продажу» невесты? Почему обязательно эти деньги должны поступать в карман распорядителям свадьбы и музыкантам? И если уж согласиться с «продажей» невесты, то не лучше ли собранные деньги считать подарком молодоженам на «обзаведение»? Но главное, пора кончать с позорным покрывалом невесты... Обычно все вещи (невесты.— Я. С.) забирают родственники жениха, а если их мало, невесту осуждают... Полгода или год невеста не видит своих родителей. Дело связано с подарками родителей. На этой почве появляются сплетни с осуждением тех родителей, которые не могут сделать хороших подарков. Иногда это приводит к разводу молодоженов»⁵.

Статья вызвала широкий резонанс. Редакция газеты «Знамя социализма» получила ряд писем с мест, авторы которых резко осуждали устаревшие обычаи в адыгейской свадебной обрядности. Из Красноалександровского сельсовета поступило сообщение, что статья А. Сизо обсуждена на заседании исполкома, принявшего решение усилить воспитательную работу среди населения⁶.

В Адыгейской автономной области эти же вопросы поднимались на страницах областных газет в 1959, 1960 и 1961 гг. авторами ряда статей, призвавшими развернуть борьбу с такими отжившими обычаями, как тайный уход невесты, остатки брачного выкупа, раздел вещей новообрачной между родственниками ее мужа и т. п.⁷.

В 1962 г. Адыгейским областным радиокомитетом на эту тему была организована специальная передача, после которой в адрес редакции поступило более сотни одобрительных писем радиослушателей.

ский (сел. Афиписп), Туапсинский (сел. Куйбышевка, Большое Псеушко) и Лазаревский (сел. 1-е, 2-е и 3-е Красноалександровское, Большой Кичмай, Головинка) районы Краснодарского края. См. также: М. А. Меретуков, Семейный быт абадзехов, рукопись канд. диссертации, Тбилиси, 1954.

⁵ «Знамя социализма», 10 декабря 1959 г.

⁶ Там же, 4 февраля 1960 г.

⁷ «Социалистическая Адыгея», 12 мая 1959 г.; «Адыгейская правда», 12 апреля 1960 г.; там же, 12 декабря 1961 г.

Характерно, что в обсуждении подобных вопросов принимают участие и представители старшего поколения. Так, например, летом 1959 г. в сел. Афиписип состоялось собрание стариков, большинство которых высказалось против устаревших свадебных традиций.

Все эти выступления отразили назревшую, глубоко осознанную общественностью потребность в обновлении свадебной обрядности. По сути дела они явились лишь призывом к ускорению уже начавшегося процесса, порожденного самой жизнью, новым, социалистическим бытом адыгейцев. В настоящей статье приведены некоторые данные об этом процессе, полученные в названных выше адыгейских селениях.

Новые черты адыгейской свадьбы обнаруживаются уже с начальных эпизодов свадебного цикла. По мере того, как в процессе совместной учебы или работы, общения в самодеятельных кружках, клубе и т. п. отмирают последние остатки былой отчужденности полов, все чаще бывает, что молодой человек, намереваясь посвататься к девушке, делает ей предложение не через посредника, а лично. Обходятся без посредника и при обмене залогами, да и сам этот обмен не является теперь обязательным. Так, например, во всем Кошехабльском районе только в одном небольшом селении Ходзь молодые люди иногда обмениваются залогами⁸.

Обычай тайного ухода невесты остается еще, пожалуй, общепринятым, но символический денежный выкуп за нее часто заменяют каким-нибудь предметом, например, часами. Делается это, по словам участников церемонии, для того, чтобы родители «знали, что их дочь ушла». Впрочем и сама тайна ухода нередко является фикцией: девушка советуется с родителями, и последние хорошо осведомлены не только о ее намерениях, но и о дне оставления дома.

Дальше продвинулось отмирание обычаев досвадебного поселения невесты и жениха у их названных родителей. Чаще всего невесту отводят прямо в дом родителей жениха, а сам он нередко также остается дома — иногда демонстративно, иногда стараясь в течение одного-двух дней не попадаться на глаза старшим. Новобрачная, в свою очередь, вызывает как бы подчеркнутую застенчивость, но не скрывается в лагунэ. Подчас в таких семьях молодые люди отправляются в загс не порознь, а вместе; сокращаются и сроки невыхода новобрачной на работу; во многих случаях этот обычай не соблюдается теперь совсем. В дни подготовки к свадьбе, когда в доме по вечерам собираются гости, оба виновника торжества сторонятся старших, но свободно веселятся с молодежью; не принимают участия в танцах, но выходят посмотреть на них во двор. В таких случаях, как мне приходилось это наблюдать в 1961 г. в готовившихся к свадьбе семьях М. Джаримова (сел. 2-е Красноалександровское) и М. Нагучева (сел. Куйбышевка), пожилые родственники некоторое время ворчат на молодежь, упрекая ее в пренебрежении к приличиям («адыгагчэ»), однако быстро привыкают к новому порядку вещей и успокаиваются⁹.

Новшествами в свадебном торжестве являются упрощение, а иногда и полное опущение тех или иных элементов древнего магического ритуала, заметные изменения в традиционном регламенте танцев и угощения приглашенных, исполнение, наряду с традиционными свадебными, других, в том числе и русских, песен. Но главное и здесь заключается в другом — нежелании молодежи, в первую очередь самих новобрачных, выполнять некоторые особенно унизительные свадебные церемонии.

⁸ Полевые записи автора, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 82, 110, 112.

⁹ Там же, лл. 58, 80, 83, 84, 95, 105, 108, 110, 112.

В последние годы значительная часть девушек не надевает в день свадьбы покрывала. В некоторых селениях этот обычай практически уже можно считать изжитым: так, в сел. 1-е и 2-е Красноалександровское ни на одной из состоявшихся в 1959—1961 гг. свадеб новобрачная не выходила к гостям с закрытым лицом¹⁰. Нередко новобрачная вообще отказывается подвергаться обряду выкупа, в результате чего в Причерноморье возник своеобразный паллиативный обычай: подмена ее одной из девушек — участницей танцев. Обычай, по которому джэгуако «арестовывал» отличившуюся танцовшу и заставлял присутствующих платить за ее освобождение («пшэштэубыт»), существовал и раньше; новое состоит в том, что в последнее время к этому выкупу все чаще прибегают как к эквиваленту выкупа виноницы свадебного торжества. Не всегда также выполняются обряды выкупа у родственников мужа права новобрачной войти в общее помещение семьи и дома родственников и соседей, а также бегства и возвращения бабки. Характерно, что и сама бабка подчас участвует в этой курьезной церемонии с большой неохотой, только после длительных уговоров желающих позабавиться гостей¹¹.

В свою очередь, многие молодые люди открыто выражают недовольство обычаем, запрещающим им присутствовать на собственной свадьбе. На упомянутой выше свадьбе М. Джеримова последний пытался присоединиться к танцующим, а когда был удален одной из родственниц, не ушел, как положено по обычаю, в соседний дом, а стал наблюдать танцы, выглядывая из растущей в нескольких шагах кукурузы. Другие молодожены проявляют еще меньше уступчивости: в соседнем селении 1-е Красноалександровское И. Сизо на своей свадьбе не поддался уговорам стариков и остался с гостями, а затем даже сел с ними за один стол¹².

Наконец, постепенный отход от старых адыгейских традиций наблюдается и в порядке распределения различных свадебных сборов и подарков. В одних случаях принимается решение передать собранные во время церемонии вывода деньги молодоженам, в других — не раздавать или раздавать не полностью принесенные на свадьбу подарки, в третьих — не делить пожитки новобрачной между родней ее мужа, в иных — не уменьшать размеров приданого за счет подарков той же родне. Принимая такие решения, устроители свадьбы руководствуются стремлением, с одной стороны, избежать ненужных расходов, связанных с бесконечным обменом подарками между родственниками обоих молодоженов, с другой стороны — помочь новой семье в обзаведении предметами личного и домашнего обихода. С этим связана еще одна, совершенно новая традиция адыгейской свадьбы — поднесение непосредственно молодоженам памятных и других подарков от родственников, друзей, товарищей по работе. В последнем случае подарки часто бывают коллективными. Так, например, на праздновавшейся летом 1961 г. в сел. Большой Кичмай свадьбе молодых рабочих 2-го отделения Лазаревского мясо-молочного совхоза Т. Хушта и З. Нибо их товарищи по работе сделали им в складчину подарки на сумму около 30 руб.; в том же селении в семье Гвашевых на столе стоял хрустальный графин с надписью: «В день свадьбы Хаджету от товарищей. 6 августа 1961 г.». По имеющимся сведениям, это нововведение сейчас значительно распространилось в большинстве селений как кубанских, так и причерноморских адыгейцев¹³.

¹⁰ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 79, 96.

¹¹ Там же, лл. 70, 73, 79, 87, 96, 102, 105, 110.

¹² Там же, лл. 79, 90, 96, 107.

¹³ Там же, лл. 58, 60, 71, 73, 96, 100, 112, 113.

Перестройка и обновление адыгейской свадебной обрядности протекают неравномерно. В одних районах, селениях, даже отдельных семьях удерживаются одни старые обычаи, в других — другие, в результате чего сейчас чуть ли не каждая свадьба приобретает известное своеобразие, свое индивидуальное лицо. Более радикальны в отходе от традиционной обрядности, а вместе с тем и несколько более единообразны так называемые молодежно-комсомольские, или «новые», свадьбы.

Первые молодежно-комсомольские свадьбы среди адыгейцев были организованы в Адыгейской автономной области. Вначале это были, как правило, свадьбы в семьях работников районных комитетов КПСС и ВЛКСМ, райисполкомов и т. д. Их почин был подхвачен комсомолом, ставшим в дальнейшем главным инициатором, организатором и популяризатором этих свадеб. Показателен в этом отношении опыт Кошехабльского райкома ВЛКСМ, много сделавшего для популяризации первой в районе комсомольской свадьбы — молодого работника райкома КПСС Н. Заушева и члена бюро райкома ВЛКСМ учительницы Т. Самоковой.

Свадьба состоялась осенью 1959 г. Сделав предложение и получив согласие девушки, жених привел ее сразу же в свой дом, где ни он, ни она не стали скрываться от родственников. Свадьбу решили сделать показательной, отпраздновав ее в школьном клубе, с приглашением почетных гостей из Кошехабля и других селений района. Здесь в торжественной обстановке, в присутствии родителей обоих молодых людей была оформлена регистрация брака. Затем новобрачных со свадебной песней (в разных районах она имеет свои варианты) ввели в зал. Собравшиеся, большую часть которых составляли товарищи по работе, поздравили их и поднесли им подарки. Все это время продолжались попеременно адыгейские и русские танцы: первые под гармонь и трещотки, вторые — под духовой оркестр. За столом сидели все вместе, причем в нарушение обычаев провозглашали тосты за молодых и даже заставляли их целоваться. Под утро гости, окружив новобрачных, отвели их в дом новобрачного, при входе снова спев свадебную песню. Дома торжество было продолжено, теперь при участии главным образом родственников и соседей, но и на этот раз без соблюдения одиозных традиций: оба новобрачных поселились вместе с гостями, молодую не выкупали, вещи ее не раздавали и т. д. Вскоре после этой свадьбы Кошехабльский райком ВЛКСМ организовал ряд комсомольских собраний с подробным обсуждением старой и новой свадебной обрядности и, в частности, преимуществ последней. В результате уже в следующем году две подобные же комсомольские свадьбы были отпразднованы в соседнем сел. Блечепсин и одна в сел. Ходзь, а в 1961 г. — еще две в селениях Ходзь и Кошехабль¹⁴.

Ряд комсомольских свадеб был проведен в последние годы и в других районах Адыгейской автономной области, в частности Шовгеновском (сел. Шовгеновск) и Октябрьском (сел. Афиписп). В адыгейских селениях Причерноморья комсомольские свадьбы устраиваются реже, но и здесь в селениях Киров, 1-е Красноалександровское и Куйбышевка, начиная с 1958 г., было отпраздновано несколько «новых» свадеб. Повсеместно они проходили по более или менее единому порядку, предусматривающему следующие наиболее существенные моменты: 1) отношение к свадьбе как к общественному делу, касающемуся не только родственников, друзей и соседей, но и товарищей по работе в колхозе, совхозе, учреждении и т. д.; 2) регистрация брака в загсе не по окончании, а в начале свадьбы; 3) отказ обоих новобрачных от обычаев скрывания, подчеркиваемый их открытым и активным участием в свадьбе; 4) одаривание во время свадьбы не родственников, а самих новобрачных, в част-

¹⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 106, 111, 113.

ности преподнесение им коллективных подарков товарищами по работе; 5) отказ от всяких, в том числе и традиционно-магических, форм религиозного освящения брака; 6) сохранение адыгейского национального колорита праздника, прежде всего национальной музыки, танцев, свадебных песен. Все это — в основном принципиально новые моменты, несовместимые с канонами традиционной свадьбы, решительно ломающие эти каноны.

Правда, пока еще некоторая часть комсомольских свадеб «дублируется» традиционными, подчас проводимыми с соблюдением таких обрядов, как вывод невесты, ввод ее в общее помещение семьи и пр. Это дублирование происходит по-разному. Иногда традиционная свадьба устраивается вслед за комсомольской¹⁵, иногда она, напротив, предшествует молодежному торжеству, на котором новобрачные веселятся с товарищами и принимают их поздравления и подарки¹⁶, иногда, наконец, свадебное пиршество проводится сторонниками «старой» и «новой» свадьбы одновременно, но в разных помещениях дома¹⁷.

Устройство двух отдельных свадеб, конечно, является частичной уступкой молодых людей их старшим родственникам, однако и оно представляет собой одну из форм ломки старых адыгейских свадебных традиций.

При всех формах отхода от традиционной обрядности адыгейской свадьбы значительная роль принадлежит влиянию городской и инонациональной культуры. Основными проводниками городских влияний являются семьи сельской интеллигенции и возвратившихся в родные места рабочих, а также те многочисленные семьи, которые имеют в городах родственников, как правило, поддерживающих тесную связь с родным селением и, в частности, почти всегда приезжающих сюда справить свою или отпраздновать чужую свадьбу. Собранные материалы показывают, что именно в таких семьях свадьба быстрее приобретает те или иные новые черты или же происходит в принципиально новой, комсомольско-молодежной форме. Так, например, первой «новой» свадьбой в сел. Кошехабль была описанная свадьба Н. Заушева и Т. Самоковой; в сел. Афипис — учителя К. Шу и студентки Н. Беджаше; в сел. Шовгеновск — заведующего библиотекой райкома КПСС Б. Джимова и учительницы Туовой; в сел. Киров — студентов Ленинградской консерватории К. Хейшхо и Р. Понез; в сел. 1-е Красноалександровское — студента И. Сизо и учительницы С. Хуновой; в сел. Большой Кичмай новые черты более всего сказались в свадьбе рабочего-швейника Х. Гвашева и т. д.¹⁸ Влияние городской культуры, в данном случае тех взглядов и традиций, с которыми учившиеся или работавшие в городах адыгейцы возвращаются в родные селения, является вместе с тем также влиянием инонациональной, прежде всего русской, культуры. Но последняя оказывает свое воздействие на формирование новой свадебной обрядности и другим путем — при заключении смешанных браков. В послевоенные годы такие браки участились не только в городах, но и во многих сельских районах, где адыгейцы живут бок о бок или попеременно с русскими, а местами также с украинцами, армянами, татарами. Обычно это браки адыгейцев с женщинами других национальностей, реже — наоборот. В 1961 г. в адыгейских селениях Туапсинского и Лазаревского районов семьи, основанные на браках адыгейцев с русскими, украинцами или лицами других национальностей, составляли приблизительно 3—4%:

¹⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 106, 111, 112.

¹⁶ Там же, л. 110.

¹⁷ Там же, лл. 58, 79.

¹⁸ Там же, ед. хр. 34, л. 53-а; ед. хр. 35, лл. 76-а, 79, 115.

в Куйбышевке 9 семей из 237, в 1-м Красноалександровском — 5 из 119, во 2-м Красноалександровском — 3 из 98¹⁹. Естественно, что при заключении подобного брака, зачастую происходящем при участии родственников обеих сторон, свадебная обрядность существенно отличается от традиционной адыгейской. По словам жительницы сел. 1-е Красноалександровское М. Чечух, русской по национальности, состоящей в браке с адыгейцем, ее свадьба справлялась на «полуадыгейский-полурусский лад»: жених начал было скрываться, но затем, по желанию ее родственников, пришел и вместе с ней присоединился к гостям. Приблизительно то же рассказала о своей свадьбе вышедшая замуж за адыгейца русская жительница пос. Головинка О. Мискур. По-комсомольски отпраздновали свадьбы с русскими девушками Н. Сапиев в сел. Шовгеновск и В. Серкуш в сел. Куйбышевка²⁰.

Было бы, впрочем, ошибкой видеть в новых чертах адыгейской свадьбы простое заимствование соответствующих черт русской или какой-нибудь иной свадьбы. По существу, эти новые черты — личное предложение девушке вместо поручаемого посреднику сватовства, обсуждение предстоящего брака не в одной, а в обеих семьях, предварительная регистрация брака в загсе, непосредственное участие в свадебном празднестве жениха и невесты, принимающих поздравления и подарки от товарищей и родственников, отказ от архаических социальных и религиозных обрядов с одновременными поисками новых форм празднования свадьбы как семейного и общественного торжества — являются чертами постепенно складывающейся у всех народов нашей страны общесоветской свадебной обрядности. В основе ее лежат единые социалистические условия экономической, общественной и духовной жизни и естественный результат этого единства — возрастающее взаимообогащение и сближение национальных культур.

Как уже говорилось, в последнее время в среде адыгейской молодежи значительно усилилось стремление к отказу от устаревших обрядов и проведению «новых», комсомольских свадеб. Тем не менее, последние пока еще отнюдь не являются общераспространенными: в Лазаревском районе, например, по словам местных жителей, по-новому справляется едва ли больше чем одна свадьба из десяти. Причин этому, по-видимому, две. С одной стороны, многие семьи, придавая большое значение консервативно-обывательскому «общественному мнению» и боясь быть обвиненными в нарушении «приличий», оказывают соответствующее давление на готовящуюся к свадьбе молодежь. С другой стороны, некоторые местные руководители, исходя из имевшей в прошлом место ошибочной практики превращения комсомольских свадеб в грандиозные мероприятия, финансируемые за счет колхоза или совхоза, не поощряют инициативы обращающихся к ним за поддержкой комсомольцев.

Между тем положительный опыт формирования новой свадебной обрядности и организации молодежно-комсомольских свадеб требует самой активной поддержки. В частности, было бы целесообразно, чтобы пресса и радиовещание Адыгейской автономной области, Лазаревского и Туапсинского районов продолжили начатую работу по борьбе с устаревшими свадебными обрядами и популяризации наиболее удачных комсомольских свадеб и чтобы эти вопросы нашли себе место также и в лекционной пропаганде.

¹⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, л. 114.

²⁰ Там же, лл. 60, 77, 80.

в Куйбышевке 9 семей из 237, в 1-м Красноалександровском — 5 из 119, во 2-м Красноалександровском — 3 из 98¹⁹. Естественно, что при заключении подобного брака, зачастую происходящем при участии родственников обеих сторон, свадебная обрядность существенно отличается от традиционной адыгейской. По словам жительницы сел. 1-е Красноалександровское М. Чечух, русской по национальности, состоящей в браке с адыгейцем, ее свадьба справлялась на «полуадыгейский-полурусский лад»: жених начал было скрываться, но затем, по желанию ее родственников, пришел и вместе с ней присоединился к гостям. Приблизительно то же рассказала о своей свадьбе вышедшая замуж за адыгейца русская жительница пос. Головинка О. Мискур. По-комсомольски отпраздновали свадьбы с русскими девушками Н. Сапиев в сел. Шовгеновск и В. Серкуш в сел. Куйбышевка²⁰.

Было бы, впрочем, ошибкой видеть в новых чертах адыгейской свадьбы простое заимствование соответствующих черт русской или какой-нибудь иной свадьбы. По существу, эти новые черты — личное предложение девушке вместо поручаемого посреднику сватовства, обсуждение предстоящего брака не в одной, а в обеих семьях, предварительная регистрация брака в загсе, непосредственное участие в свадебном празднестве жениха и невесты, принимающих поздравления и подарки от товарищей и родственников, отказ от архаических социальных и религиозных обрядов с одновременными поисками новых форм празднования свадьбы как семейного и общественного торжества — являются чертами постепенно складывающейся у всех народов нашей страны общесоветской свадебной обрядности. В основе ее лежат единые социалистические условия экономической, общественной и духовной жизни и естественный результат этого единства — возрастающее взаимообогащение и сближение национальных культур.

Как уже говорилось, в последнее время в среде адыгейской молодежи значительно усилилось стремление к отказу от устаревших обрядов и проведению «новых», комсомольских свадеб. Тем не менее, последние пока еще отнюдь не являются общераспространенными: в Лазаревском районе, например, по словам местных жителей, по-новому справляется едва ли больше чем одна свадьба из десяти. Причин этому, по-видимому, две. С одной стороны, многие семьи, придавая большое значение консервативно-обывательскому «общественному мнению» и боясь быть обвиненными в нарушении «приличий», оказывают соответствующее давление на готовящуюся к свадьбе молодежь. С другой стороны, некоторые местные руководители, исходя из имевшей в прошлом место ошибочной практики превращения комсомольских свадеб в грандиозные мероприятия, финансируемые за счет колхоза или совхоза, не поощряют инициативы обращающихся к ним за поддержкой комсомольцев.

Между тем положительный опыт формирования новой свадебной обрядности и организации молодежно-комсомольских свадеб требует самой активной поддержки. В частности, было бы целесообразно, чтобы пресса и радиовещание Адыгейской автономной области, Лазаревского и Туапсинского районов продолжили начатую работу по борьбе с устаревшими свадебными обрядами и популяризации наиболее удачных комсомольских свадеб и чтобы эти вопросы нашли себе место также и в лекционной пропаганде.

¹⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, л. 114.

²⁰ Там же, лл. 60, 77, 80.

SUMMARY

A process of change in the wedding rites of the Adyghe has of late become increasingly apparent. Obsolete customs and traditions which are incompatible with a socialist society — such as matchmaking through a go-between, the bride's secret elopement from her parents' home, hiding the bride and groom from their parents and elder relatives, religious wedding ceremonies, etc.— are dying out. At the same time new wedding rites formerly unknown to Adyghe are coming into practice. These include a formal wedding ceremony at the registry office, direct participation of the bride and groom in the whole wedding ceremony, the receiving of congratulations and gifts, etc. These new ceremonies promote mutual cultural influence among the peoples of the USSR, one of the results of which is the gradual formation of an essentially uniform wedding rite among all the Soviet peoples.

А. ДАНИЛЯУСКАС

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ И БЫТА ЛИТОВСКИХ РАБОЧИХ

(По материалам фабрики «Нямунас» Рокишкского района)

Одним из объектов исследования экспедиций сектора этнографии Института истории АН Литовской ССР летом 1961 г. была фабрика шерстяных тканей «Нямунас». Она находится в поселке Юодупе на северо-востоке республики, у латвийской границы, и представляет собой промышленное предприятие, расположенное в сельской местности, далеко от других индустриальных центров.

Основание фабрики «Нямунас» относится к 1907 г., когда здесь при водяной мельнице были установлены паровой котел, чесальные, прядильные станки, аппаратура для окраски и отделки тканей. Несколько позже появились ткацкие станки. В 1914 г. на фабрике, принадлежавшей местному дельцу-мельнику, было занято 30 рабочих, которые в основном чесали и пряли шерсть для нужд окрестных крестьян, красили и подвергали отделке домотканное сукно.

В годы буржуазной власти в Литве в Юодупе было налажено ткацкое производство на импортном сырье. В 1939 г. на фабрике был всего 281 постоянный рабочий. При отступлении немецко-фашистских войск в 1944 г. она была наполовину разрушена. В послевоенное время фабрика «Нямунас» восстановлена и расширена, увеличилось и число рабочих. Летом 1961 г. там работал 1041 человек. При фабрике вырос рабочий поселок Юодупе.

Рабочие фабрики преимущественно местные уроженцы. Это — бывшие крестьяне и дети крестьян близлежащих деревень. Приезжие из других районов республики составляют 18,2%, а из других республик — 2,2% общего числа рабочих и служащих. 11,9% рабочих семей и теперь через своих членов связаны с сельским хозяйством. Из остальных семей 24,7% держат домашний скот (коров, свиней), 51,7% пользуются огородами (размером от 6 до 15 сотых гектара).

По национальному составу 85% коллектива рабочих фабрики — литовцы, 14% — местные русские старожилы. Латышей, белорусов, немцев — всего около 1%. Женщины составляют 52,5% всех рабочих фабрики. Возраст большинства рабочих (56%) колеблется между 25 и 40 годами.

Рабочих с большим производственным стажем и потомственных рабочих на фабрике немного. Лиц, работающих здесь 20 лет и более, около 7%; проработавших от 5 до 10 лет — 32,6%. Более одной трети общего числа рабочих и служащих не проработало на производстве и пяти лет. Такова общая характеристика объекта исследования.

Выбранный для исследования объект дает возможность разработки следующих тем: а) формирование рабочего класса из крестьянской среды в капиталистическом и социалистическом обществе; б) взаимодействие городской культуры и быта с традиционной крестьянской

культурой и бытом в капиталистическом и социалистическом обществе; в) взаимовлияния двух (или даже нескольких) различных национальностей в процессе совместной жизни и труда; г) образование черт коммунистического общества в рабочей среде, сохраняющей в известной мере связи с сельским хозяйством.

Обследование фабрики «Нямунас», продолжавшееся в общей сложности пять недель, было одним из первых мероприятий по изучению культуры и быта рабочих Литовской ССР. В основу методики исследования легли приемы, применяющиеся при изучении культуры и быта колхозников. Нами учтены также и соответствующие исследования этнографов РСФСР и УССР.

В процессе работы наиболее трудоемким оказалось заполнение по семейной анкеты, разработанной сектором этнографии Института истории АН Литовской ССР и имевшей целью получение сведений о труде, быте и культуре рабочих и служащих фабрики «Нямунас». Анкетой охвачена 721 семья рабочих. Кроме того, производился опрос отдельных рабочих фабрики, жителей поселка, пенсионеров (рассказы последних составляют 58% общего числа записей), велись записи личных наблюдений; фотографировались характерные архитектурные объекты и интерьеры, сделан ряд зарисовок мебели. В архивах мы познакомились с немногими уцелевшими от времени буржуазной Литвы документами, касающимися фабрики.

Учитывая, что фабрика нами ранее не изучалась, экспедиционное обследование летом 1961 г. ставило целью лишь общее предварительное ознакомление с настоящим и прошлым объекта, подлежащего дальнейшему стационарному исследованию.

* * *

После основания фабрики «Нямунас» местное крестьянство смогло отказаться от производства некоторых операций, необходимых при домашнем изготовлении шерстяных тканей (чесального дела, прядения, крашения, отделки сукна).

В первоначальный период существования фабрики, когда ею владел мельник Оскар Трей, выходец из семьи волостного писаря, рабочие были на положении батраков с неограниченным по существу рабочим днем; их использовали для сельскохозяйственных работ на земле, которую тут же арендовал О. Трей; система оплаты включала хозяйские харчи, постель, жилое помещение. Хозяин отказывался нанимать женатых рабочих; исключение составляли женатые мастера и высококвалифицированные рабочие, без которых фабрика не могла обойтись. Им О. Трей предоставлял землю для огорода, пастбище и сено для коровы.

Вместе с тем О. Трей явно старался расколоть коллектив рабочих, создать своего рода «рабочую аристократию». Например, хозяйское питание подразделялось на три «стола». Первым пользовались сам хозяин и мастера-иностранцы (немцы, чехи), вторым — квалифицированные рабочие, третьим — неквалифицированные рабочие, ученики, прислуга, батраки. Значительное различие в быту мастеров и рядовых рабочих сохранялось и в дальнейшем.

В 1933 г. О. Трея вытеснили более предприимчивые дельцы. Своеобразие положения рабочих Юодупе заключалось в том, что многие из них владели участками земли от 2 до 10 га и совмещали труд на фабрике с работой на своем хуторе; это не могло не отразиться на их быте и сознании. В этом отношении прослеживаются некоторые аналогии с положением пролетариата старых уральских заводов на рубеже XX в.: отражение владения землей на жилище, одежде рабо-

чих, на их заработной плате, замедленное развитие классовой борьбы¹. Разумеется, у пролетариата Юодупе, складывавшегося при созревшем капитализме, архаичные черты были выражены менее ярко.

В общем, материалы об изменениях в быту и культуре, связанных с формированием пролетариата Юодупе, рисуют картину, сходную с той, которую отмечал В. И. Ленин в трудах о развитии русского капитализма (при наличии, конечно, некоторого местного своеобразия).

Что касается взаимодействия капиталистического города и деревни в процессе образования пролетариата, то необходимо дать критику взглядов по данному вопросу деятелей буржуазной Палаты сельского хозяйства. Идеализация старой деревенской культуры, общие разговоры о вырождении вкусов под влиянием города и фабричного производства, попытки сохранить домашние промыслы как подспорье в мелком частном хозяйстве² не имели реального обоснования.

Развитие капиталистических отношений сопровождается, как подтверждают и материалы Юодупе, разложением традиционного деревенского уклада жизни. Оценивая это явление как неизбежное и прогрессивное, следует отметить, что в области культуры и быта оно приводило двоякое действие. С одной стороны, на деревню постепенно распространялись передовые достижения науки и городской культуры, передовые революционные идеи. С другой — на крестьянство усилилось влияние мещанской среды. В результате исчезали ценности, созданные многовековым опытом народа: хирели фольклор, искусство домашнего декоративного тканья, исчезали народные игры, танцы и т. д.

Одной из задач этнографов является четкое разграничение влияния на крестьянство городской культуры и мещанской среды.

Экспедиционное обследование фабрики «Нямунас» летом 1961 г. дало некоторые материалы об изменении обычаев в Литве при господстве буржуазии (свадьба и др.), об отношениях между рабочими фабрики и крестьянами соседних деревень, о постепенном росте классового самосознания и развитии классовой борьбы местных рабочих.

Как показывает опыт советских этнографов, исследующих подобные объекты, изучение культуры и быта рабочих следует тесно сочетать с изучением крестьянства того же времени, нередко составлявшего основу, на которой зарождался местный рабочий класс.

* * *

Большая часть собранного в 1961 г. материала рисует современное положение рабочих фабрики «Нямунас». Изучив анкетные материалы, мы обнаружили явления, которые, с одной стороны, подтверждают общие закономерности развития общества, с другой — показывают некоторые местные особенности происходящих процессов.

Собранные нами статистические сведения обнаружили очень быстро развивающиеся потребности и рост благосостояния рабочих. Отмечен довольно высокий семейный бюджет. Семьи рабочих и служащих, получающих более 30 руб. в месяц на каждого члена семьи, составляют до 75%.

Кстати, в Юодупе преобладают небольшие семьи — до 4-х человек включительно, и рабочие-одиночки. В большинстве рабочих семей (71,9%), состоящих из родителей и их несовершеннолетних детей, женщина-мать участвует в работе на производстве наряду с мужем.

Отмечено значительное повышение общеобразовательного уровня рабочих. Из молодых рабочих и служащих (родившихся после 1936 г.)

¹ Д. Л. Касицкая, Н. Р. Левинсон, Т. А. Лобанева, Положение и быт рабочих металлургической промышленности Урала, Труды Гос. Исторического музея, вып. XXIII, М., 1953.

² См.: «Sodžiaus Menas», Kaunas, 1931, т. I, стр. 3—10; т. II, стр. 3—16.

среднее образование имеют 33,3%, а из рабочих, родившихся до 1936 г., — лишь 6,7%. Среди принятых на производство в 1961 г. лица со средним образованием составляют 43,9%.

Общие данные об уровне образования рабочих и служащих фабрики «Нямунас» таковы: число лиц, самостоятельно обучившихся грамоте, составляет 2,5%, не кончивших начальной школы — 6,7%, имеющих начальное образование — 55,5%, неполное среднее образование — 20,6%, среднее образование — 13,6%, неоконченное высшее и высшее образование — 1,1%.

Из женщин, работающих сейчас на фабрике, среднее образование имеют 16,7%, неполное среднее — 21,6%; у мужчин соответствующие показатели — 9 и 19%. Из выпускников средней школы 1936—1943 гг. рождения, поступивших на фабрику «Нямунас», девушки составляют 82,9% (отметим, что среди выпускников средней школы Юодупе в 1961 г. было 72% девушек).

Однако процент женщин, не получивших начального образования, превышает соответствующую цифру у мужчин (10,2% против 8%). Из десяти человек, имеющих высшее или неполное высшее образование, только одна женщина. Это объясняется тем, что до первой мировой войны большинство девочек в Литве не получало даже начального образования. Среди лиц, получивших среднее образование в годы господства буржуазии в Литве, также преобладают мужчины.

Наблюдается определенная взаимосвязь между заработной платой и уровнем образования мужчин и женщин, работающих на фабрике «Нямунас». Среди женщин, имеющих среднее образование, заработную плату более 80 руб. в месяц получают 28,2%; среди женщин, имеющих неполное среднее образование, — 17,3%; имеющих начальное образование — 17,7%; не имеющих начального образования — 8,8%. Но имеют место и случаи, когда заработная плата не определяется уровнем образования. Например, у женщин, окончивших среднюю школу, по сравнению с другими группами рабочих имеется наибольший процент лиц, получающих заработную плату меньше 60 руб.; это объясняется отсутствием у них опыта работы на станках. Среди мужчин, имеющих начальное образование, лица, получающие в месяц 80 руб. и выше, составляют 46,6%, а среди имеющих неполное среднее образование — лишь 27,3%. И в данном случае дело решает производственный опыт.

Техническое оборудование, применяющееся в настоящее время на фабрике «Нямунас», еще позволяет рабочим, имеющим соответствующие навыки и сноровку, достигнуть относительно высокой выработки независимо от их общего образования. Все же из 12 произведенных сравнений заработной платы рабочих и работниц по группам, составленным в зависимости от образования, в 9 случаях мы находим подтверждение принципа — «выше образование — больше заработная плата» и лишь в 3 случаях — отклонение от него.

Анализируя данные анкеты по заработной плате, приходится отметить, что в общем заработок мужчин, занятых на фабрике «Нямунас», превышает заработок работниц. Лица, зарабатывающие меньше 60 руб. в месяц, составляют среди мужчин 8,3%, а среди женщин — 22,1%; наоборот, лица, зарабатывающие свыше 80 руб. в месяц, составляют среди мужчин 42,5%, а среди женщин — только 21,4%; наконец, лица, зарабатывающие свыше 100 руб. в месяц, составляют среди мужчин 14%, среди женщин 2,5%.

Это положение объясняется тем, что мужчины в большинстве случаев выполняют на фабрике высококвалифицированные работы, связанные с техническим оборудованием предприятия, или работы, требующие большой физической силы. Инженерно-технический персонал — преимущественно мужчины. С другой стороны, женщины, как на про-

изводстве, так и в административном аппарате, выполняют наиболее легкие и наименее квалифицированные, а следовательно, и ниже оплачиваемые работы. Когда мужчины и женщины выполняют одинаковые производственные функции, например, работают у ткацких станков, разницы в выработке, следовательно и в заработной плате, нет.

Обследование рабочих фабрики «Нямунас» летом 1961 г. дало представляющие некоторый интерес материалы о сложении здесь новой культуры городского типа. Это выражается прежде всего в дальнейшем отказе от старого деревенского уклада жизни. Вот примеры из области материальной культуры.

Домашнее ткачество еще 20 лет назад удовлетворяло большую долю потребностей местного населения. В настоящее время молодые работницы, выходцы из крестьянских семей, не носят домотканной одежды, хотя имеют среди своих постельных принадлежностей до 30—40% вещей (простыни, наволочки, одеяла, полотенца) домашнего производства. Большинство уже не умеет ткать на ручном станке, а те, кто знает это дело, им не занимаются. Умение быстро и красиво ткать на ручном станке теперь не считается признаком хорошей хозяйки. Ткани, за исключением некоторых видов декоративных, приобретаются в магазинах.

В питании молодых работниц также исчезают следы традиционной кухни. Режим питания целиком зависит от распорядка на фабрике и связан с работой фабричной столовой. В семьях, тесно связанных с сельским производством, имеющих огороды и домашний скот, блюда традиционной кухни сохраняются более прочно.

Планировка новых домов в секторе индивидуальной застройки поселка Юодупе не имеет почти ничего общего со старыми традиционными типами литовских жилых домов. Лишь в редких случаях сохраняется печь для выпечки хлеба, и то в упрощенном варианте, появившемся в Литве после первой мировой войны.

Соответственно меняется интерьер. Расположение мебели нередко зависит от величины и особенностей жилой площади, от габаритов имеющейся мебели. Наблюдения показывают, что именно современная фабричная мебель и дальнейшее изменение ее форм будет в значительной степени определять и развитие интерьера жилищ поселка Юодупе.

Большие изменения произошли в области семейных отношений. Исчезло всякое неравноправие между мужчиной и женщиной в рабочей семье. В ряде случаев (до 20%) заработок женщины, занятой на производстве, превышает заработок ее мужа. Любопытно, что наши информаторы из молодых рабочих, выделенные администрацией фабрики и заполнявшие наши анкеты, часто не указывали «главу семьи» там, где этого требовал вопрос анкеты, а просто перечисляли членов семьи: «муж», «жена», «сын» и т. д., никого особо не выделяя, записывая нередко первыми женщин или младших членов семьи.

Равноправное с мужчиной положение девушек и женщин проявляется в произведенных нами описаниях рабочих свадеб. Не бывает случаев, чтобы девушка была «выдана замуж». Она «выходит замуж». Семья создается на основе взаимного чувства вступающих в брак, независимо от воли родителей, а иногда и вопреки ей. Как бы ни были подчас сложны семейные дела, можно с удовлетворением отметить, что материальный интерес и расчет при образовании рабочей семьи не играют почти никакой роли.

Продвинулось дальше и изживание вредных пережитков прошлого. Повысились духовные запросы рабочих, постепенно исчезают религиозные предрассудки и обычаи, связанные с религиозными представлениями или социальным неравенством. Однако наличие мешанских пе-

режитков, отмеченное выше, наблюдается и в наши дни. Например, наряду с высокохудожественными образцами народного литовского или русского искусства в быту рабочих все еще встречается безвкусная базарная живопись, бездарные рисунки для вышивания, банальные декоративные промышленные изделия.

Эстетические вкусы бывших крестьян, теперь кадровых рабочих фабрики «Нямунас», переживают переломный момент, когда старые традиционные нормы и вкусы отмирают, а новые по-настоящему не определились.

В социалистическом обществе процесс развития народного искусства и его соотношения с городской культурой приобретает характер взаимного обогащения. Это можно проследить на творчестве бывшего юодупского ткача, ныне народного художника И. Битинаса, в коврах и декоративных тканях которого развиваются традиционные народные мотивы.

При заводском клубе работает кружок народного танца, заводской хор исполняет и традиционные песни.

Взаимовлияние городской культуры и традиционного народного творчества выражается также в использовании в республиканской промышленности лучших элементов народного искусства. Изделия местных народных мастеров реализуются через райкооператив. Высококачественные изделия все больше проникают в быт, помогая бороться с мещанской «эстетикой». Интерьеры, где народная традиция сочетается с достижениями современной промышленности, уже имеются и в Юодупе и семьях, где культурные запросы требуют, а материальные возможности позволяют приобрести современную мебель и декоративные ткани, выпускаемые предприятиями республики.

В Юодупе довольно торжественно проводятся семейные и календарные праздники. Отмечается сравнительно широкое сохранение, а иногда и возрождение некоторых наиболее театрализованных моментов свадьбы, в частности, карнавального, шутовского момента.

Так, обычай сватовства исчез совершенно, а вместе с ним — настоящие, действенные функции свата. Однако «казнь свата» разыгрывается на каждом свадебном пиру. На роль свата обычно подбирается какой-нибудь остро слов, задача которого — забавлять, веселить собравшихся. Мнимая казнь «свата» встречается и на всех современных комсомольских свадьбах. В общем идет дальнейшее обновление традиционного свадебного обряда с сохранением отдельных его элементов. Следует отметить попытку Рокишкского загса создать свои традиции в оформлении брака.

Что касается отношений между рабочими разных национальностей, то они развиваются по пути сближения. Так, наблюдается сближение между национальностями в области материальной культуры. Оно проявляется в процессе отмирания старого традиционного уклада жизни как у литовцев, так и у русских. Одежда, пища, интерьер жилищ в семьях молодых литовских рабочих мало отличаются от русских и наоборот. Складывается новый, общий для всех быт, имеющий одну основу и обусловленный едиными законами развития. Формируется новая культура, вбирающая в себя лучшее, что можно найти в старых традиционных культурах взаимодействующих национальностей. Участилось заключение смешанных браков. Сближение идет и в области развития языка. В разговорную речь местных рабочих-литовцев проникает известное число русских слов, выражений, технических терминов. Наблюдается и обратный процесс, хотя и в меньшей степени (например, у местных русских старожилов). Многие рабочие наряду со своим родным языком знают другой язык. Большинство (62%) рабочих фабрики владеют как литовским, так и русским языком. Среди рабочих 1941—1943 гг. рождения соответствующий показатель дости-

гает 90,2%, что одновременно подтверждает общий культурный рост молодых рабочих. При заполнении анкет во многих случаях оказалось, что в графу «какие чужие языки вы знаете?» литовцы не заносили русского, а русские — литовского. Они считают «чужими» языками немецкий, английский, польский и т. п.

Следует подчеркнуть существенные изменения, происшедшие в производственном быте рабочих. Ряду бригад присвоено звание бригад коммунистического труда. Фабрика «Нямунас» борется за звание предприятия коммунистического труда. Коллектив рабочих оказывает большую шефскую бескорыстную помощь, преимущественно производственную, соседним колхозам; только летом 1961 г. рабочими фабрики было выработано на колхозных полях 26 тыс. человеко-часов. На фабрике работает товарищеский суд, отменена проверка рабочих при выходе с территории предприятия.

На фабрике проходят производственную практику учащиеся местной средней школы. Хорошей славой пользуется детский сад. В 1962 г. намечено завершить строительство детских яслей.

За последнее время фабрикой развернуто довольно крупное жилищное строительство, завершение которого ощутимо облегчит жилищные условия рабочих (в настоящее время 11,6% рабочих имеют меньше 5 м² жилплощади на 1 члена семьи, 33,1% рабочих нанимают комнаты у частных домохозяев).

Успешное выполнение заданий семилетнего плана обеспечивает дальнейший рост благосостояния рабочих Юодупе и создает материальные условия для дальнейшего изменения быта и роста культуры рабочих исследуемой фабрики.

SUMMARY

Without a careful study of the mode of life and the culture of the working class it is impossible to understand the ethnic development of modern peoples. In the Lithuanian SSR work has begun on a stationary investigation of several communities, one of them the workers' settlement of Yuodupe, which has grown up near the Nyamunas Factory. Personnel engaged in this investigation have used special questionnaires and field observations to gather essential statistical data.

The factory was founded in 1907 in a rural locality. The working class was formed from the local peasantry. In capitalist Lithuania the process of proletarianisation quickly led to the break-up of traditional rural culture. In this connection distinction must be made between the influence of urban culture (with its achievements in science and technology, and the revolutionary self-consciousness of the proletariat) and the elements of petty bourgeois culture which found their way into the environment of the newly formed working class.

After the victory of Soviet power in Lithuania the living standards and educational level of the workers living in Yuodupe became much higher. Under the impact of economic and social factors there began to take form a new mode of life and a new culture which were common to all ethnic components and which assimilated the finest elements of traditional national cultures.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ФАН ХАУ ЗАТ

МАТЕРИАЛЫ ПО ОБЩЕСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДА ПУОК

На северо-западе Вьетнама, в автономной области Тай-Мео, живет народ пуок; его численность в настоящее время около 5 тыс. чел. Пуок живут в районах Шон-ма, Мок-тяу, Йен-тяу, Май-шон, Ван-чан, Диен-биен-фу, Мыонг-тэ. Более типичные пуок находятся в районе Йен-тяу. С вьетнамскими пуок родственны и тесно связаны пуок, живущие в Лаосе. По современным данным, пуок не живут на юге Китая.

Народ пуок до сих пор почти не изучен. Только П. Масей привел скудные сведения о материальной и духовной культуре этого народа¹.

Вьетнамское слово «пуок» происходит от тайского слова «фу фуок», что означает «самые грязные люди». Сами пуок называют себя иначе. Народ пуок разделяется на две ветви: К'Кцинг кор («человек в глухих лесах» — на языке пуок) и К'Кцинг и м'мулл («человек на склонах гор»). Каждая из этих ветвей носит еще другое название. К'Кцинг кор называются также пуок-нгет, а К'Кцинг и м'мулл — пуок-за. Происхождение и значение слов «нгет» и «за» не выяснены. Эти две ветви одного народа имеют много сходных черт; отличаются они диалектами, степенью экономического и социального развития и расселены в разных районах. Пуок-за подвергаются более сильному влиянию со стороны соседних народов, особенно со стороны тай.

По антропологическому типу пуок относятся к южноазиатской расе. В языковом отношении они принадлежат к мон-кхмерской семье². Их основное занятие — подсечно-огневое земледелие. Собирательство занимает второстепенное место. Животноводство ограничивается разведением буйволов, свиней. Охота хотя уже потеряла свое бывшее важное значение, но все же сохраняется.

Народы мон-кхмерской семьи относятся к древнему слою населения Индокитая. По мнению советских ученых³, они еще в первое тысячелетие н. э. занимали большую часть полуострова и создали крупные государства. В дальнейшем народы мон-кхмерской группы были оттеснены и в значительной степени ассимилированы продвигавшимися с севера народами китайско-тибетской семьи.

¹ P. Mascéy, Etudes ethnographiques sur les Kha (Kha Pon-hoc), «Revue indochinoise», 1907, 1-er Semestre, стр. 242.

² «Национальные меньшинства Вьетнама», Ханой, 1959, стр. 11 245 (на вьет. яз.).

³ «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, М., 1959, стр. 186—187; Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 371; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951.

Живущие на северо-западе Вьетнама пуок в основном относятся к «фамилии»⁴ Ви. В деревне На-за, например, из 19 домов 17 принадлежат к фамилии Ви, 1 — к фамилии Ло и 1 — к фамилии Лыонг. В деревне Ко-том из 9 домов 7 относятся к фамилии Ви, а 2 — к фамилии Нган.

Пуок предпочитают заключать браки внутри своей деревни, но могут брать жену и из другой. Так как население деревни состоит главным образом из представителей фамилии Ви, то обычно в брак вступают молодые люди из этой фамилии. Конечно, вступают в брак и люди из разных фамилий. Было бы ошибкой думать, что у пуок существует родовая эндогамия: род у них уже давно распался, и в результате общения с таи пуок заимствовали у последних фамильные имена. Запрещается вступать в брак кровным родственникам: брату с сестрой, детям родных братьев, детям родных сестер, дяде с племянницей, племяннику с теткой, детям родных брата и сестры.

В прежнее время пуок, как и кса-кау⁵, уже перешли к малой семье, ставшей основной ячейкой общества. Малая семья у пуок состоит из мужа, жены и их детей. Нередко мужчина брал двух жен. В семье власть принадлежала отцу, хотя мать еще занимала высокое положение. Если мужчина имел двух жен, то вторая должна была подчиняться первой. После смерти отца власть в семье переходила к старшему сыну. В случае его малолетства о нем и о всей его семье должен был заботиться дядя по линии отца. Дядя — брат матери — не играет никакой роли в семье пуок.

Еще совсем недавно у пуок наблюдались пережитки группового брака: левират и сорорат. По смерти своего старшего брата младший брат мог вступить в брак с его женой, даже в случае если он уже женат. Но если умер младший брат, его старший брат не мог претендовать на жену младшего (у кса-кау это было возможно). По смерти жены мужчина пуок мог жениться на ее младшей сестре, но не мог брать в жены старшую сестру своей умершей жены (у кса-кау это было возможно).

Изредка один мужчина брал двух сестер в жены, но не отмечено ни одного случая, чтобы одна женщина вышла замуж за двух братьев.

Отметим, что у кса-кау еще совсем недавно бытовал кросс-кузенный брак.

Весьма интересен обычай смены личного имени у пуок, какого мы не находим у других малых народов Вьетнама: мужчина А и женщина Б после вступления в брак получают общее имя В. В случае, если Б умерла и А вступает в брак с женщиной Г, то общее имя этой пары будет Д. Но если А берет вторую жену при жизни первой, то его имя остается В, а имя второй его жены изменится; например, если до замужества ее зовут Е, то после замужества ее имя будет Ж. Отметим, что в то время как личное имя подвергается изменению, фамильное имя остается прежним. Этот обычай, имеющий древние корни, почти не изучен. Возможно, в нем отразилось существование в прошлом брачных классов. Теперь этот обычай постепенно исчезает. В деревне Лонген после вступления в брак сохраняются прежние имена мужа и жены, а после рождения ребенка их зовут по его имени. Этот обычай текнонимии широко бытует и у других народов Вьетнама (у кинь, тай и др.).

В последние годы, когда былая рознь между народами устранена в результате национальной политики Партии трудящихся Вьетнама, пуок вступают в брачные отношения с представителями других народов. В деревне Ко-ча, например, двое мужчин пуок женились на двух девушках таи из деревни Лонгфет. Реже заключаются браки между мужчинами таи и женщинами пуок.

⁴ «Фамилии» эти — пережиточные наименования родовых подразделений, существовавших у бирманских народов.

⁵ Кса-кау — народ мон-кхмерской группы, живущий на северо-западе Вьетнама и находящийся на том же уровне развития, что и пуок.

Наряду с малой семьей у пуок еще сохраняются пережитки большой семьи. До 1945 г. были случаи, когда в одном доме жили родители с женатыми сыновьями, которые работали под руководством отца. Экономически это было единое хозяйство; это было выгодно, поскольку при французском господстве на трудовую повинность каждый дом выделял только одного человека. В настоящее время в деревне На-Дить имеются три дома, где женатые братья живут вместе и сообща ведут хозяйство; в деревне Лонген из девяти домов два ведут общее хозяйство: в одном из них живет 12 человек, в том числе старший женатый сын, его мать, его старшая и младшая сестры с мужьями, «отрабатывающими своих жен»; в другом доме — муж и жена, их четыре сына, один из которых женат, две дочери, племянники — всего 11 человек.

Но таких случаев мало. Наблюдается тенденция к разделению хозяйства. Например, в деревне Трам-Хок два женатых брата живут вместе в одном доме, но каждый ведет свое хозяйство. Это объясняют тем, что семьи этих братьев обладают различными производственными возможностями, число детей в семьях не одинаково. К тому же их жены не согласны вести общее хозяйство.

Как указывалось, родовая организация у пуок уже давно распадается; образовалась соседская община. В деревне жили вместе люди из разных фамилий. Новый пришелец мог построить свой дом не только на окраине, но и в середине деревни. Все сельчане могли пользоваться любым участком леса для ведения хозяйства. Лес принадлежал общине. Но обработанный участок леса (хрэ — на языке пуок) становился частной собственностью отдельной малой семьи и передавался по наследству. Торговли землей еще не знали. И сейчас очень широко распространена традиция взаимопомощи, особенно в случаях постройки жилища, вырубки леса, похорон и т. д. Домохозяин не обязан платить за работу, но обычно он угощает тех, кто приходит ему на помощь. В свою очередь он будет работать у тех, кто сегодня, ему помогает, хотя это и не обязательно.

В настоящее время в районах расселения пуок проводятся демократические преобразования. Важным их этапом является работа по выяснению классовой принадлежности каждого члена общества; результаты этой работы показывают, что кулаки и помещики имеются только в некоторых деревнях. Во многих деревнях живут только свободные крестьяне.

Деление на богатых и бедных в обществе пуок существовало еще перед Освобождением. Мерилом богатства были: большой дом, большое количество скота, бронзовых предметов, серебряных слитков, опиума, водки, соли. Например, самый богатый человек в деревне На-Дить, раньше имел: дом с 12 «зян»⁶, 1000 серебряных слитков, 20 буйволов, 10 коров, 30 свиней, 5 коней, 10 килограммов опиума. Бедняки пуок ничего не имели, кроме шалаша с самыми необходимыми предметами обихода. Они должны были работать у богатых и брать у них займы.

Однако богачи пуок тоже занимались физическим трудом (например, обрабатывали свои лесные участки — хрэ). В качестве рабочей силы они привлекали бедных родственников. Отношение к слугам не было таким жестоким, как у народа кса-кау, у которого богатый мог убить своих слуг. Можно, однако, думать, что у пуок существовало патриархальное рабство.

При французском господстве богатые люди одновременно имели административную власть над односельчанами. Но они не пользовались таким авторитетом среди народа, как старики.

⁶ Зян — часть дома.

Изучению классовых отношений в обществе пуок помогает обычное право. Оно очень строго соблюдалось. Штрафовались нарушения норм нравственности (связи с замужними женщинами, беременность незамужней девушки и т. д.), воровство, неподчинение местным властям (отказ от трудовой повинности, от уплаты налогов и т. д.). Пуок не знали телесных наказаний. Штрафы платили водкой, деньгами, скотом; платить помогали родственники отца, матери и жены виновного. Не было случая, чтобы провинившийся бежал в лес с целью избавиться от штрафа, тем более, что в прошлом бежать в лес означало покончить жизнь самоубийством. Преступника судил совет представителей деревни, состоящий из глав всех домов. После решения вопроса устраивали пир, затраты на который ложились на плечи виновного. Отметим, что знатные люди также наказывались за преступления, но не так строго, как простой народ.

Приведенные материалы подкрепляют вывод о том, что при господстве французов главной ячейкой общества пуок была малая семья, в которой экономическое господство принадлежало мужчине. Последнее особенно ясно показывает пример раздела имущества у пуок после смерти отца (при жизни матери). В одной семье было 5 детей — 3 сына и 2 дочери, одна из них замужняя. Богатство этой семьи состояло из 95 серебряных плиток. Раздел был произведен таким образом: старший сын получил 40 плиток, второй сын — 30, третий — 20. Незамужняя дочь — 5, а замужняя не получила ничего.

В свадебный цикл у пуок теперь, как и в дореволюционное время, входит ряд интересных обычаев и обрядов.

Юноши (ранее 16—17 лет, теперь 18—19 лет) и девушки (ранее 15—16 лет, теперь — 18 лет) свободно знакомятся друг с другом либо во время работы, либо на праздниках. Они гуляют по лесу или разговаривают у очага в доме девушки. Большое значение придается умению юноши играть на флейте; не владеющий этим музыкальным инструментом не может рассчитывать на симпатии девушек. Если молодые люди любят друг друга, при обоюдном согласии родителей совершается обряд сватовства, расходы на который несет семья юноши. Обычно в дом девушки приносят подарки: кур, вареный рис, кувшины водки и браслеты. Число подарков обычно четное, что означает, вероятно, желание удачной совместной жизни молодым. Если родители девушки принимают эти подарки и если девушка сама принимает браслеты, переходят к следующему этапу.

Через несколько месяцев или даже через год, в благоприятный по традиционным представлениям день, при согласии обеих семей устраивается свадьба. Расходы на нее также ложатся на семью юноши, которая должна принести в дом девушки большое количество риса, кур, свиней, водки; часть этого должна быть доставлена накануне свадьбы, чтобы семья девушки имела возможность устроить прием для членов семьи юноши. Кроме этого, необходимо было подарить невесте определенные вещи, обычно: юбку, рубаху, платок и пучок подкладных волос в прическу.

В начале свадьбы совершается важный обряд «кцоллу», что значит дословно «поднять волосы наверх» (при помощи накладки из искусственных волос)⁷. Этот обычай означает, что время девичества кончено. После этого будущий зять почтительно приветствует родителей своей будущей жены. Затем начинается пир. Новобрачные пьют водку, желая друг другу здоровья, долгих лет жизни и т. д. Родственники обычно приносят им подарки. В случае усталости ново-

⁷ Попутно отметим, что подобный обычай имеется у ветви народа таи — черных таи. У кса-кау (что значит дословно «кса с поднятыми волосами») все женщины должны «поднять волосы наверх» независимо от того, замужем они или нет.

брачные могут лечь спать, в то время как все остальные веселятся до утра.

На следующий день молодая приходит в дом мужа, принеся с собой вареный рис и кур. Там она совершает моление духам предков семьи своего мужа. Через несколько дней она возвращается в родной дом. Тогда муж приходит в дом жены и совершает моление духам предков ее семьи. У пуок и кса-кау, в отличие от таи, брачное сожительство может начаться сразу после поселения мужа в доме жены. У пуок вместе с тем начинается и самое тяжелое время в жизни мужчины. Он живет в доме жены, работает на ее родителей до тех пор, пока они не разрешат ему отвести свою жену и детей (если они родились) в его родной дом. Время отработки варьирует от 3 до 6 лет, иногда доходит до 10 и даже 20 лет. Раньше богатый человек мог откупиться от отработки за жену, уплатив ее родителям определенную сумму денег. В настоящее время, если родители невесты уже умерли и она живет с братом, то муж может сразу привести ее в родной дом. Вообще же почти каждый мужчина должен пройти этот мучительный путь. В доме тестя он работает от зари до зари, плохо питается и одевается. Он должен подчиняться всем, не может громко говорить и смеяться. Если он не нравится родителям своей жены, то его могут изгнать из дома в любое время.

Этот этап свадебного цикла заканчивается, таким образом, согласием тестя на увод зятем жены и детей в свой родной дом.

С уходом мужа со своей женой и детьми из ее дома в свой родной дом начинается настоящее создание семьи. И тут все расходы по совершению обрядов должна оплатить семья мужа. При этом семья мужа обязательно должна уплатить еще определенную сумму денег (часто в виде серебряных слитков) за «голову» жены. Распространен следующий обычай: если мужчина при женитьбе уплатил 70 серебряных слитков за голову своей жены, то тот, кто женится на первой его дочери, должен уплатить ему такую же сумму.

Обычно после ухода из дома жены молодые живут отдельно в новом доме и ведут свое хозяйство. При этом они получают от родителей жены подарки: буйвола, корову, орудия труда, предметы обихода, матрасы, украшения.

Таким образом, брак у пуок находится на переходной стадии от матрилокальности к патрилокальности. Дети принадлежат отцу только после того, как он их уводит вместе с их матерью в свой родной дом.

Изучение свадебных обычаев и обрядов народа пуок показывает, что они мало отличаются от тех же обрядов у таи. У пуок нет обычая умывания, который сейчас еще широко бытует у народа мео. Но у пуок, как и у кса-кау и таи, очень ярко выражены остатки обычаев, восходящих еще к первобытнообщинному строю: отработка за невесту и выкуп ее.

В настоящее время, с введением новых законов ДРВ о браке, эти пережитки постепенно уходят из жизни народа пуок. Хотя полное устранение этих пережитков требует длительного времени, но уже сейчас расходы на свадьбу намного уменьшаются; отношение членов семьи жены к ее мужу заметно улучшается, срок отработки за жену понижается. И все-таки мужчина еще страдает от этого обычая. Так, в деревне Трам-Хок мы познакомились с человеком, который уже 5 лет работает на родителей своей жены, но еще не знает, когда он сможет вернуться в свой родной дом.

В дореволюционное время очень строго осуждались случаи беременности незамужних женщин. При разбирательстве сельские старшины всегда стремились к тому, чтобы «преступники» стали супругами. Однако и в противном случае женщина всегда находила себе мужа. По новым законам в таких случаях мужчина должен заботиться о ребенке до достижения им 17 лет.

Главным критерием, на основе которого молодые люди, а также их родители, выбирают мужа и жену, являются трудолюбие и умение работать.

В настоящее время, как и раньше, существуют определенные периоды, когда желающим вступить в брак мужчине и женщине это не разрешается. В случае смерти родителей или близких родственников свадьба может состояться сразу после похорон. Но вдовец или вдова могут снова жениться или выйти замуж только примерно через полгода после смерти своего прежнего супруга, т. е. после истечения времени, необходимого для того, чтобы забыть покойника или чтобы перестать «бояться духа покойного».

При заключении браков роль посредника обычно исполняет колдун; его дом нередко служит местом встречи молодых людей.

Особый цикл составляют родильные обряды. Их можно разделить на две группы.

1. Обряды, связанные собственно с родами. Эти обряды совершаются два раза: первый раз при приближении родов с целью «обеспечить легкие роды» и второй раз после родов, примерно через одну — две недели, т. е. после того как мать выздоровела и покинула очаг, около которого она лежала после родов; на этот раз обряд имеет цель обеспечить здоровье и благополучие новорожденного.

2. Обряды, связанные с наречением имени ребенку; они совершаются через два — три месяца и даже через год после его рождения. Если ребенок после получения имени болеет, то оно может быть изменено несколько раз. Имя, после принятия которого ребенок долгое время не болеет, сохраняется до вступления юноши в брак.

Между этими двумя группами обрядов не существует по существу никакого различия. Во время тех и других обрядов молятся духам предков, приносят им в жертву рис, курицу или свинину.

До рождения ребенка будущая мать, в зависимости от местной традиции, должна воздержаться от употребления в пищу определенных растений или мяса. Эти ограничения значительно усиливаются после родов. Например, до рождения ребенка не употребляют в пищу побегов ротана, ибо это очень колючее растение. После родов женщинам в деревне Ко-том запрещается есть белых кур, а в деревнях На-Дить, Лонген запрещается есть черных кур и мясо черных буйволов. В некоторых местах, например в деревне Нам-лонг, в течение пяти дней после родов женщине разрешается есть только овощи с солью.

Женщина пуок в отличие от кинь рождает сидя, в жилом доме, обычно недалеко от второго очага. Здесь устраивают для нее временное помещение. О ней заботится вся семья. Мужу разрешается стоять около жены при родах. Специальной повивальной бабки нет, ее роль исполняет женщина из семьи мужа. У пуок нет следов кувады. В случае трудных родов применяются магические приемы. Ребенка сразу после рождения моют, дают ему определенное количество рисовой муки и говорят: «ешь и пусть ты будешь здоров». Непосредственно после этого перерезают пуповину новорожденного, кладут ее в бамбуковую трубку, и самый близкий родственник ребенка, обычно отец, оставляет ее в лесу, недалеко от дома. Когда мать уже может ходить, она с мужем отправляется в лес и там бамбуковую трубку вешают на дерево. После этого мать и ребенок отдыхают; обычно матери дают пить лекарственный настой из растения «тит», имеющий красный цвет: во время родов мать теряет много крови и принятие напитка красного цвета должно, по поверьям, вернуть роженице потерянную кровь.

Время табу (или «тлэо»), связанного с родами, продолжается до тех пор, пока мать еще не покинула родильное помещение. У входа в дом ставятся бамбуковые «глаза лисицы» с двумя кусками угля. Отметим, что во время родов табу относится не к членам семьи, а к посторонним.

желающим войти в дом, где происходят роды. Существует поверье, что при родах дом становится грязным и что посещение дома вредно для всех, кроме его обитателей.

Обычно мать не может лежать долго после родов. Она должна работать так же, как и до времени приближения родов. Ребенку до того момента, когда он еще не может самостоятельно сидеть, запрещается есть плоды «куа дыа».

Этот обычай у пуок связан со стремлением обеспечить ребенку нормальное развитие речи и ума.

Похоронные обряды содержат пережитки древнего культа предков; они делятся на погребальные и поминальные.

У пуок около умирающего обычно стоят или сидят, чтобы он не чувствовал себя одиноким и меньше боялся смерти, держат его за руки или за ноги, чтобы уменьшить судороги во время агонии. Как только умирающий отходит, стреляют из ружья, чтобы известить деревню о его смерти. Если в доме нет ружья, то сжигают бамбук таким образом, чтобы взрыв бамбука был похож на выстрел из ружья. Затем начинают плакать. Через некоторое время после смерти умершему обмывают лицо, руки, ноги, одевают его в лучшие одежды, в рот ему кладут монету, «чтобы он мог заплатить за переправу через реку забвения». Потом кладут его на место, где он обычно лежал, и обертывают его белой хлопчатобумажной тканью.

После необходимой подготовки призывают всех родственников домой, чтобы проститься с покойным. Духу покойника приносят жертву: закалывают свинью, корову и даже буйвола, в зависимости от состоятельности данной семьи. Все члены семьи (кроме замужних дочерей покойника) повязывают вокруг головы белую полосу хлопчатобумажной ткани. При этом опять плачут.

Большое значение имеет выбор места для могилы. Для этого прибегают к магическим приемам: родственник покойного бросает на землю яйцо; место, где оно разобьется, считается удачным для захоронения. В то время, как на деревенском кладбище готовят могилу, в лесу делают гроб из дерева. Жители деревни и родственники провожают покойника на кладбище. Гроб несут только родственники, причем сыновья поддерживают ту часть гроба, где лежит голова покойника, а зятья несут другой конец гроба. После похорон строят надземный могильный дом размером немного больше могилы. Над могилой ставят поднос с рисом, мясом, чашкой и бамбуковыми палочками, а около него — чайник, водку, веер и т. д. Могильный дом, где зарывается гроб, огорожен со всех сторон от диких животных. Над могилой по ее углам, на четырех длинных бамбуковых палках висят полосы белой хлопчатобумажной ткани длиной по 4—6 м.

После возвращения домой опять приносят жертву духу покойного. Обычно при этом говорят: «Вы раньше нас вернулись на тот свет, помогите нам, чтобы мы жили здоровыми», или: «Вы покинули нас, так великая судьба, помогите вашим родным на этом свете».

Интересно отметить обычай изгнания духа умершего. Днем и ночью стреляют из ружья, причем ночью стреляют больше, чем днем.

Иногда приглашают колдунов, чтобы узнать причину смерти родственника, кто его убил — домашний или лесной дух.

У пуок также существуют табу, связанные со смертью. Днем табу является не день смерти, а день после похорон: в течение его не зажигают огня. Обычно пуок помнят только день смерти своих главных родственников, а не месяц. Таким образом, если в доме умер отец, то в году имеются 12 дней табу. В каждом доме пуок в год имеется по крайней мере 24 дня табу (дни смерти отца и матери). В эти дни у пуок можно ходить в «хрэ», но нельзя приобрести новое «хрэ», нельзя торговать, давать займы, вступать в брак.

Пуок очень быстро забрасывают могилы своих родственников; после похорон они больше туда не приходят. Своим покойным родителям они приносят жертву не в дни их смерти, но один раз в год после сбора урожая. Можно предполагать, что культ предков у них очень примитивен или находится в начальной стадии развития.

Отметим, что пуок очень боятся кладбищ. Даже взрослый человек не будет один ходить по кладбищу. С другой стороны, они не относятся с уважением к кладбищу. В деревнях На-Дить и На-за посевная площадь постепенно захватывает землю, на которой два-три поколения назад находилось кладбище.

* * *

Ряд обрядов пуок связан с годичным циклом; в некоторых из них мы видим пережитки первобытнообщинного строя. Один раз в год, до уборки урожая, в августе или в сентябре, вся деревня приносит жертву духу покровителю деревни: рис, водку, кур, свинину и т. д. с целью «обеспечить деревню благополучием». Об этом просят в молитве, произносимой главой деревни во время обрядов. После этого пьют и веселятся. Доля расходов на эти обряды для всех семей деревни одинакова.

Эти обряды общедеревенские. Но фактически в них участвуют только члены деревенского совета, т. е. главы всех семей деревни.

Можно думать, что у пуок духом-покровителем деревни считается дух-родоначальник этой деревни.

Обряды поздравления с новым урожаем совершает каждая семья. Участвуют в этом празднике все родственники семьи, близкие и дальние. Так как в деревне жители имеют очень тесные и широкие родственные связи, этот праздник приобретает общедеревенский характер. Иногда он становится междеревенским, если между деревнями существуют родственные связи. Обрядовое празднество устраивают после сбора нового урожая.

Эти обряды имеют целью принести благодарность духу предков за обеспечение семьи хорошим урожаем и испросить еще лучший урожай. Важный момент в этих обрядах состоит в том, чтобы раньше всех принести духам предков рис нового урожая. Нарушение этого обычая считается наибольшим преступлением по отношению к духам своих предков.

Пуок тщательно готовятся к этому празднику. Его подготовка начинается задолго до сбора урожая. Ко времени праздника члены семьи подметают место, посвященное духу предков. На большой поднос кладут вареный рис нового урожая, мясо, овощи, ставят водку. Четыре взрослых человека несут поднос от очага до места, посвященного духу предков. Расстояние небольшое, поднос не тяжелый, но все-таки обычно объявляются три или четыре раза передышки: несущие говорят, что поднос очень тяжелый, и просят, чтобы другие пришли им на помощь. Вероятно, этот обычай связан со стремлением вызвать еще лучший урожай. После того как поднос поставлен на назначенное место, колдуны начинают от имени семьи обращаться к духам. Когда магические обряды кончились, все члены семьи и гости садятся вокруг подноса и начинается пир. Все начинают бросать друг в друга вареную тыкву, так что одежда, особенно рубахи участников, становятся грязными. Пуок считают, что чем грязнее одежда, тем больше надежд на получение высокого урожая. Во время пира желают друг другу лучшего урожая на следующий год. Пируют и танцуют танец «кчай» всю ночь до утра.

Интересны обрядовые предметы, фигурирующие во время праздника. На крыше, под которой происходит жертвоприношение, вешают деревянные лодки с веслами, деревянные барабаны с палочками, макеты жилого дома, плетеные вещи в форме колоса, ножа, зонтика, птиц, рыб. Имеется также венец, сплетенный из колосьев.

Во время танцев «кчай» участники, держа в руках какую-нибудь из этих вещей, танцуют под музыку флейты, барабана и гонга.

Не менее важное значение имеет праздник нового года. У пуок новый год отмечается по лунному календарю. Этот праздник носит общедеревенский характер, но совершается он только в доме колдуна, который имеет, как считают пуок, способность общаться с духами. Именно во время этого большого праздника юноши и девушки могут познакомиться друг с другом. Как и во время праздника нового урожая, пируют и танцуют до утра. В то время как в день праздника нового урожая не надевают хороших костюмов (из боязни испачкать их), в дни праздника нового года надевают лучшие костюмы с красивыми украшениями.

Кроме этих обрядов, у пуок существуют еще другие, как, например, благопожелания колдунам во время праздника «Ци Тип». В предпосевное время, т. е. в феврале, марте, апреле, молодые люди часто организуют танцы «кчай». И, конечно, один из наиболее веселых моментов в деревенской жизни — это время свадьбы кого-нибудь из односельчан.

Сейчас многие традиционные, но вредные обычаи постепенно отмирают, а те, которые сохраняются, получают новое содержание.

Вступая в многонациональную семью народов Вьетнама, пуок постепенно приближают свою жизнь к жизни других народов страны. За годы, прошедшие после Освобождения, у пуок появились новые общенародные праздники: отмечают день победы Вьетнамской революции (19 августа) и день образования Демократической Республики Вьетнам (2 сентября), праздник Великого Октября (7 ноября), Международный день рабочих (1 Мая). В эти дни во всех деревнях пуок пируют, танцуют и веселятся. Кроме того, в день объявления социалистического соревнования, а также в день, когда подводят его итоги, пуок часто устраивают вечера самодеятельности и танцы.

В настоящее время в жизни пуок происходят большие политические, экономические и социальные преобразования. Под руководством Партии трудящихся Вьетнама, при всесторонней помощи со стороны других братских народов Вьетнама пуок постепенно идут к социализму.

SUMMARY

Basing his study on the results of field investigations which he carried out in 1959—1961, the author describes several customs and rites of the Puoks, one of the little-studied peoples of northwest Viet-Nam.

В. Р. КАБО

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

Небольшое по численности коренное население Австралии, при поддержке австралийских трудящихся европейского происхождения, все более активно включается в борьбу за свои права. Несправедливости, чинимые по отношению к аборигенам, эксплуатация их труда, расовая дискриминация, бесправие, ужасающие условия жизни и быта — все это вызывает энергичный протест прогрессивных общественных организаций и прессы, австралийского рабочего класса и возглавляющей его Коммунистической партии Австралии.

По официальным данным, на 1 января 1961 г. население Австралии составляло 10 332 тыс. человек. Аборигены в это число не включены, так как, согласно статье 127 конституции Австралийского Союза, их учитывают отдельно.

Официальная статистика насчитывала в 1958 г. (последние данные, которыми мы располагаем) примерно 74 тыс. аборигенов (т. е. менее 1% общей численности населения страны), но в это число входят и потомки от браков аборигенов с европейцами. В штате Виктория, где к началу колонизации была сконцентрирована большая часть коренных жителей, осталось только 20 человек чистокровных аборигенов и около 1 тыс. метисов. В Новом Южном Уэльсе сохранилось 230 чистокровных аборигенов и 12 150 метисов. В Квинсленде — 9800 чистокровных аборигенов и 700 метисов. В Южной Австралии насчитывается примерно 2400 чистокровных аборигенов и 2600 метисов, в Западной Австралии — всего 21 300 аборигенов, причем неизвестно, сколько метисов входит в это число. На Северной Территории живет 16 000 чистокровных аборигенов и 1900 метисов. Общая численность чистокровных аборигенов в Австралии (включая всех аборигенов Западной Австралии) составляет 49 750 чел., метисов — 24 650 чел.¹ Все эти лица не пользуются полными правами австралийских граждан. Кроме них еще около 30 тыс. аборигенов (в этой группе метисы составляют подавляющее большинство) имеют все права австралийских граждан и вследствие этого не считаются аборигенами.

Вплоть до середины XX в. численность чистокровных аборигенов, как показывают переписи населения Австралии за ряд лет, неуклонно сокращалась². В то же время число метисов возрастало. Теперь в Австралии иногда говорят, что численность чистокровных аборигенов в последнее время тоже начала расти. Сравнение статистических данных за последние 15 лет не показывает сколько-нибудь значительного роста численности аборигенов. Правда, такое сравнение произвести весьма сложно, так как австралийская статистика очень неточно различает чистокровных аборигенов и метисов; кроме того, получившие гражданские права вообще перестают учитываться как аборигены. Однако в

¹ «Assimilation of our aborigines», Canberra, 1958.

² «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова. М., 1956, стр. 294.

1947 г., согласно официальным данным, насчитывалось почти столько же чистокровных аборигенов и метисов (73 817 чел.)³, сколько их было в 1958 г. Некоторые цифры показывают колебания в приросте коренного населения по отдельным штатам. Так, в Западной Австралии в 1949 г. было 22 763 аборигена, в 1954 г. их стало 20 786⁴, а в 1958 г. — 21 300. В некоторых районах аборигены продолжают вымирать, особенно в западных и центральных пустынях, получивших название «мертвое сердце Австралии».

Большинство аборигенов населяет Западную Австралию, Квинсленд и Северную Территорию. В Центральной Австралии и на Севере численность аборигенов выше численности белых. Количество аборигенов, занятых в промышленности и в сельском хозяйстве или проживающих вблизи европейских поселений (по переписи 1954 г.): в Квинсленде — 72/6, в Южной Австралии — 740, в Западной Австралии — 66/1, на Северной Территории — 10 131⁵. Небольшое число аборигенов Виктории и Нового Южного Уэльса занято полностью. Под занятостью понимается как постоянная, так и случайная (или сезонная) работа. В 1957 г. из 16 165 аборигенов Северной Территории постоянную работу имели 3840 чел.⁶ Большая часть остальных чистокровных аборигенов Австралии проживает в резервациях. Известно, что в Западной Австралии из 21 300 аборигенов более 6 тыс. являются и в настоящее время охотниками и собирателями. Из 16 000 чистокровных аборигенов Северной Территории около 600 также продолжают жить родовыми общинами, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. По роду занятий и образу жизни можно выделить следующие группы аборигенов: 1) аборигены, ведущие охотничье-собирательское хозяйство и живущие родовыми общинами; 2) обитатели правительственных и миссионерских поселений и станций; 3) работающие по найму на скотоводческих фермах, в горной и лесной промышленности и т. д.; они обычно живут стойбищами близ мест работы; 4) обитатели окраин городов, живущие нередко в трущобах и работающие по найму или же безработные. На Северной Территории, например, около 5 тыс. аборигенов сосредоточено вокруг миссий, около 4 тыс. тяготеют к правительственным поселениям, около 6 тыс. живут и работают на фермах или в городах⁷.

Наибольшее количество резерваций (167) находится в Западной Австралии. Их общая площадь — 53 500 кв. миль. Из них самая большая — Северо-Западная резервация — имеет 34 тыс. кв. миль. В Квинсленде для аборигенов п-ова Йорк отведена резервация в 7800 кв. миль⁸. Резервации Северной Территории занимают площадь в 69 458 кв. миль⁹. Под резервациями, согласно австралийскому законодательству, понимаются населенные аборигенами местности и целые области, куда имеют допуск только правительственные служащие и лица, получившие разрешение (например, участники этнографических экспедиций). На деле это правило нарушается. Резервации можно разделить на две основные группы. В первую входят территории, где аборигены живут родо-племенными общностями, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством и переходя с места на место в пределах своих племенных и родовых земель. Родо-племенная структура здесь постепенно разрушается и исчезает. В другую группу входят местности, где так называемые «детрибализованные» (т. е. утратившие родо-племенные связи) аборигены живут оседло, нанимаясь на работу или получая подачки от бла-

³ «Народы Австралии и Океании», стр. 281.

⁴ «The Australian Encyclopaedia», Sydney, 1958, т. 1, стр. 87.

⁵ Там же.

⁶ «Official Year Book of the Commonwealth of Australia», 1959, № 45, стр. 109.

⁷ «Assimilation of our aborigines».

⁸ «The Australian Encyclopaedia», т. 1, стр. 88.

⁹ «Official Year Book of the Commonwealth of Australia», 1959, № 45, стр. 109.

готворительных организаций и миссий. Условия жизни и труда здесь крайне тяжелы. Аборигены — источник дешевой рабочей силы. С ними нередко даже не расплачиваются деньгами — они получают за свой труд скудную пищу и рваную одежду. На одной из скотоводческих станций, которую посетили австралийские этнографы Рональд и Кэтрин Берндт и которая, по их словам, является типичной, рабочие-аборигены трижды в день получали ломоть сухого хлеба, небольшой кусок мяса и ковш чая. Условия работы были таковы, что у аборигенов не оставалось времени добыть себе еще хоть немного пищи охотой или собирательством¹⁰.

Большинство чистокровных аборигенов и метисов в настоящее время живет в лачугах на окраинах городов и занято нерегулярным, обычно неквалифицированным трудом.

Контроль над аборигенами возложен персонально на протекторов, а в целом — на правительства отдельных штатов. Центральное федеральное правительство ответственно только за аборигенов, населяющих Северную Территорию. Каждый штат имеет свое законодательство и исполнительную власть над аборигенами.

Получение аборигенами гражданских прав и свобод — права участвовать в выборах, свободно передвигаться по стране, распоряжаться своей собственностью и т. д. — одна из самых животрепещущих проблем современной Австралии. Она не сходит со страниц австралийской печати. Она волнует не только аборигенов, но и тысячи австралийских граждан европейского происхождения. В борьбе за гражданские права аборигенов ясно различимы две борющиеся силы: с одной стороны — прогрессивная австралийская общественность, прежде всего рабочий класс, и с другой — монополии, которые делают все, чтобы аборигены — источник беззащитной, необученной, дешевой рабочей силы, преимущественно в скотоводстве — как можно дольше были лишены гражданских прав. Эта борьба, в свою очередь, приводит к росту национального самосознания среди аборигенов, к их сплочению. Уступая давлению демократических сил, федеральное правительство в 1957 г. ввело в действие на Северной Территории новое законодательство об аборигенах, замаскированное лицемерным названием «Законодательство о благосостоянии аборигенов». Если по прежнему законодательству аборигены были лишены всех гражданских прав, то теперь за ними признается право называться австралийскими гражданами; однако любой абориген, если администрация сочтет это необходимым, может быть лишен прав гражданства и взят под опеку¹¹. Различие между старым и новым законодательством состоит только в том, что в новом слово «абориген» заменено словом «опекаемый», так как почти все аборигены Северной Территории признаны подлежащими опеке. Когда новое законодательство было принято в 1957 г., только семь человек из шестнадцати тысяч аборигенов Северной Территории получили полные гражданские права¹². В 1961 г. гражданские права имели 70 аборигенов Северной Территории. Большинство их получило эти права состоя в браке с лицами, имевшими их, вследствие чего гражданские права перешли к ним автоматически¹³. В 1961 г. полноправными гражданами стали чистокровные аборигены братья Филипп и Джек Робертс; оба работали в госпитале в Дарвине в должности фельдшеров, обоим более 30 лет. «Им пришлось ждать много лет, чтобы получить то, что белые австралийцы имеют от рождения, а иммигранты, даже плохо знающие английский язык, получают вскоре после приезда в

¹⁰ L. A. Mander, *Some dependent peoples of the South Pacific*, New York, 1954, стр. 175.

¹¹ «Official Year Book of the Commonwealth of Australia», 1959, № 45, стр. 109.

¹² F. R., *The Australian aborigines*, «Communist Review», 1960, № 218, стр. 70.

¹³ «Tribune», 10 мая 1961 г.

Австралию», — пишет австралийский журнал¹⁴. Двум другим аборигенам, Джеку Мельберри и его жене Розе, было отказано в предоставлении гражданских прав на том основании, что Дж. Мельберри «не имел постоянного заработка, занимал деньги и задолжал домовладельцу»¹⁵.

Большинство аборигенов Западной Австралии и Квинсленда не имеют гражданских прав, включая и избирательное право. В 1944 г. в штате Западная Австралия был принят закон, по которому взрослый абориген может получить свидетельство о праве гражданства. Тем самым он получает и избирательные права. Но получить такое свидетельство очень трудно, а потерять очень легко. Чтобы получить его, абориген должен доказать, что он уже два года как прекратил всякие сношения с другими аборигенами, за исключением самых близких родственников, служил в армии или как-либо иначе доказал, что он достоин такого свидетельства, он должен свободно говорить по-английски, иметь профессию, хорошую репутацию и т. д.¹⁶ Вполне понятно, что подавляющее большинство аборигенов Западной Австралии лишено гражданских прав. К 1957 г. свидетельства о правах гражданства получили 982 из 21 300 аборигенов штата¹⁷.

Аборигены Квинсленда контролируются в соответствии с Актом об аборигенах. Согласно этому Акту, абориген не может выбирать самостоятельно место жительства и без разрешения администрации не имеет права покинуть его. Его могут, без его согласия, перевести из одной резервации в другую и держать там так долго, как это решит директор департамента по делам аборигенов. Такую практику справедливо называют «системой концентрационных лагерей»¹⁸. Аборигена могут в административном порядке арестовать и выслать в другую резервацию. Администрация хорошо понимает, какое значение представляют для аборигена его связи со своими сородичами. Поэтому самым страшным наказанием для аборигена, широко практикуемым администрацией, является перевод его в резервацию, расположенную вдали от его родины. Если аборигена отдают под суд, члены суда назначаются директором департамента. Абориген не имеет права защиты и апелляции. Без разрешения протектора абориген не может жениться. Детей могут насильно отнять у родителей. У аборигена нет ни своего дома, ни собственности, потому что она может быть отобраана у него. Его переписка находится под цензурой. В резервациях господствует принудительный труд. Заработная плата аборигенов составляет в среднем 75% того, что получают белые рабочие. Аборигены не получают на руки заработанных ими денег; все деньги или большая часть их идут в банк в Брисбене. Чтобы получить их, абориген должен объяснить протектору, на какие цели он собирается их израсходовать. Аборигены, живущие в резервациях, не подлежат социальному обеспечению по безработице, болезни, старости; пособие по материнству получают только метиски¹⁹.

Аналогичные законы действуют и в Южной Австралии.

Только в Виктории и Новом Южном Уэльсе — двух штатах, где процентное отношение аборигенов к европейскому населению ничтожно, аборигены пользуются формально всеми юридическими правами австралийских граждан (за исключением того, что в Новом Южном Уэльсе аборигенам запрещено употреблять спиртные напитки). Однако в экономическом, бытовом, да и в правовом отношении положение аборигенов этих штатов не лучше, чем в других штатах Австралии.

¹⁴ «Smoke signals», 1961, т. 1, № 5, стр. 45.

¹⁵ Там же.

¹⁶ L. A. Mander, Указ. раб., стр. 191.

¹⁷ J. W. Bleakley, The aborigines of Australia, Brisbane, 1961, стр. 234.

¹⁸ A. H. Campbell, The aborigines and Torres islanders of Queensland, Brisbane, 1958, стр. 27.

¹⁹ Там же, стр. 28—32, 52

Многочисленные факты говорят не только о юридической, но и об экономической дискриминации в отношении аборигенов. Заработок аборигенов Северной Территории ниже заработка белых рабочих, но даже этим нищенским заработком аборигены не могут распоряжаться по своему усмотрению без разрешения директора департамента по делам аборигенов. Им, словно детям, выдают только «карманные деньги»²⁰. Аборигены страдают от хронической безработицы. В Западной Австралии многие аборигены — сельскохозяйственные рабочие заняты только несколько недель в году, а получить пособие по безработице для них почти невозможно. Для большинства аборигенов Центральной Австралии нет другой возможности заработать деньги, как покинуть семью и уйти куда-нибудь далеко на заработки.

Сотни аборигенов города Уолгетт (Новый Южный Уэльс) живут в убогих лачугах на окраине города. Эти люди имеют только случайную работу и очень низкие заработки. Так же живут 300 аборигенов резервации Гудуга. В каждой лачуге помещается семь-восемь человек. Нет электричества, на всю резервацию — один водопроводный кран, в домах — почти никакой мебели. Резервация обнесена колючей проволокой, ворота отпираются только полицией. Полицейские устраивают обыски в домах аборигенов²¹.

Семьи сезонных рабочих на фермах живут в ужасных условиях. В одном месте около семи семей ютились в старом сарае, стены и крыша которого протекали во время дождя. Дети сезонных рабочих не могут посещать школу из-за дальности расстояния. Медицинское обслуживание дорого, врачей не хватает. Комиссия, недавно изучавшая условия труда и быта в Новом Южном Уэльсе, пришла к выводу, что такие условия типичны для всего штата²². Так живут аборигены Нового Южного Уэльса — штата, который гордится тем, что его аборигенам предоставлены полные гражданские права.

Таковы же экономическое положение и бытовые условия аборигенов Квинсленда. Докеры Брисбена — члены профсоюза — протестовали против того, что компания платит аборигенам за равный труд на 2 фунта в неделю меньше, чем «белым» рабочим²³. Английский епископ Дэвис, посетивший резервацию в Кораки, отозвался о ней как о «кладбище для живых»²⁴.

Захват земель, принадлежащих аборигенам, начался в конце XVIII в. и продолжается до сих пор. В 1956 г. аборигены одной из резерваций Северной Территории обратились в австралийские газеты с просьбой помочь им сохранить их землю²⁵. В 1961 г. депутация общественных организаций обратилась к секретарю Совета по благосостоянию аборигенов Нового Южного Уэльса с протестом против намеченного разрушения коттеджей в резервации Мункула. Это — один из немногих поселков, где аборигены живут в сравнительно хороших условиях, в благоустроенных домах, построенных их собственными руками. Большинство других поселков — «просто трущобы без электричества и воды». И вот один из немногих благоустроенных поселков должны были снести, потому что земля, на которой он стоял, была продана местным фермерам²⁶. Недавно 250 аборигенов Мапунской миссии (п-ов Йорк) были согнаны со своей земли, которая была продана бокситовой компании²⁷.

²⁰ «Tribune», 19 апреля 1961 г.

²¹ «Tribune», 9 и 30 августа 1961 г.

²² «Tribune», 10 января 1962 г.

²³ «Tribune», 2 августа 1961 г.

²⁴ «The Courier-Mail», 29 августа 1961 г.

²⁵ «Tribune», 4 января 1956 г.

²⁶ «Tribune», 27 сентября 1961 г.

²⁷ «Tribune», 31 января 1962 г.

В 1950-х гг. австралийское правительство превратило пустынный район Маралинга (Южная Австралия) в полигон для испытаний английского атомного оружия и управляемых снарядов. Аборигены из местной резервации были эвакуированы в Западную Австралию, в резервацию в горном районе Уорбертон. В 1956 г. специальная комиссия парламента Западной Австралии обследовала условия жизни аборигенов в этом районе; она пришла к выводу, что у аборигенов отсутствует самое необходимое для существования. Аборигены умирают от голода и истощения. Болезни, особенно трахома, убийство детей, которых матери не в силах прокормить, — здесь обычное явление. В районе Уорбертон трахомой больны 80% детей, 75% женщин и 60% мужчин. Медицинское обслуживание практически отсутствует. Молодежь, получившая образование в миссии, не может найти работу, кроме случайного временного заработка²⁸.

Офтальмолог И. Манн подсчитала, что трахомой больны 58% всех аборигенов Западной Австралии. 20% смертных случаев среди аборигенов в возрасте свыше 20 лет в северной части Северной Территории происходит от туберкулеза легких. Очень распространены желудочные заболевания — главная причина высокой детской смертности. Много случаев заболевания проказой²⁹.

Положение молодых людей, окончивших школу, — одна из острых проблем современной Австралии. В большинстве случаев аборигены не могут найти применения своим знаниям, и по окончании школы для них наступает самое трудное время. Не найдя работу, многие вынуждены вернуться в стойбище. До 1957 г. университеты Австралии окончили только пять или шесть аборигенов³⁰. В школах Северной Территории и некоторых штатов все еще господствует сегрегация. На Северной Территории дети метисов («цветных», как их здесь называют) и «белых» учатся вместе, дети чистокровных аборигенов — в особых школах. Если у матери-аборигенки рождается «цветной» ребенок, его отбирают у нее, отправляют в дальнюю миссию, и мать не видит его больше³¹.

Социальным обеспечением охвачено лишь незначительное число аборигенов. В Западной Австралии, например, пособие по материнству получают только матери-метиски. Из 21 300 аборигенов Западной Австралии только 1134 подлежат обеспечению по старости и инвалидности³².

К стыду австралийского народа, «цветной барьер» в Австралии все еще существует. Многие школы, рестораны, даже церкви, закрыты для аборигенов, в госпиталях для них отведены отдельные палаты, в кинотеатрах — худшие места, на улицах некоторых городов им запрещено появляться после известного часа и т. д.

Правовое и экономическое положение метисов во многих случаях не лучше, чем положение чистокровных аборигенов.

Метисы остро чувствуют свою обособленность в австралийском обществе. Формально они имеют право участвовать в выборах в федеральный парламент и в парламенты трех штатов, но фактически многие из них не могут воспользоваться этим правом.

После второй мировой войны, уступая настояниям прогрессивной общественности, правительство Австралии ассигновало довольно значительные суммы на жилищное и школьное строительство и на другие

²⁸ «Report of the select committee appointed to inquire into native welfare conditions in the Laverton — Warburton Range area», Perth, 1956, стр. 7, 11—12, 15, 17—18. См. также: W. Grayden, Adam and atoms, The story of the Warburton aborigines, Perth, 1957.

²⁹ A. D. Packer, The health of the Australian native, «Oceania», 1961, т. 32, № 1, стр. 66—67.

³⁰ J. M. Street, Report on aborigines in Australia, 1957, стр. 5.

³¹ Там же, стр. 19.

³² J. W. Bleakley, Указ. раб., стр. 233—234.

мероприятия в интересах аборигенов. Но этих ассигнований недостаточно. Политика помощи аборигенам встречает сильное противодействие со стороны влиятельных кругов, связанных с монополистическим капиталом, со стороны собственников скотоводческих станций, чьи богатства построены в значительной мере на неоплаченном труде аборигенов.

Показательно происходившее в федеральном парламенте 20 апреля 1961 г. обсуждение работы конференции по «благосостоянию аборигенов», состоявшейся в Канберре в январе того же года. В конференции принимали участие министры федерального правительства и штатов, ответственные за контроль над аборигенами. Отчет о работе конференции сделал министр территорий федерального правительства Хэзлак. Предыдущая конференция проходила в 1951 г. Участники конференции 1961 г. решили в дальнейшем собираться каждые два года. Конференция обсудила политику ассимиляции аборигенов и меры, необходимые для ее проведения. Целью этой политики является, как говорилось в выступлении Хэзлака, «постепенное приобщение аборигенов к жизни всего австралийского общества и приобретение ими прав и привилегий австралийских граждан». Наряду с этим было признано необходимым «охранять аборигенов от вредного воздействия внезапных перемен», было заявлено, что аборигены нуждаются в опеке подобно несовершеннолетним или умственно неразвитым людям. Настаивая на том, что перемены в общественном и политическом положении аборигенов должны проводиться постепенно, Хэзлак сказал, что это делается «в их собственных интересах»³³. Эти лицемерные заявления показывают истинное лицо их авторов. Они хотели бы возможно дольше сохранять нынешнее бесправное положение аборигенов. И хотя «Акт о национальности и гражданстве» формально объявляет всех аборигенов австралийскими гражданами, фактически, как это видно из выступлений Хэзлака и других членов парламента, законодательства об аборигенах отдельных штатов и Северной Территории своими многочисленными оговорками сводят на нет эту формальную декларацию. Конференция предусмотрела многочисленные меры для улучшения условий жизни аборигенов, причем было признано, что строительство жилищ далеко отстает от потребностей аборигенов³⁴; однако конференция фактически обошла важнейший вопрос — о труде и заработной плате.

Прозвучали и откровенно расистские выступления: один из членов парламента заявил, что аборигены «примитивные люди и с ними нужно поступать как с примитивными людьми»³⁵.

Большинство членов парламента поддержало политику ассимиляции — официальную политику правительства, которая сводится к следующему: «Ассимиляция означает, что для того, чтобы сохраниться и развиваться, аборигены должны жить, работать и мыслить как белые австралийцы»³⁶. В действительности же развитие идет по пути создания аборигенами своей новой самобытной культуры: это очень интересный процесс, еще совершенно не изученный, но симптомы его уже налицо. Даже правительственная печать отмечает: «Аборигены хотят жить вместе, вести жизнь, которая не является ни их традиционной жизнью, ни жизнью белых. Некоторые черты своего наследия — язык, идеи племенной организации и обязательной взаимопомощи — все это они хотят сохранить»³⁷. Австралийские этнографы и социологи говорят о том, что в обществах «ассимилируемых» аборигенов возникает новая культура, ни традиционная, ни чисто европейская, но основан-

³³ Протокол заседания федерального парламента Австралии от 20 апреля 1961 г., стр. 1055.

³⁴ Там же, стр. 1053.

³⁵ Там же, стр. 1059.

³⁶ «Assimilation of our aborigines».

³⁷ «Fringe dwellers», Canberra, 1959, стр. 11.

ная на синтезе европейской культуры и традиционных этических ценностей родо-племенного общества³⁸. Аборигены тянутся к европейской культуре, но не хотят капитализма с его социальным неравенством и буржуазной моралью, не хотят полной утраты своей национальной самобытности. Даже апологеты колониализма указывают, что политика расовой дискриминации приводит к росту национальной солидарности и развитию национального самосознания аборигенов³⁹. Одно из течений современной прогрессивной австралийской общественной мысли противопоставляет как политике ассимиляции, так и попыткам искусственного сохранения старого племенного уклада третье решение проблемы — интеграцию. Под интеграцией понимается включение общин аборигенов в австралийское общество без разрушения «всего лучшего, что есть в племенном обществе, его культуре, искусстве и языке»⁴⁰. В программе интегралистов немало утопического, и коммунистическая печать Австралии справедливо критикует ее, видя решение проблемы аборигенов в объединении их освободительной борьбы с борьбой всего рабочего класса.

Развитие национального самосознания аборигенов выражается иногда в форме протеста против ущемления их национального достоинства, против забвения исторических заслуг их соплеменников. Например, аборигены, живущие в одной из миссий на р. Форрест, были недовольны тем, как им преподают историю Австралии: учитель, рассказывая об исследователях Австралии, ни слова не сказал об аборигенах-проводниках, без которых европейские путешественники не смогли бы пересечь пустыни Австралии и сделать свои открытия⁴¹. На конференции, организованной университетом Новой Англии и посвященной будущему аборигенов, талантливая поэтесса и видный общественный деятель, аборигенка по рождению, Кэслин Уокер говорила: «Я ассимилирована, но я нисколько не горжусь тем, что стою здесь перед вами и не могу говорить на моем собственном языке». Другой участник этой конференции, англо-австралиец, сказал: «Я еще никогда не встречал аборигена, который хотел бы стать белым»⁴².

Впервые в истории Австралии ее коренные жители активно вступают в организованную борьбу за свои права. За последние десять — двенадцать лет произошел громадный сдвиг: теперь эта борьба поддерживается всеми прогрессивными общественными силами страны, прежде всего рабочим классом в лице его левых профсоюзов. Борьба аборигенов за освобождение сливается с борьбой австралийского рабочего класса. В 1946 и 1951 гг. группы аборигенов Порт-Хедленда и Дарвина впервые организовали стачечную борьбу за улучшение условий труда, за равную с «белыми» рабочими заработную плату; «белые» рабочие городов Юга оказали им материальную и моральную поддержку. В дальнейшем участие аборигенов в организованных формах борьбы принимало все более широкий размах. В настоящее время существует целая система общественных организаций, ставящих своей целью завоевание для аборигенов политического и экономического равноправия. Аборигены принимают активное участие в их деятельности. Одной из них является «Лига развития аборигенов Виктории»; она входит в качестве члена в «Федеральный совет развития аборигенов», который координирует деятельность многочисленных организаций-членов во всех шта-

³⁸ W. R. Geddes, Maori and aborigines: a comparison of attitudes and policies. «The Australian Journal of Science», 1961, т. 24, № 5, стр. 224.

³⁹ A. P. Elkin, The South Pacific and Australia, «Estudos de sciências políticas e sociais», Lissabon, 1957, т. 2, стр. 278—281.

⁴⁰ A. H. Campbell, Указ. раб., стр. 50.

⁴¹ Протокол заседания федерального парламента Австралии от 20 апреля 1961 г., стр. 1062.

⁴² «The Courier-Mail», 23 сентября 1961 г.

тах Австралии. Все эти организации стремятся к достижению следующих пяти основных целей:

1) одинаковые гражданские права для аборигенов и других австралийцев; 2) все аборигены должны жить в удовлетворительных условиях; 3) все аборигены должны получать равную плату за равный труд, причем труд их должен охраняться так же, как труд других австралийцев; 4) образование для «детрибализованных» аборигенов должно быть доступным и обязательным; 5) безусловное сохранение всех видов общественной и личной собственности аборигенов⁴³.

«Лига развития аборигенов» издает журнал «Smoke Signals», собирает денежные средства на строительство и другие цели и развивает активную деятельность по привлечению общественного интереса к нуждам аборигенов. В одной из редакционных статей журнала Лиги ее президент Брайент писал: «Наша задача — пробудить национальную совесть, чтобы мы могли смотреть без стыда в лицо мира. Семена Литтл Рока, Алабамы, Шадпевилля и Конго посеяны глубоко в почву нашей страны. Позаботимся о том, чтобы они не дали всходов»⁴⁴.

Настроения аборигенов хорошо выразил вице-президент Лиги, известный спортсмен, метис Чарли Перкинс: «Свобода — вот все, чего мы требуем. Все угнетенные народы мира требуют свободы. Многие из них уже получили ее. Аборигены тоже не хотят компромисса. Свободу нельзя отрезать ломтиками, подобно пирогу... Ассимиляция аборигенов не будет достигнута до тех пор, пока аборигены и «белые» не будут равны перед законом»⁴⁵.

Весной 1961 г. в Брисбене состоялась национальная конференция по развитию аборигенов; на ней присутствовало более 80 делегатов от различных общественных организаций Австралии. Резолюция конференции недвусмысленно осудила отношение к аборигенам со стороны либерального и лейбористского правительства как один из худших в мире образцов расизма. Конференция потребовала предоставления аборигенам гражданских прав, призвала профсоюзы помогать рабочим-аборигенам в их организованном движении. Конференция отвергла как расовую сегрегацию, так и политику ассимиляции и подтвердила «право аборигенов на самоопределение и сохранение их национального языка и культуры на их собственной земле под их собственным контролем»⁴⁶.

Летом и осенью 1961 г. в ряде городов Австралии проходили митинги и конференции, посвященные вопросам современного положения и будущего аборигенов. В них активно участвовали сами аборигены и австралийские профсоюзы. Наряду с конкретными требованиями улучшения условий жизни и труда аборигенов, здесь выдвигались общие требования предоставления аборигенам всей полноты гражданских и политических прав, отмены всех дискриминационных законов. Такие собрания состоялись в Аделаиде, Брисбене, Сиднее, Дарвине и некоторых других городах. Они протекали в духе дружбы и сотрудничества между представителями двух рас и способствовали объединению разрозненных групп аборигенов как составной части австралийского рабочего класса в борьбе за социальное и политическое равенство.

Рабочие Австралии в своей массе глубоко сочувствуют борьбе аборигенов за равноправие и оказывают им эффективную помощь. Один рабочий рассказывал, выступая на митинге: «Я только что проехал через Северную Территорию и видел страшную картину классового и расового антагонизма, я видел семьи аборигенов, подбирающие объедки со стола своих белых хозяев, я видел полицейского, который тащил

⁴³ «Smoke signals», 1961 г., т. 1, № 5, стр. 5—7.

⁴⁴ Там же, стр. 13.

⁴⁵ «Adelaide News», 14 июня 1961 г.

⁴⁶ «Tribune», 5 апреля 1961 г.

в тюрьму аборигенов, привязанных одной цепью за шеи к его седлу»⁴⁷. Когда суд постановил выгнать аборигена — рыбака Г. Саундерса из его дома за задолженность, более чем 20 профсоюзов и сотни рабочих Сиднея поднялись на его защиту, организуя митинги, посылая телеграммы протеста и deputаций к членам правительства. Кампания в защиту одного аборигена превратилась в широкое движение за права всех аборигенов⁴⁸. Когда два аборигена из небольшой группы умирающих от голода, вооруженных только копьями людей, бродивших в Западноавстралийской пустыне, были посажены в тюрьму по обвинению в том, что они украли быка, рабочие профсоюзы, различные общественные организации, политические и церковные деятели выступили на их защиту⁴⁹. Когда австралийская общественность узнала о том, что в Хоупвейлской миссии (Квинсленд) пастор Керник избил палкой молодого аборигена Джима Джако за то, что он хотел жениться без его разрешения на 16-летней девушке аборигенке Герти Симон (у девушки в наказание остригли волосы), это возмутило всю страну и вызвало многочисленные отклики в прогрессивной прессе. В дело вмешались многочисленные организации и профсоюзы, Совет по охране прав аборигенов. В ходе расследования выяснилось, что аборигены миссии не имеют права вступать в брак без разрешения пастора или протектора, иначе их дети будут отобраны у них⁵⁰. По поводу этого инцидента был сделан запрос в парламенте. Когда в 1961 г. в Центральной Австралии разразилась самая страшная в ее истории засуха и сотням аборигенов угрожала голодная смерть, союз строительных рабочих обратился в Федеральный совет развития аборигенов с выражением озабоченности по этому поводу и требованием принятия немедленных мер. С аналогичным письмом союз обратился в Австралийский совет тред-юнионов⁵¹. Подписи тысяч рабочих-аборигенов и англо-австралийцев стоят под петицией королеве о предоставлении гражданских прав аборигенам Западной Австралии.

Таковы факты, свидетельствующие о растущей солидарности рабочих разных рас в их борьбе за свободу. Правительство не может не считаться теперь с самостоятельностью общественных организаций. Это проявилось в создании комиссии по избирательным правам для аборигенов, которая в своем докладе рекомендовала Палате представителей федерального парламента предоставить, наконец, право выбирать и быть избранным в федеральный парламент всем без исключения взрослым аборигенам⁵².

Одной из интересных форм организованного движения аборигенов является создание ими производственных кооперативов. В кооперативах (их еще немного) аборигены находят применение своим навыкам коллективного труда и взаимопомощи. По-видимому, кооперативное движение может стать одной из форм дальнейшего социального и экономического развития прежних родовых общин. Общественно-экономические отношения внутри кооперативов еще ждут своего исследователя.

Один из первых кооперативов был создан в середине 1950-х гг. в Пиндане (вблизи Порт-Хедленда, Западная Австралия) по инициативе англо-австралийца Маклюда. Кооперативом руководит совет директоров из аборигенов, отдельными поселками (их семь, в самом крупном живет более 100 чел.) — комитеты, которые периодически переизбираются. Доход распределяется между членами кооператива. Старые,

⁴⁷ «Tribune», 28 марта 1961 г.

⁴⁸ «Tribune», 15 февраля и 3 мая 1961 г.

⁴⁹ «Tribune», 5 апреля 1961 г.

⁵⁰ «Smoke signals», 1961, т. 1, № 5, стр. 47; № 6, стр. 23—31; «Tribune», 28 июня 1961 г.

⁵¹ «Tribune», 15 ноября 1961 г.

⁵² «The Courier-Mail», 20 октября 1961 г.

больные и дети находятся на обеспечении работающих. В кооперативе имеются общественная столовая и кухня, прачечная, бани и другие бытовые удобства, хорошие жилые дома. Члены кооператива занимаются скотоводством, держат домашнюю птицу, работают на огородах и в садах, имеют ветряную мельницу, хорошую моторную лодку, добывают жемчуг, ловят рыбу, охотятся. До вступления в кооператив все они работали на скотоводческих станциях за скудную пищу и очень низкую заработную плату, значительно меньшую, чем получали белые рабочие, хотя аборигены работали не хуже их. Никаких жилищ, никаких бытовых удобств им не предоставлялось. Женщины вообще не получали заработной платы и работали за пищу и одежду⁵³.

Существуют и два других кооператива. Один из них — на о-ве Кабидж Три, в Новом Южном Уэльсе — был открыт в августе 1960 г. Сорок членов кооператива занимаются сельским хозяйством — выращивают просо и сахарный тростник. Другой кооператив находится в миссии Локхарт на п-ове Йорк. Так же как в Пиндане, им руководит совет директоров из аборигенов. Аборигены добывают жемчуг, работают на огородах⁵⁴.

Решительным и последовательным защитником жизненных прав аборигенов является Коммунистическая партия Австралии. «Коммунистическая партия всегда боролась за равные гражданские права для аборигенов, и она уверена, что аборигены, поддержанные объединенными усилиями рабочего класса, добьются улучшения своих условий»⁵⁵. Считая, что, пока существует капитализм, полностью решить проблему аборигенов невозможно, коммунисты стремятся сделать все возможное в современных условиях для облегчения их положения.

В июне 1961 г. австралийские аборигены впервые принимали участие в работе съезда политической партии. Это был XIX съезд Коммунистической партии Австралии, среди делегатов которого были аборигены, в их числе одна женщина. Съезд принял следующую резолюцию о правах аборигенов:⁵⁶

«Полные права для аборигенов.

Австралийский правящий класс издавна самым жестоким образом угнетает это национальное меньшинство (австралийских аборигенов. — В. К.) и теперь пытается уничтожить его самобытные черты и культуру под видом «ассимиляции». Преследования, расовая дискриминация и ужасающая нищета — таков удел этого угнетенного народа.

Коммунистическая партия выступает в защиту права этих замечательных людей самим определять свое национальное развитие, включая право на создание автономных районов, если они того желают.

В качестве первых шагов мы требуем предоставления им полных гражданских прав, выплаты рабочим-аборигенам, особенно пастухам, всей полагающейся им заработной платы, сохранения оставшихся племенных земель и наделения землей тех, кто был изгнан из резерваций, создания возможностей для образования и профессионального обучения, а также ликвидации расовой дискриминации, отмены постыдного «Акта о защите аборигенов» и поощрения аборигенов к созданию собственных комитетов, которые бы ведали их делами».

Вот почему рабочий-абориген Р. Пекхэм имел полное основание сказать: «Будущее аборигенов — только в поднимающейся волне прогрессивной борьбы, в движении рабочего класса».⁵⁷

⁵³ J. M. G. Street, Указ. раб., стр. 26—30.

⁵⁴ «Smoke signals», 1961, т. 1, № 5, стр. 23; A. H. Campbell, Указ. раб., стр. 31.

⁵⁵ «Tribune», 8 марта 1961 г.

⁵⁶ Цитируется по проекту резолюции, опубликованному в газете «Tribune», 12 апреля 1961 г.

⁵⁷ «Tribune», 12 июля 1961 г.

За справедливое решение проблемы аборигенов борется сейчас вся демократическая общественность Австралии, за которой стоит мировое прогрессивное общественное мнение. Не случайно в стенах парламента и в прессе австралийцы с тревогой задают вопрос: что скажут о нас в других странах?

Сами аборигены Австралии становятся в наши дни все более значительной общественной силой. Растет их национальное самосознание, они спланиваются в общественные организации, все более объединяются пониманием своих общих интересов и стремлением бороться за свои права.

SUMMARY

The article describes the dreadful conditions of the Australian aborigines, most of whom are deprived of elementary political and civil rights and are subjected to undisguised racial discrimination and cruel exploitation.

The author also describes the growing struggle of the Australian aborigines for their lawful rights, their fight against the inhuman conditions in which they are forced to live, against racial discrimination. He also cites material showing that their struggle is supported by progressive public organizations in Australia.

Ю. Н. ЗОТОВА

СИСТЕМА КОСВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НИГЕРИИ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

За последние годы в Африке происходят знаменательные события. Все большее число африканских народов освобождается от колониального рабства, возникают новые независимые африканские государства.

Однако колониалисты пытаются сохранить свое влияние в этих странах, используя в частности феодалов и вождей в качестве своей надежной опоры среди местного населения. Как отметил президент и глава правительства Республики Гана Кваме Нкрума, независимость молодых африканских государств в случае, если империалистические ставленники в них возобладают, может принять чисто фиктивный характер и стать вторым изданием косвенного управления.

Таким образом, вопрос о пережитках колониальных систем управления, которые империалисты пытаются использовать в своих интересах, в наши дни приобретает особую актуальность.

Поработив африканские страны, колониальные державы стали искать опору своей власти среди коренного населения. Французские колонизаторы придерживались методов так называемого прямого управления: свои владения они разделили на ряд территориальных единиц, во главе их были поставлены случайно набранные лица местного происхождения, на деле ставшие низшими чиновниками колониального аппарата. Кое-где были оставлены старые правители, но они были лишены прежнего влияния. Французская колониальная администрация полностью отказалась от использования местных традиционных институтов.

Английские колонизаторы применяли в Африке систему так называемого косвенного управления: традиционная власть местных феодалов и вождей поддерживалась и даже укреплялась. Хотя эти местные владыки также были низведены на положение исполнителей приказов английских чиновников, за ними были сохранены некоторые привилегии и в ограниченных рамках — административная и судебная власть над местным населением. В лице этих правителей и вождей колонизаторы стремились создать себе прочную социальную опору¹.

Такой метод «удержания в узде» покоренных народов применялся британскими колонизаторами в Индии и Малайе. В Африке Нигерия послужила своеобразной «лабораторией», откуда проверенные здесь методы косвенного управления были распространены на другие британские колонии на этом материке.

* * *

Во второй половине XIX в. англичане приступили к военному захвату Нигерии. Особенно усилилась их экспансия в конце XIX в. В 1897—1900 гг. пали Ибадан, Илорин, Нупе. Оказавший сопротивление окку-

¹ И. И. Потехин, О «самобытной африканской демократии» в Нигерии. «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 43—44

пантам Бенин был обстрелян английскими военными кораблями и сожжен до основания.

Английские колонизаторы, соперничая с французскими империалистами, стремились захватить как можно больше африканских земель. Границы колоний устанавливались без учета расселения местных народов. В пределы Нигерии оказались включенными народы, значительно отличавшиеся по уровню развития, языку, культуре, религиозным верованиям.

На севере Нигерии, где жили хауса, фульбе, канури, ко времени прихода англичан существовал ряд феодальных государств — эмиратов². Это была область распространения ислама маликитского толка. Эмир соединял в своих руках всю полноту светской и духовной власти. При нем имелся совет, состоявший из главного советника — «вазири», наследника эмира — «галадима», военачальника и городского головы — «мадаки», казначея — «мааджи», судьи — «алькали», советника по религиозным вопросам — «лимана», главного стражника — «саркин догараи»³. На западе Нигерии, заселенном в основном йоруба, господствовали патриархально-феодальные отношения. Там также имелись феодальные княжества — Ойо, Эгбе, Ифе, Илорин, Бенин и др. Центрами их были, как правило, довольно крупные города, обнесенные высокими и прочными стенами, за которыми укрывалось население округи во время нападения врагов. Во главе городов-государств, как называют эти княжества, стояли: алафин (в Ойо), ова (в Илеша), оба (в Бенине), они (в Ифе), алака (в Абеокуте)⁴. При этих правителях также имелись советы, в которые входили представители знатных и богатых семей. Советники избирали новых властителей, как правило, из числа членов правящей династии.

Между эмирами на севере и между правителями городов-государств на западе существовала своеобразная иерархическая зависимость. Верховным главой всех северных эмиратов был правитель Сокото, носивший титул «саркин мусульми» — глава мусульман (яз. хауса). Султан Сокото считался религиозным главой мусульман всего Западного Судана⁵. Правителю государства Ойо подчинялись более мелкие близлежащие города.

На севере и западе Нигерии к рассматриваемому периоду уже существовало феодальное землевладение. Феодалы взимали натуральную ренту, применяли отработки. Размер ренты колебался в пределах от $1/10$ до $1/3$ урожая⁶.

Кроме ренты, местные правители взимали различные налоги и сборы. На севере основным налогом, начиная с XIII в., был закат (или ушр), составлявший $1/8$ — $1/10$ часть собранного урожая.

В правление Кутумбы (1623—1648) впервые был введен налог на скот — «джангали». Кроме того, взимался поземельный налог «харадж» («курдин каса» на языке хауса). Особому налогообложению подлежали ремесленники (кузнецы, ткачи, портные, крастьищники, мясники и др.). Племена, не принявшие ислам, платили «джизью» — подушную подать (на языке хауса она называлась «ганда») ⁷. Помимо налогов сущест-

² С. К. Meek, *The northern tribes of Nigeria*, London, 1925, стр. 251—252. На севере Нигерии существовали также районы, где феодальные отношения не были развиты.

³ M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 87; С. К. Niven, *A short history of Nigeria*, London, 1958, стр. 229—230. Все названия даны на языке хауса.

⁴ С. К. Niven, *Указ. раб.*, стр. 5—6; N. Orizu, *Without bitterness*, New York, 1944, стр. 85—86.

⁵ A. Burns, *History of Nigeria*, London, 1958, стр. 49.

⁶ N. Orizu, *Указ. раб.*, стр. 85—86.

⁷ A. Burns, *Указ. раб.*, стр. 49; С. К. Meek, *Указ. раб.*, стр. 294—299; W. M. H. Hailey, *Native administration in the British African territories*, London, 1951, ч. III, стр. 75.

вовал обычай подношения правителям и родоплеменной знати «подарков» после сбора урожая, а также по случаю различных праздников. Так, феодалу или вождю земледельцы обычно «дарили» мешки с зерном, рыболовы — самую большую пойманную рыбу, охотники — лучшую часть добычи. Такие подношения назывались на языке хауса «гайсуа».

Йоруба и другие народы Западной Нигерии также облагались всевозможными поборами.

На востоке страны, основном районе расселения ибо и ибибио, преобладали родоплеменные отношения. Однако некоторые явления свидетельствовали о том, что они уже начинали разлагаться. Выделялась зажиточная верхушка, распоряжавшаяся землей и другими богатствами. Усиливалась эксплуатация рядовых общинников⁸. Власть вождей из выборной становилась наследственной. За определенными семьями закреплялось руководство всеми делами племени.

На севере страны ко времени захвата ее Англией существовали местные мусульманские суды. Судопроизводство велось профессиональными судьями — «алькалаи» (яз. хауса)⁹ — на основе шариата (мусульманское право). Деятельность судов контролировалась эмирами, которые решали наиболее важные дела. На западе и востоке Нигерии дифференцированных судебных органов не было. Суд вершили правители и вожди со своими советами.

Итак, местные правители на севере и западе страны обладали более или менее централизованной властью, опиравшейся на силу традиции, религию. Влияние их на население было очень большим.

Захватив Нигерию, английские колонизаторы стали применять вначале методы прямого управления, но вскоре английская колониальная администрация пришла к выводу, что удобнее и безопаснее осуществлять свою власть над захваченными народами через посредство местных владык, используя их традиционный аппарат власти. Дело в том, что угнетенные народы Нигерии продолжали вести борьбу против захватчиков, за свою свободу и независимое развитие. Поэтому английские колонизаторы не без основания полагали, что использование для управления колониями традиционных местных общественных и политических институтов замаскирует в какой-то степени английское господство и будет сдерживать освободительную борьбу в стране.

Рассмотрим, что же в действительности представляет собой система косвенного управления, введение которой буржуазные авторы представляют как «великое благодеяние» для угнетенных народов, как преддверие самоуправления колоний в будущем.

К ведению системы косвенного управления в Нигерии колонизаторы приступили при полковнике Ф. Лугарде, который был назначен верховным комиссаром в северные районы этой страны в 1900 г.¹⁰ «Лугард надел британское ярмо на Нигерию», так оценивал деятельность этого колониального чиновника видный нигерийский политический деятель А. Аволово¹¹. Еще будучи в Уганде, Лугард писал: «Я считаю, что администрация в этой стране должна стремиться к управлению через

⁸ S. F. Nadel, *A black Byzantium, the kingdom of Nupe in Nigeria*, London, 1942, стр. 158; C. K. Meek, *Land tenure and land administration in Nigeria and Cameroon*, London, 1957, стр. 162.

⁹ A. Burns, *Указ. паб.*, стр. 49; C. K. Meek, *The northern tribes of Nigeria*, стр. 294—299; S. K. Niven, *How Nigeria is governed*, London, 1957, стр. 24.

¹⁰ До назначения в Нигерию Лугард служил в колониальной администрации в Индии и Бирме; участвовал в захватнической войне против афганского народа (1879 г.), в подавлении восстания махдистов; через год «усмирял» народы Бирмы; командовал войсками колонизаторов в Ньясаленде и Уганде (1888—1892 гг.) и пограничными войсками в Калахари (1896 г.). С 1897 по 1900 г. возглавлял войска «Роял Нигер компани» в Нигерии. (См. C. K. Niven, *A short history of Nigeria*, London, 1958, стр. 241 и др.).

¹¹ O. Awolowo, *Path to Nigerian freedom*, London, 1946, стр. 17.

существующие местные органы власти»¹². В 1911 г. Министерство колоний Великобритании приняло решение о применении в Нигерии методов косвенного управления и поручило Лугарду приступить к реализации этих планов. В марте 1912 г. Лугард, став губернатором всей Нигерии, начал претворять полученное задание в жизнь.

До 1914 г. Нигерия делилась на колонию Лагос¹³, Южный протекторат и Северный протекторат, изолированные друг от друга. В 1914 г. Лугард объединил северные и южные провинции в один протекторат. Распоряжаясь в объединенной Нигерии английский генерал-губернатор, представлявший там власть английской короны. Он издавал законы, назначал и смещал местных правителей, координировал бюджет отдельных территорий с общим. Один он мог приговаривать к смерти или выносить решение о помиловании. В его ведении был целый штат колониальных чиновников-англичан, а также законодательный и исполнительный советы, членами которых были английские чиновники¹⁴. Северные и южные провинции возглавляли два вице-губернатора, подчинявшиеся генерал-губернатору. Колония Лагос считалась отдельной административной единицей, во главе ее стоял английский чиновник.

Вся территория Нигерии была разделена на 23 провинции: 12 на севере и 11 на юге¹⁵. Контроль над каждой провинцией осуществлял английский резидент, обладавший в пределах этой административной единицы всей полнотой власти. Провинции делились на дисгрикты, во главе которых стояли английские чиновники (district officers), контролировавшие все стороны деятельности туземного правителя или вождя данного района¹⁶.

В 1914 г. колонизаторы заключили с алака Абеокуты договор, по которому он и его совет лишались всякой самостоятельности и попадали в полную зависимость от губернатора. Взамен колонизаторы официально признали его главой местного населения провинции и поставили в подчинение ему всех более мелких вождей этого района. Аналогичный подкуп местных правителей имел место в других городах-государствах запада. Некоторые эмиры севера в свое время также охотно пошли к колонизаторам в услужение при условии сохранения их прежней власти над населением. В этих районах — на севере и на большей части Западной Нигерии — при введении косвенного управления колонизаторы не встретили особых трудностей. Местный правитель, чтобы остаться номинальным главой, стремился угождать англичанам¹⁷.

В последующие два-три года после объединения северных и южных провинций¹⁸ английские колонизаторы издали законы, определившие характер введения системы косвенного управления. Это были законы о «туземных властях», «туземных судах» и «туземных доходах»¹⁹.

¹² F. D. Lugard, The rise of our East African empire, London, 1893, т. 11, стр. 649.

¹³ Эта административная единица включала г. Лагос и прилегающую к нему прибрежную полосу 1590 км длиной и 32 км шириной. Англичане закрепились здесь еще в 1861 г. (С. К. Niven, Outline of a colony, London, 1946, стр. 8).

¹⁴ R. L. Buell, The native problem in Africa, New York, т. I, 1928, стр. 688—689; С. К. Niven, Outline of a colony, London, 1946, стр. 117.

¹⁵ Северные провинции: Адамауа, Баучи, Бенуэ, Борну, Илорин, Кабба, Као, Кацина, Нигер, Плато, Сокото, Зария. Южные провинции: Абеокута, Бенин, Калабар, Иджебу, Огойя, Ондо, Онитша, Оверри, Ойо, Уорри, Камерун. В 1939 г. южные провинции были разделены на западные и восточные, возглавляли их верховные комиссары.

¹⁶ С. К. Niven, How Nigeria is governed, London, 1958, стр. 39—40.

¹⁷ N. O. Ozi, Without bitterness, New York, 1944, стр. 95.

¹⁸ В апреле 1939 г. Южная Нигерия была разделена на две административные территории — западные и восточные провинции. На западе — Абеокута, Бенин, Иджебу, Ондо, Ойо, Уорри; на востоке — Калабар, Камерун, Огойя, Онитша, Оверри. В 1947 г. была образована еще пров. Риверс, включившая часть территории Уорри, часть Калабара.

¹⁹ R. L. Buell, The native problem in Africa, New York, 1928, т. I, стр. 688—699.

Согласно «Закону о туземных властях» (1916 г.)²⁰, местные правители и вожди, обязавшиеся служить английским колонизаторам, признавались со всем их традиционным аппаратом власти и становились низшим звеном колониальной администрации. Официально введенными в должность они считались только по утверждению их генерал-губернатором²¹. После этого устраивался фарс «избрания» этих лиц народом. В выборах участвовала только феодальная или родоплеменная верхушка. Так, в Ойо новый алафин избирался советом правителя (Совет семи)²², состав которого в свою очередь не выбирался, а назначался алафином из числа знатных и богатых людей. В Кано нового эмира выбирал совет эмира, также не являвшийся выборным органом и состоявший в основном из родственников эмира и крупных феодалов.

Признанных туземных правителей колонизаторы подразделяли на несколько рангов. К высшему относились султан Сокото, шейху Борну и другие крупные эмиры северных провинций, на юге — алафин Ойо, оба Бенина, алака Абеокуты. Церемонию признания правителя первого ранга колониальные власти обставляли очень торжественно и помпезно. Ему вручались специальная грамота (letter of appointment) и серебряный жезл. Правитель второго ранга получал латунный жезл. Правители первого ранга имели право назначать «туземные» власти в дистрикты, города и деревни. Этим колонизаторы подчеркивали их значимость и приоритет по отношению к более мелким «туземным» властям. Во главе дистриктов и городов эти правители обычно ставили своих родственников. Однако для окончательного утверждения их была необходима санкция соответствующих английских чиновников.

Туземным правителям вменялось в обязанность прежде всего поддержание «порядка и спокойствия» в подчиненных им районах. Для осуществления этих функций правителям от главы дистрикта и выше предписывалось иметь тюрьмы и полицейские отряды. На севере это были «догаран» (на языке хауса), т. е. стражники, называемые также «ян гади»; во главе их стояли «саркин догаран»²³.

Другой обязанностью правителей был контроль за своевременным и полным сбором налогов. Они же назначали сборщиков.

Правители первого ранга получили право издавать постановления, касающиеся второстепенных вопросов: рыночной торговли, порядка движения по дорогам, контроля за производством спиртных напитков и т. д.²⁴. Таким образом, колонизаторы, предоставив правителям некоторые законодательные права, усилили их власть над остальным населением. Однако для введения в силу всех постановлений местных правителей требовалось утверждение губернатора; губернатор и резиденты провинций могли отменить любое из них и потребовать введения другого, более отвечающего интересам колонизаторов.

На севере страны в основном были признаны все эмиры и существовавшие при них советы. Их деятельность контролировалась английскими резидентами.

«Туземная» администрация в каждом эмирате строилась следующим образом: во главе каждой деревни стоял деревенский вождь; все деревни данной округи объединялись в дистрикты, которые возглавлял один из ставленников эмира. Венчал всю эту иерархию эмир со своим советом.

В Западной Нигерии местные правители также были признаны и поставлены во главе провинций. Так, туземным правителем самой населенной провинции Ойо был алафин, которого колониальные власти

²⁰ Там же, стр. 688.

²¹ См.: M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 383.

²² N. Orizu, *Without bitterness*, New York, 1944, стр. 83.

²³ C. K. Niven, *How Nigeria is governed*, London, 1958, стр. 116.

²⁴ Там же, стр. 104.

считали «идеальным правителем для осуществления косвенного управления»²⁵. Власть его оставалась наследственной. Он сохранял в определенной степени прежний суверенитет над другими более мелкими правителями и вождями данной провинции, которые, как правило, были его ставленниками. Ему были оставлены гарем из 300—400 жен и дворец, где он принимал посетителей, восседая на украшенном золотом троне. При алафине, как и при эмирах, был сохранен прежний Совет семи («Ойо меси»).

Западные провинции также делились на дистрикты. Назначаемые правителями первого ранга главы дистриктов как на севере, так и на западе должны были следить за сбором налогов и контролировать деятельность деревенских вождей, должности которых также официально утверждались колониальными властями. Вожди осуществляли сбор налогов непосредственно в подчиненных деревнях. Жалование деревенских вождей составляло 5—10% с общей суммы собранных налогов.

В 1918 г. Лугард издал «Политический меморандум», в котором закреплялась эта иерархическая структура «туземных» властей²⁶.

К 1930-м гг. в Северной Нигерии был утвержден 151 «туземный» правитель, в Западной Нигерии — 224. Все они находились на жалованьи у колониальных властей. Так, в 1925 г. эмир Кано получил 6 тыс. ф. ст., эмиры Сокото и Борну — по 5 тыс. ф. ст., алафин — 4800 ф. ст., эмиры Йола, Илорин, Зария — по 2—2,5 тыс. ф. ст., бале («туземный» правитель дистрикта Ибадан) — 2400 ф. ст., балогун (помощник бале) — 700 ф. ст. Члены советов при эмирах и правителях запада также оплачивались колонизаторами, каждый получал 500 и более ф. ст. в год²⁷.

Такой была на севере и западе Нигерии сложная схема «туземных властей», все звенья которой были взаимосвязаны и помогали колонизаторам держать в подчинении народы на обширной территории Нигерии. Характерно высказывание Лугарда: «В Нигерии не существует двух аппаратов власти — британского и туземного — работающих отдельно друг от друга или сообща, а есть одно единое правительство, в котором туземные вожди имеют определенные обязанности и признанный статут»²⁸.

На востоке Нигерии при введении косвенного управления колонизаторы столкнулись с целым рядом трудностей. В районах, населенных ибо, власть сосредотачивалась в руках туземных правителей (оби), при которых имелись советы («ндичие»). Эти советы были почти аналогичны соответствующим институтам на севере и западе страны²⁹. Английские колонизаторы сумели использовать их в качестве своих марионеток. Но на большей части территории Восточной Нигерии англичане не нашли ничего похожего ни на централизованную власть эмиратов севера, ни на систему управления городами-государствами запада страны; не нашли они даже института верховных вождей, которые обладали бы властью, распространяющейся на значительную территорию.

Английские власти попытались искусственно создать в этих районах институт так называемых «назначенных вождей»³⁰, на вербовав их из

²⁵ M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 190.

²⁶ F. D. Lugard, *Political memoranda*, London, 1918 (см. кн.: R. L. Buell, *The native problem in Africa*, New York, 1928, стр. 688).

²⁷ R. L. Buell, *The native problem in Africa*, New York, 1928, стр. 702; M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 180; W. M. H. Hailey, *Native administration in British African territories*, ч. III, London, 1951, стр. 180.

²⁸ Цит. по кн.: R. L. Buell, *The native problem in Africa*, стр. 688.

²⁹ N. Orizu, *Without bitterness*, New York, 1944, стр. 121.

³⁰ W. M. H. Hailey, *Native administration in British African territories*, т. III, London, 1951, стр. 158.

числа местных жителей, которые соглашались служить колонизаторам. Такие «вожди», разумеется, не пользовались влиянием среди местных народов. «В то время как административные служащие считали назначенных вождей до определенной степени правителями и представителями своего народа, последний смотрел на них как на африканских агентов их белых хозяев», — сообщала Перэм³¹.

Возмущенное «деятельностью» таких вождей население стало изгонять этих ставленников англичан. Власти жестоко расправлялись с восставшими. Однако всеобщее возмущение народа заставило колонизаторов пересмотреть прежнюю политику. Была проведена «реорганизация» системы управления. В 1930-х гг. «туземными» властями были признаны обладающие реальным влиянием среди местных народов традиционные вожди и «советы». На большей части восточных районов Нигерии в качестве «туземных» властей были признаны коллективные органы администрации — «совет деревни» и «совет группы деревень», так как власть в этих районах не сосредотачивалась в руках единоличного вождя. Таким образом, в ранг «туземных» властей было возведено большое число лиц: в провинции Оуэрри, например, было назначено в качестве «туземных» властей 245 человек.

Члены этих деревенских «советов» в отличие от советов при эмирах и правителях запада не получали твердо установленного жалованья, а оплачивались в зависимости от их «услуг». Это позволяло колониальным властям оказывать на «советы» постоянный нажим.

Итак, колонизаторы, приступив в 1920-х гг. в Нигерии к насаждению методов косвенного управления, к 30-м годам сочли эту систему установленной, а свое господство упроченным. Действительно, «туземные» правители и вожди оказались под полным контролем английских чиновников³². Небезынтересно отметить, что впоследствии «по образцу этого постановления («закон о туземных властях» 1916 г. — Ю. З.) создавались многие аналогичные законы» не только в Нигерии, но и в других английских колониях в Африке³³.

Вторым столпом, на котором зиждилось косвенное управление в Нигерии, были «туземные» суды. Захватив Нигерию, англичане сразу приступили к созданию удобной для них судебной системы. Суды подразделялись на две группы: провинциальные, созданные при резидентах провинций и укомплектованные англичанами, и «туземные».

«Туземные» суды были низшей инстанцией, лишенной исполнительной власти. Официально они были введены «Постановлением о туземных судах» 1914 г.³⁴ В законе отмечалось, что «туземные суды» действуют на территориях, во главе которых стоят правители и вожди, утвержденные губернатором. Официально признанными они считались только после получения специального документа от колониальных властей, который определял их полномочия и состав.

На севере Нигерии были признаны местные мусульманские суды, состоявшие из профессиональных судей — алькалаи. В Западной и Восточной Нигерии были созданы «туземные» советы (суды при комиссарах дистриктов) и подчиненные им «туземные» суды. Возглавлялись же и другие английскими чиновниками. До 1914 г. комиссары дистрик-

³¹ M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 234.

³² Не следует забывать, что местный правитель сохранял над своими африканскими подданными большую власть, дающую возможность эксплуатации населения. Эта власть зиждилась на нормах обычного права, на силе традиции. Таким образом, население страдало от двойного гнета.

³³ M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 336.

³⁴ R. L. Buell, *The native problem in Africa*, New York, 1928, стр. 689—693; W. M. H. Hailey, *Native administration in British African territories*, ч. III, London, 1951, стр. 110.

тов председательствовали в них и предопределяли выносимые приговоры и решения³⁵.

В Западной Нигерии в «туземные» суды входили правители городов-государств и другие признанные англичанами местные вожди, а также некоторые наиболее влиятельные члены их советов³⁶. В Восточной Нигерии лица, являющиеся «туземными» властями, были одновременно и членами «туземных» судов. Это положение специально оговаривалось в законе о «туземных» властях. Первоначально в состав судов входили «назначенные» вожди. После того как затея с «назначенными» вождями провалилась, в суды были включены признанные колонизаторами местные вожди и члены «советов деревень» и «советов группы деревень». Резидент имел право назначать председателя «туземного» суда и его заместителя, утверждать, увольнять или отстранять любого члена суда. Резиденты и английские чиновники, стоявшие во главе дистриктов, должны были непосредственно контролировать деятельность «туземных» судов: присутствовать на судебных заседаниях, не реже раза в месяц просматривать протоколы судов и т. д.

«Туземные» суды действовали на основании свода законов, утвержденного губернатором. Законы эти базировались на обычном праве (запад и восток) и шариате (север)³⁷. «Туземные» суды рассматривали дела, касающиеся только местных жителей, в основном — бракоразводные, о разделе имущества, долгах, кражах и т. д. Высшие инстанции — укомплектованные англичанами суды — решали все другие более сложные вопросы. Председатели судов получали твердо установленное жалованье. Так, главному алькали в Кано выплачивали 864 ф. ст. в год³⁸. Членам суда отчисляли обычно определенный процент судебных пошлин. В Бенине он составлял 60%, Оndo — 33%, других провинциях — около 40% судебных сборов³⁹.

Реорганизация «туземных» властей, начатая в 1934 г. в Восточной Нигерии, привела к значительному увеличению количества членов «туземных» судов этого района⁴⁰. Резидент оказался вынужденным утверждать состав этих судов списком. Колонизаторы стремились сократить число членов судов. При этом пересматривался их состав, что давало полную возможность вводить в них удобных колонизаторам людей. В конце 30-х годов колонизаторы свели число членов суда к минимуму. Так, судей в нем стало пять — шесть человек, присяжных заседателей — не более 15 человек.

Третьим краеугольным камнем косвенного управления было «Постановление о туземных доходах» 1917 г., заменившее изданные в 1904 и 1906 гг. «прокламации» о доходах⁴¹.

Лугард в свое время предлагал облекать новые поборы в форму освященных местной традицией налогов. Для сбора налогов Лугард рекомендовал использовать в основном «туземные» власти. И действительно, испытав немалые трудности при сборе налогов в первоначальный период, колонизаторы в дальнейшем переложили эту обязанность на

³⁵ A. Burns, History of Nigeria, London, 1958, стр. 266.

³⁶ W. M. H. Hailey, The native administration in British African territories, London, 1951; N. Orizu, Without bitterness, New York, стр. 121—122 и далее.

³⁷ C. K. Niven, How Nigeria is governed, London, 1958, стр. 126.

³⁸ A. Burns, History of Nigeria, London, 1958, стр. 266—267.

³⁹ W. M. H. Hailey, Native administration in British African territories, ч. III London, 1951, стр. 138.

⁴⁰ M. Perham, Native administration in Nigeria, London, 1937, стр. 242—245; W. M. H. Hailey, Native administration in British African territories, London, 1951, стр. 172.

⁴¹ R. L. Buell, The native problem in Africa, New York, 1928, стр. 694—699; W. M. H. Hailey, Native administration in British African territories, ч. III, London 1951, стр. 13.

своих марионеток — назначенных и поддерживаемых ими местных правителей. При этом англичане стремились создать у них материальную заинтересованность, разрешая часть собранных налогов отчислять в свою пользу. При сборе налогов допускали полный произвол над местным населением: налоги взимались силой, налоговые ставки, как правило, завышались.

Взимаемые колонизаторами налоги, облеченные в форму традиционных податей, значительно превышали все прежние платежи населения местным владыкам. Буржуазные авторы в своих трудах обычно подчеркивают огромное число всевозможных податей, якобы существовавших до захвата страны англичанами. Причем разные названия одного и того же налога часто выдаются за самостоятельные налоги. Но, как правило, при этом не указываются размеры этих податей, ибо по сравнению с колониальными поборами они были весьма незначительны.

Более половины всех собранных средств поступало в центральное казначейство в Лагосе и присваивалось английскими колонизаторами. Меньшая часть шла в «туземные» казначейства, созданные в каждой провинции; из этих средств оплачивались местные правители и их аппарат — полиция, судьи, члены советов. Все эти лица, следовательно, в свою очередь были крайне заинтересованы в своевременном и полном сборе налогов с населения.

В северных эмиратах были созданы региональные казначейства («бейт эль-маль»), возглавляемые главным казначеем («мааджи»), при котором состояло 10—15 помощников⁴². С введением налоговой системы на западе и востоке Нигерии здесь также были созданы казначейства по образцу севера. Каждое казначейство имело финансовый комитет, члены которого, как и на севере, назначались соответствующим правителем из состава его совета. Все казначейства отчитывались перед английскими чиновниками, директивы которых они должны были неукоснительно выполнять. «Туземные казначейства — наиболее эффективное и наиболее полезное (с точки зрения колонизаторов. — Ю. З.) звено системы косвенного управления», — отмечал Нивен⁴³.

Итак, в 30-х годах XX в. система косвенного управления, призванная обеспечить закабаление народов Нигерии английскими колонизаторами и местными вождями и феодалами, приобрела свои законченные формы. Принятые в последующие годы в Нигерии новые законы не вносили существенных изменений в ее основные положения. Закон № 43 «О туземных властях» (1933 г.)⁴⁴ повторял основные положения закона 1916 г. Принятый в 1943 г. новый закон о «туземных властях» являлся в свою очередь почти копией закона 1933 г.⁴⁵ По этим законам вождем считалось лицо, признанное в качестве такового губернатором, который определял также состав местных властей и их ранги. Основными обязанностями местных властей по-прежнему были наблюдение за «спокойствием и порядком», а также сбор налогов. «Туземные» правители могли принимать только второстепенные постановления, касающиеся рыночной торговли, ограничения производства спиртных напитков и т. д.

Все изменения сводились лишь к значительному сокращению числа местных правителей. Особенно быстро этот процесс развивался после второй мировой войны. Так, если в 1945 г. в Западной Нигерии было 137 «туземных» правителей, то в 1947 г. — уже только 86, а в 1950 г. — 47.

⁴² С. К. Niven, *How Nigeria is governed*, London, 1958, стр. 125, 130.

⁴³ Там же, стр. 115.

⁴⁴ M. Perham, *Native administration in Nigeria*, London, 1937, стр. 383—393.

⁴⁵ P. J. Harris, *Local government in Southern Nigeria*, Cambridge, 1957, стр. 2—6; W. M. H. Hailey, *Native administration in the British African territories*, ч. III, London, 1951, стр. 11, 12.

В Северной Нигерии их число в 1947—1948 гг. сократилось со 151 до 119, в Восточной Нигерии к 1948 г. осталось 217 «туземных» правителей⁴⁶.

Незначительные нововведения в судебной системе (замена провинциальных судов магистративными, создание Верховного суда протектората и т. д.) не затронули положений, регулирующих деятельность низшей судебной инстанции — «туземных» судов. Изданный в 1933 г. закон № 44 «О туземных судах»⁴⁷ по существу повторял закон 1914 г. Как и раньше, суды считались официально признанными только по утверждению их колониальными властями. Состав судов оставался без изменений. Сохранялась их старая градация. Колониальные чиновники, как и при Лугарде, должны были присутствовать на заседаниях туземных судов и контролировать их решения. Судопроизводство осуществлялось на основании свода законов, принятого еще при Лугарде. Этот свод в течение нескольких десятилетий со дня его принятия оставался почти неизменным. Английский историк Бёрнс отмечал, что и в 1955 г. «законодательство Нигерии все еще включает туземные законы и обычаи, наиболее важную часть которых составляют положения мусульманского права»⁴⁸.

Таким образом, все изменения в местной судебной системе за прошедший период сводились по существу лишь к значительному сокращению числа туземных судов. В одном только районе Восточной Нигерии Абакалики в 1938—1950 гг. оно уменьшилось с 48 до 18. На севере Нигерии в 1950 г. было 642 суда, на востоке в 1947 г. — 551, на западе — 607⁴⁹.

В 1940 г. был издан новый закон, значительно увеличивавший число налогов, взимаемых с населения. «Туземным» властям предписывалось собирать следующие налоги: подушный, подоходный, поземельный (существовавший, например, в эмирате Кану), джангали (на севере и в Камеруне). По указанию губернатора резидент, как и раньше, устанавливал налоговые ставки и в соответствующих случаях фиксировал общую сумму, которую должен был выплатить тот или иной район. Средняя ставка подушного налога в 1946/47 г. составляла на севере Нигерии — 3 шилл. 3 пенса, на западе — 2 шилл. 6 пенсов, на востоке и в колонии Лагос — 1 шилл. 9 пенсов. Она могла увеличиваться в связи с ростом цен и изменяться в зависимости от сельскохозяйственного сезона и района. В том же году в Абеокуте она достигала в определенный период 7 шилл., в Иджебу Ремо — 10 шилл. На востоке в 1951 г. налог колебался в пределах 3—10 шилл. Джангали в Северной Нигерии и Камеруне составлял 2 шилл. 6 пенсов с головы крупного рогатого скота⁵⁰. Колонизаторы продолжали не только собирать налоги руками «туземных правителей», но и создавать у народа иллюзию, что изымаемые у них средства идут только на содержание их традиционных властей. По закону № 4 от 1940 г. все собранные суммы сосредотачивались вначале в туземных казначействах, а «отчисления» колониальным властям, составлявшие к тому времени до $\frac{3}{4}$ всех сборов, отсылались оттуда позднее.

В 1948 г. была принята поправка к «Закону о туземных властях», которая специально касалась деятельности туземных казначейств. Изменения по сравнению с прежним законодательством были незначительные: продолжалось «укрупнение» казначейств и сокращение отчислений в их фонды. В 1949—1950 гг. число казначейств в Западной Нигерии

⁴⁶ W. M. H. Hailey, *Native administration in the British African territories*, ч. III, стр. 50, 113.

⁴⁷ Там же, стр. 14—16, 81—82.

⁴⁸ A. Burns, *History of Nigeria*, London, 1955, стр. 266.

⁴⁹ W. M. H. Hailey, *Native administration in the British African territories*, ч. III, стр. 82, 174.

⁵⁰ Там же, стр. 13, 14, 78, 131, 160, 170.

сократилось до 53, в пров. Калабар (на востоке) — с 28 до 24. В Северной Нигерии в 1950 г. было 60 казначейств⁵¹. Вся деятельность их, как и ранее, строго контролировалась английскими чиновниками.

Таким образом, методы косвенного управления в почти неизменном виде просуществовали в Нигерии вплоть до начала 50-х годов. В стране в этот период уже шел процесс развития товарно-денежных отношений, зарождался капитализм как в городе, так и в деревне. Наряду с этим происходило разложение старых общественных, экономических и политических отношений.

Английские колонизаторы отлично понимали необходимость приспособления прежней системы управления к новым условиям. В 50-х годах был принят ряд новых законов, разрекламированных англичанами как коренная «реформа» системы косвенного управления. 22 мая 1950 г. был издан закон, вводящий так называемую систему местного управления в Восточной Нигерии. 25 февраля 1953 г. аналогичный закон был принят для Западной Нигерии, а в 1954 г. — для Северной. В 1955 г. была принята поправка к этим законам⁵². Этими законами создавались следующие органы местного управления: совет деревни, совет дистрикта, координационные агентства. Официально к ним переходили функции туземных властей, при сохранении, однако, наряду с ними прежних местных правителей. Эти советы должны были «поддерживать порядок и спокойствие», обязаны были «запрещать любые действия или поступки, которые, по мнению совета, могли вызвать беспорядки», «Советы обязаны были контролировать и оплачивать персонал соответствующих туземных судов»⁵³. Резидент осуществлял контроль за деятельностью советов, как ранее контролировал деятельность туземных правителей; позднее он был заменен министром соответствующего района.

«Радикальным» нововведением этой системы колонизаторы считали провозглашение выборности некоторой части членов советов. В Восточной Нигерии члены этих советов избирались, назначались или при определенных обстоятельствах кооптировались. В западном районе советы состояли как из выборных членов, так и из традиционных властей. На севере закон вменял в обязанность эмирам иметь при себе советы и прислушиваться к их рекомендациям. Однако А. Аволово (нынешний лидер оппозиции) отмечал в свое время, что выборы в советы многоступенчатые, результаты их, как правило, фальсифицируются, проводятся они не регулярно, а от случая к случаю, избирательные округа не имеют четких границ. «Однажды избранный член совета считает, что он имеет право на пожизненное занятие своей должности»⁵⁴. Даже буржуазные авторы отмечали взяточничество и финансовые злоупотребления, допускаемые членами этих советов. Коррупция приняла такие размеры, что многие советы пришлось распустить⁵⁵. Кроме того, в ряде районов туземным правителям удалось полностью подчинить советы своему влиянию и превратить их в свое послушное орудие⁵⁶.

Таким образом, отмеченные «нововведения» не изменили основных принципов системы косвенного управления. Английский колониальный чиновник Нивен, прослуживший в Нигерии 20 лет, писал по этому пово-

⁵¹ W. M. H. Hailey, Указ. раб., стр. 71, 125.

⁵² Текст этих законов см. в кн.: Ph. J. Harris, *Local government in Southern Nigeria*, Cambridge, 1957, стр. 141—143; «Nigeria. The political and economic background», Oxford, 1960, стр. 7.

⁵³ N. U. Akpan, *Epitaph to indirect rule*, London, 1956, стр. 72, 85, 183—184, 191; «Nigeria. The political and economic background», Oxford, 1960, стр. 8—11.

⁵⁴ A. Awolowo, *Path to Nigerian freedom*, London, 1946, стр. 80.

⁵⁵ S. A. Aluko, *The problems of selfgovernment*, London, 1953, стр. 55; «Nigeria. The political and economic background», Oxford, 1960, стр. 68.

⁵⁶ N. U. Akpan, *Epitaph to indirect rule*, стр. 122.

ду: «Новая система пришла на смену. Но сама идея опоры на туземные власти осталась прежней, было изменено только ее название. Она стала называться системой местного управления... Некоторые обстоятельства, а именно — место, занимаемое эмирами и оба в современной администрации, — совершенно ясно на это указывают»⁵⁷. Никакая «модернизация» системы косвенного управления не могла спасти колониальный режим в Нигерии, народ которой поднялся на борьбу за независимость, против угнетателей и сумел отстоять свою свободу.

* * *

1 октября 1960 г. страна получила статус доминиона. Верховная власть сохранилась за английской королевой, но пост генерал-губернатора теперь занимает не англичанин, а нигериец. В настоящее время на этом посту находится известный политический деятель Ннамди Азикве. Губернаторами трех районов страны, объединенной на началах федерации, также являются нигерийцы.

Перед народами Нигерии стоит большая проблема — освободиться от «наследства» колонизаторов. Прогрессивные лидеры страны требуют ликвидировать пережитки косвенного управления, в частности «создать прогрессивную налоговую систему, установить обязательную выборность всех органов власти, особенно на местах, и обеспечить право женщин на участие в выборах»⁵⁸.

Нынешнее правительство Нигерии стремится разрешить некоторые неотложные задачи. В апреле 1961 г. обнародованы новые ставки единого подоходного налога⁵⁹. По конституции независимой Нигерии предусматривается выборность всех органов власти как в центре, так и на местах⁶⁰.

Однако Нигерии предстоит еще очень многое сделать, чтобы избавиться от пережитков колониализма, являющихся тормозом на пути к обеспечению подлинной независимости.

Местные правители всех рангов (от эмиров до мелких вождей), в свое время прошедшие выучку у английских колонизаторов, продолжают занимать прочные позиции и в независимой Нигерии. Они вошли в состав центральных и региональных правительств и все еще возглавляют туземную администрацию на местах, которая сохранила не только старое название, но и прежнюю структуру. При этом преобладает тенденция постепенного введения в созданные в каждом районе «региональные правительства как старых традиционных, так и недавно поставленных и признанных туземных властей»⁶¹.

В стране по настоянию феодалов оставлено старое административное деление⁶². На севере прочно сохраняются старые границы эмиратов, во многих случаях совпадающие с административным делением. Так, эмират Зария занимает около 80% территории одноименной провинции. Эмиры чувствуют себя по-прежнему полными хозяевами в своих феодальных вотчинах, где царит произвол, сохранилась полигамия, женщины владычат жизнь затворниц, не посещают школ, лишены права голоса.

Ахмаду Белло вынужден был призвать эмиров и вождей умерить свои беззакония и перестать нерадиво относиться к исполнению своих обязанностей. Премьер-министр Северного района пригрозил даже сместить их с занимаемых должностей.

⁵⁷ C. K. Niven, *How Nigeria is governed*, London, 1958, стр. 2, 105.

⁵⁸ «West Africa», 18 февраля 1961, стр. 174.

⁵⁹ «West Africa», 27 августа 1960, стр. 965; «Nigeria year-book», 1961, Lagos, стр. 31.

⁶⁰ Конституцию независимой Нигерии см. «Statutory instrument. 1960», pt II, London, 1961, стр. 2381—2567.

⁶¹ «The South Atlantic quarterly», т. LX, 1961, № 1, стр. 6.

⁶² «Report by the Nigeria constitutional conference held in London in May and June 1957», London, 1957, стр. 15.

Правящая партия Северной Нигерии, как в свое время и колониальные власти, оказывает всяческое покровительство и поддержку этим феодальным князьям. Так, в 1961 г. ассигнования местным органам власти на севере страны были увеличены по сравнению с 1960 г. на 8% и составили 12 млн. ф. ст., тогда как на здравоохранение было выделено всего 2,5 млн. ф. ст.⁶³

Сами лидеры политических партий Нигерии в числе основных обвинений, бросаемых друг другу во время избирательных кампаний, упоминают, например, выдвижение северных эмиров на центральную арену политической жизни, использование вождей и местных судов для оказания нажима на население.

И действительно, несмотря на реформу судебной системы, на севере Нигерии сохранилось 756 судов алькали. На их долю все еще приходится более 95% всех судебных дел. «Туземные законы и обычаи, особенно мусульманские, по-прежнему играют важнейшую роль в судопроизводстве», — отмечал журнал «West Africa»⁶⁴.

Эмиры и вожди продолжают оказывать влияние на решения туземных судов. Прогрессивно настроенных людей осуждают и заключают в тюрьмы⁶⁵.

Последнее время в стране ширится кампания за проведение демократических преобразований, против засилья феодалов и вождей, которые ранее всячески тормозили получение страной независимости, а в настоящее время способствуют сохранению прочных позиций англичан в стране. В частности, большинство их выступает за оставление Нигерии в рамках Британского содружества наций, за военные пакты с Великобританией, против провозглашения республики⁶⁶.

Несомненно, что нигерийский народ, сбросивший колониальное иго со всеми его хитроумными системами угнетения, сметет ставленников британского империализма и пойдет по пути действительной свободы и независимости.

SUMMARY

Considered in the article is the system of the so-called indirect rule applied by the British colonial administration in Nigeria and in other British colonies in Africa. Under this system, use was made of traditional local institutes and the authority of the local leaders in order to consolidate British rule in the colony and disguise the exploitation of the indigenous population by British imperialism. Having preserved and to a certain degree stabilized the authority exercised by the indigenous leaders over the population, the British colonialists also succeeded in making them the obedient executors of their will. The social group of traditional tribal leaders in Nigeria is still quite potent, and continues to be the mainstay and the bearer of the influence of British imperialists. With the achievement of genuine independence, the governments of the new African states have been confronted with the problem of eliminating all remnants and survivals of colonialism.

⁶³ «West Africa», 18 марта 1961, стр. 283.

⁶⁴ «West Africa», 11 февраля 1961, стр. 153; «West Africa», 6 августа 1960, стр. 875; «West Africa», 24 сентября 1961.

⁶⁵ «West Africa», 6 мая 1961, стр. 479; «West Africa», 18 февраля 1961, стр. 174.

⁶⁶ «Parliamentary debates», т. 514, стр. 1160—1162; «The Times», 5 июня 1958; «West Africa», 28 октября 1961.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. П. СНЕСАРЕВ

«ПАЧИЗ»

*(Об одном этнографическом памятнике древних
индо-хорезмийских связей)*

Полевые этнографические исследования в Хорезме и некоторых районах центрального Узбекистана, осуществленные автором настоящего сообщения в последние годы, дали возможность наряду с основными темами исследования, посвященными истории духовной культуры, затронуть ряд вопросов прежней социальной жизни населения этих мест, собрать, в частности, материал о весьма интересном в историко-этнографическом отношении институте, до настоящего времени, к сожалению, еще слабо отраженном в этнографической литературе. Речь идет о традиционных мужских товариществах с их своеобразной внутренней жизнью, любопытным самоуправлением, с выработанным веками неписаным уставом и строгим контролем за соблюдением правил поведения. Товарищества эти имеют многие локальные особенности, но едины в своей генетической связи с мужскими союзами первобытности.

Не касаясь в данном кратком сообщении всей проблемы в целом, чему посвящена специальная работа, подготовленная автором, обратим внимание лишь на одну деталь периодических собраний мужских товариществ (известных в Хорезме под названием «зиёфат»), которая нам представляется небезынтересной в плане реконструкции культурных связей древнего населения Средней Азии с его ближайшими соседями.

Уточняя порядок проведения зиёфатов, выясняя различные виды развлечений собравшихся, автор познакомился с одной народной игрой, именуемой «пачиз», которая сразу привлекла внимание некоторыми присущими ей особенностями.

Прежде всего игра эта, родственная нарду¹, тесно связана с молодежными подразделениями мужских товариществ и является непременной составной частью зиёфатов. Вне последних в обычном быту она не имеет распространения.

Пачиз представляет собой чисто локальное явление, ограниченное рамками Хорезма; попытки обнаружить его в других местах Средней Азии пока не увенчались успехом. Это, естественно, вызывает интерес

¹ Нард — игра, широко распространенная на Востоке; имеет игровое поле, пешки и кости для определения очков

к вопросу о происхождении данной игры. Обращает на себя внимание прежде всего связанная с игрой терминология, весьма далекая узбекскому и вообще тюркским языкам; ряд терминов не находит аналогий и в персидском языке. Оригинальны и необычны в условиях Средней Азии некоторые чисто технические черты «пачиза»; так, игральными костями служат не известные всем кубики с обозначением очков на их сторонах и не широко распространенные в Средней Азии астрогалы, а соответствующим образом обработанные раковины каури. И, наконец, особенное своеобразие игре придает та конечная цель, ради которой азартные игроки часами проводят время за пачизом; о характере и значении этой цели, ввиду важности вопроса, мы подробно скажем ниже.

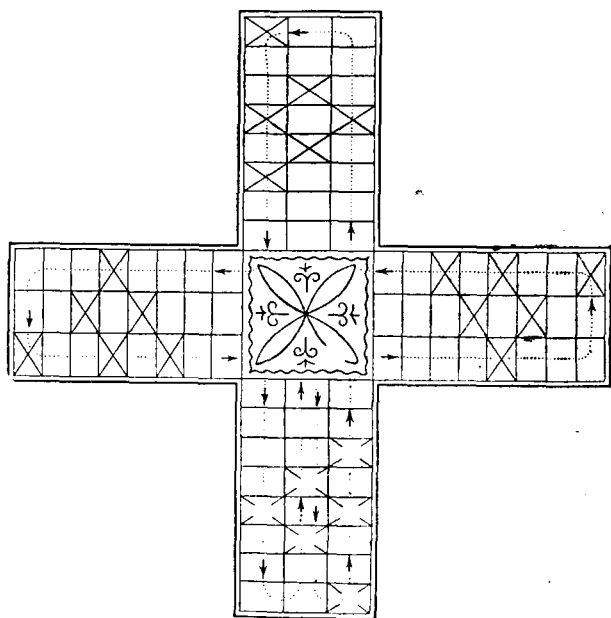

Рис. 1. «Пачиз»; чертеж игровой доски

Сама по себе игра не отличается большой сложностью. Ее игровое поле состоит из 96 клеток, сгруппированных таким образом, что в целом образуется фигура крестообразной формы (рис. 1). По клеткам передвигаются пешки, называемые «от» (конь). Их по четыре у каждого игрока, и все они равнозначны. Каждая пешка, после выхода из центра поля, именуемого «талак», должна обойти по периметру все поле игры и снова вернуться в центр. Каждый ход определяется количеством очков, выпавших при очередном броске семи игровых «костей» — раковин. В процессе передвижения по игровому полю пешка может быть убита противником и в этом случае должна начинать свой путь из «талака» заново. Выигрывает тот, кто первый привел все четыре пешки в центр поля.

Не касаясь многих мелких правил игры, обратим внимание на те ее особенности, которые помогут нам решить вопрос о происхождении пачиза. Остановимся прежде всего на способе определения очков и на связанных с этим терминах.

Игральные кости — раковины каури (рис. 2), носящие в Хорезме название «илон баш» (т. е. змеиня голова), либо покупались в уже обработанном для игры виде у базарных торговцев мелочью, либо сами игроки придавали им необходимый вид и вес: спинки раковин спилива-

лись, края тщательно выравнивались, после чего через образовавшееся овальное отверстие раковины заливались свинцом или медью. Металл в раковине закрепляли воском (мум).

После этого раковина становилась достаточно тяжелой для броска и получала надлежащую форму: могла падать либо одной, либо другой своей стороной. Сторона с естественной щелью называлась «пикка», обратная, залитая воском — «чикка».

То или иное сочетание «пикка» и «чикка» семи раковин определяло количество очков. Таких сочетаний было 8 и каждое имело особое

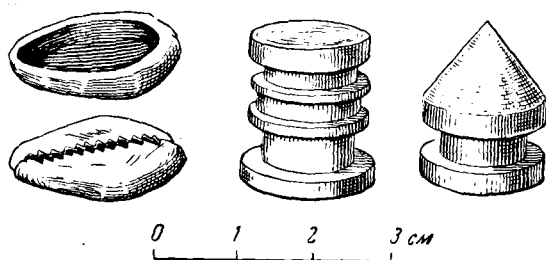

Рис. 2. Игральные кости пачиза — раковины-каури и пешки

название: 6 очков «чакка», 10 — «даст», 2 — «ду», 3 — «се», 4 — «чор», 25 — «пачиз», 30 — «пачоз», 12 — «бора».

Единицы в сочетаниях «пикка» и «чикка» не было, однако в игре она существовала (точнее подразумевалась) под названием «хал». «Хал» играл двоякую роль: во-первых, давал право на первый выход пешки на игровое поле и на повторный бросок костей; «халом» обладали следующие сочетания: «даст», «пачиз» и «пачоз». Во-вторых, «хал» являлся непосредственно очком и, будучи прибавлен к указанным сочетаниям, давал лишний ход пешке.

Игровое поле пачиза — «пачиз дастурхони» (скатерть пачиза) — вышивалось на материале, обычно бархате черного или синего цвета; соответственно этому подбирался цвет ниток (рис. 3). Вышивали его женщины или мужчины специалисты-ремесленники (пүстиндузы — скорняки, позднее — машиначи — портные). Материал вырезался по контуру поля, с обратной стороны была подкладка. Вне игры дастурхон складывался, «крылья» его сгибались, пешки помещались в особом карманчике в центре дастурхона.

Вышивкой выделялись некоторые, имевшие особое значение, клетки игрового поля: «чира-хона», «пачиз-хона», «пачоз-хона» и др.²

Однако интерес представляют не правила игры, а главным образом сам ритуал ее.

На мужских собраниях в пачиз начинают играть только в определенное время, а именно — после первой перемены в традиционной трапезе, после чая, с которого начинается угощение. Для начала игры испрашивают разрешения «агабия» — избранного руководителя данного мужского товарищества³.

² Вообще для каждого сочетания в начале игры имела своя клетка: «ду-хона», «се-хона» и т. д., но не все они выделялись вышивкой.

³ О хорезмских зэфатах и их руководителях см. Г. П. Снесарев, Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма, «Материалы Хорезмской экспедиции», М., 1960, в. 4, стр. 140—141.

Игра происходит в комнате, где проводится зиёфат, в присутствии всех собравшихся. Играют два или четыре человека (сторона на сторону)⁴. Дастурхон расстилается на ковре, кости обычно бросают на «кийгиз» (кошму). Начинает игру тот игрок, который сидит в правой (уңг) половине и ближе ко входу. Кости бросают все четверо поочередно, однако передвигает пешки с каждой стороны лишь один игрок, считающийся старшим.

Играют с азартом, высоко подбрасывая кости, с громкими восклицаниями, пожеланиями удачи. Страсти особенно разгораются под конец партии, когда игроков окружают зрители, принимающие самое живое участие в игре.

Насколько пачиз увлекал молодежь, можно судить по рассказу гурленского информатора С. В. доме его отца постоянно жило несколько молодых батраков, устраивавших свои зиёфаты в предназначенной им для жилья «худжре» (комнате) и все свободное время отчаянно сражавшихся в пачиз. «Каждую весну, когда кончался сезон зиёфатов, в худжре приходилось класть новую кошму, так как от старой оставались одни дыры: игроки бесчисленное количество раз бросали на кошму кости и, сгребая их, портили ее, превращая в настоящую рухлядь»⁵.

Некоторые броски костей и выпавшие сочетания их сопровождались особыми церемониями. Так, выбросивший чакка (6 очков) обязан был по традиции прильнуть щекой к полу, в то время как противник с силой бил его. Если побитый после чакка выбрасывал сочетание с халом, он отвечал своему сопернику тем же.

После знакомства с игрой возникает вопрос: чем же вызывается этот азарт, который сопровождает пачиз, это волнение и играющих и зрителей? Ведь по сути дела игра эта, при крайне ограниченных возможностях комбинирования, весьма скучна. Тут мы подходим к вопросу, являющемуся, на наш взгляд, ключевым, — вопросу о цели игры. Излагая дальнейшие факты, мы попытаемся критически их осмыслить, чтобы ответить на три основных вопроса, стоящих перед нами: к каким периодам истории общества восходят корни пачиза, где его родина и что можно сказать об истории игры в Хорезме.

Согласно старинной легенде, изложенной в «Книге игр» — рукописи кастильского короля Альфонса (XIII в.), хранящейся в Эскуриале, три индийских мудреца принесли людям шахматы — игру разума, кости — игру удачи и нарды, соединяющий в себе оба эти принципа⁶.

Какое же из этих начал заложено в пачизе?

Несомненно, он относится к разряду нардов, однако имеется одно существенное обстоятельство, отличающее пачиз от нарда, причем оно

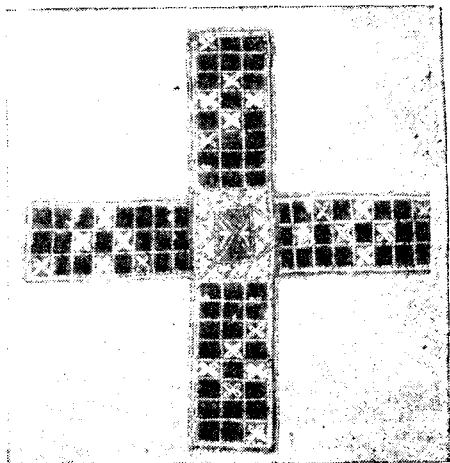

Рис. 3. «Пачиз дастурхон», Хива; из собраний Хивинского музея

⁴ Возможно, имелись варианты игры, при которых четыре человека играли самостоятельно, так как для этого приспособлено каждое «крыло» игрового поля.

⁵ Послевоенные записи автора, 1961 г.; информатору мы обязаны знакомством с правилами игры и обычаями, ее сопровождающими.

⁶ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Шатранг, Гос. Эрмитаж, Л., 1936, стр. 85—86.

касается не технической стороны обеих игр (которые, кстати, сильно разнятся), а затрагивает самые принципы игры.

В пачиз, во всяком случае в Хорезме, в отличие от игры в кости и нарда никогда не играли на деньги или иные ценности. Более того, последнее было строго запрещено и каралось неписаным уставом мужских товариществ. Эта традиция сохранилась до самого последнего времени. Наши хорезмские информаторы говорили, что и картежную игру на деньги (кстати сказать, весьма позднее явление) старались держать в тайне от «агабия» и товарищества в целом, прячась в разрушенных домах, уходя за границы поселка и т. д., так как зачастую по отношению к провинившимся применялась крайняя мера — исключение их из товарищества.

В пачиз играют не ради сложных стратегических комбинаций, дающих пищу уму, как в шахматы, и не ради материального интереса, как в бездумные кости. В него играют ради того, чтобы, образно выражаясь, поставить противника на колени, сделать его слепым орудием в руках выигравшего, так как традиция игры отдает неудачника в полное распоряжение победителя. В этом — дух игры, ее основное зерно. И именно этого момента ждут и игроки, и возбужденные болельщики. Эта конечная цель игры и связанные с нею разнообразнейшие способы наказания проигравшего позволяют нам заглянуть в далекое прошлое этой ритуальной мужской игры, происхождение которой, как и большинства народных игр и развлечений, связано с социальными отношениями прошлого, верованиями, культом.

Когда узбеки-найманы, живущие в предгорьях к юго-западу от Самарканда, еще недавние полукошечники, предаются зимним развлечениям и по своим возрастным группам, не исключая и почтенных отцов семейств, играют в «чиркас» — делятся на два «войска», возглавляемые «беками», осаждают «крепость», стараясь захватить «пленных», они по существу воспроизводят то, что еще сравнительно недавно, в условиях Бухарского ханства с его племенными усобицами было полной реальностью⁷.

Межродовая борьба, как это доказывается многими реликтами, лежит в основе таких увлекательных состязаний, ставших неременной частью «тамоша» (зрелища) на тоях, как козлодрание и байга. Есть прямые свидетельства тому, что бои баранов, которыми сейчас в Хорезме развлекаются гости на тоях, служили в древности способом определения будущего урожая⁸.

При внимательном рассмотрении театрализованных действий горных таджиков, происходящих на свадьбах и обрезаниях (связь которых с инициациями не вызывает сомнения), в них прослеживается древнейший пласт первобытно-тотемистических верований и обрядов. Даже безобидное качание на качелях во время весенних «сейлей» у народов Средней Азии, как впрочем и у многих других, связано с пережитками магической практики. И в детских играх и в сопровождающем их фольклоре можно обнаружить чрезвычайно интересные действия и выражения, давно потерявшие свой первоначальный смысл.

Чтобы понять, какое рациональное начало было связано с пачизом в эпоху его зарождения и оформления, следует более подробно остановиться на том комплексе штрафов и наказаний, которым в конце игры подвергались проигравшие.

Виды наказаний при игре в пачиз весьма разнообразны. (Мы смело можем применить слово «наказание», ибо именно так следует рассматривать то, чему подвергается неудачливый игрок.)

⁷ Полевые записи автора в Среднеазиатской этнографической экспедиции 1960 г.

⁸ И. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 296.

Наименее оригинален и, видимо, поздний по времени — штраф в виде внеочередного угощения всех участников товарищества. Однако на последнее обстоятельство следует обратить внимание, так как по существу жертву игры наказывает весь коллектив. И во многих других случаях победитель выступает лишь как представитель товарищества. Имеются, правда, скудные свидетельства тому, что в старину наказание проигравшему назначалось агабием — главой товарищества мужчин.

Нет возможности описывать все наказания, применяемые при игре: традиция и фантазия создали бесконечное количество «изза», как в Хорезме называют подобные штрафы («изза» — чувство стыда, смущения). Перечислим лишь некоторые из них.

«Эшак». Проигравший имитирует ишака, становясь на четвереньки. Он обязан возить на спине окружающих; его бьют, а победитель всячески поносит «животное» и издевается над ним.

«Маймун». Проигравший изображает обезьяну, которую бьют, заставляя танцевать.

«Девона». Проигравшему мажут лицо сажей, на шею вешают «турва» (мешок), в руки дают «хасса» (посох) и победитель водит его по другим зидфатам (!), заставляя просить милостыню.

«Каптар». Над головой проигравшего бьют в ладоши, изображая взмахи крыльев птиц; удары приходится по голове жертвы.

«Сартараш». Победитель копирует действия парикмахера, при этом болевые воздействия («намыливание» головы проигравшего) здесь сочетаются со стремлением вызвать «изза», чувство стыда в полном смысле (мы не входим в подробности некоторых шепетильных моментов этой экзекуции).

«Кўчкор уруш». Двух проигравших заставляют изображать бой баранов: ставя на четвереньки, сталкивают их лбами, поощряя к «бою» ударами в спину.

«Арава». Проигравшего впрягают в настоящую арбу и заставляют возить ее по двору.

Уже при этих перечисленных нами видах наказаний (в которых немалую роль играет причинение жертве физической боли) проигравший обязан проявить много терпения, выдержки и простой выносливости, чтобы показать себя настоящим мужчиной. Однако штрафы при игре в пачиз не всегда носили такой сравнительно безобидный характер. Были штрафы — подлинные испытания мужества, воли и физической силы участника мужского товарищества. Некоторые из них поражают своей универсальностью: они широко распространены и вне игры в пачиз, как обычный способ наказания провинившихся членов товарищества; при этом ареал их применения весьма обширен — мы находим их и у хорезмских узбеков, и у населения горного Таджикистана, и в целом ряде других мест. К таким наказаниям, например, относится испытание холодом, применяемое в Хорезме и к жертвам пачиза. Потерпевшего поражение в игре связывали по ногам и рукам, прикрепляли его к «занги» (лестнице, употребляемой в Хорезме для переноски трупов) и выставляли в таком виде на двор на всю зимнюю ночь. Информатор Рахимов Баба (Куния-Ургенч), рассказывая о подобных способах наказания игроков в пачиз, немало не преувеличивает (чему можно вполне верить), подчеркивая, что в старину болезнь и даже смерть нередко сопровождали подобные расправы с неудачниками.

Иногда испытания физической выносливости сочетались с воздействием на психику наказуемого. Зафиксированы случаи (например, в Шаватском районе в сел. Хураз-ишан и других местах), когда юношу, проигравшего в пачиз, клали связанного в «табут» (ящик на носилках

для переноски покойников) и оставляли на ночь на кладбище⁹. Ходячим стал мотив рассказа об участнике зиёфата, который, проиграв в пачиз, вынужден был ночью на кладбище вонзить нож в землю могильного холма. При этом он случайно пригвоздил к земле полу своего халата и умер от страха.

К подобным же варварским способам наказаний относится подвешивание проигравших и копчение их в дыму очага, зафиксированные нами в Хивинском районе. Здесь проигравшего в пачиз подвешивали на крюке, вбитом в стену комнаты, иногда головою вниз, или, как сообщил нам информатор С. Ибрагимов, привязывали к толстой веревке, переброшенной через бревно, лежащее поперек «дуннук» (дымового отверстия в потолке), подтягивали его вверх и оставляли в таком виде коптиться в дыму сырых дров, специально брошенных с этой целью в очаг.

Красочные описания подобных экзекуций, совершавшихся над молодыми участниками товариществ, невольно вызывают по аналогии хорошо знакомые этнографам картины юношеских инициаций у австралийцев (поджаривание на костре), у индейцев (подвешивание и истязание юношей) и др. Подобные аналогии, по нашему глубокому убеждению, вполне закономерны. Вся система воспитания молодежи в среднеазиатских мужских товариществах с традиционными состязаниями в борьбе, беге, козлодраниях, с военизированными выездами мужских молодежных объединений на «сейли» (празднества), со сложным и в ряде моментов весьма архаичным комплексом наказаний и штрафов провинившихся — все это служило определенной цели: воспитанию зрелого мужчины, закаленного охотника и воина, а в условиях Средней Азии также ловкого наездника-пастуха, и генетически восходит к возрастным инициациям первобытного общества. Составной частью этой системы были штрафы и наказания, применяемые и при игре в пачиз, этой своего рода ритуальной игре мужчин, тесно связанной с их возрастными объединениями, восходящими к мужским союзам¹⁰. И в этом следует искать наиболее глубокие корни пачиза. Все позднейшие модернизации системы наказаний, превращавшие их в шутку, в забаву, не могут скрыть от нас этой их древней основы.

Итак, пачиз и сопровождающие его обычаи не служат только способом проведения досуга, он как бы является органической деталью мужских товариществ и их собраний; он так же необходим и слит с ними, как и всякого рода народно-спортивные состязания молодежи, и так же как и они имеет рационалистическое обоснование в отдаленном прошлом жизни общества.

Значительно проще ответить на второй поставленный нами вопрос — где родина пачиза?

Анализ фактического материала в этом плане заставляет нас обратиться к той древней и вечно юной стране, где пачиз хорошо известен и живет и поныне. Мы имеем в виду Индию. Здесь пачиз знают повсюду, хотя имеются локальные особенности и в способах игры и в терминологии (так, в разных местах варьирует название игры — «пачиси», «чаусер», «тйам») ¹¹.

⁹ Обратим внимание на то, что здесь прослеживается мотив смерти и нового рождения, хорошо известный в практике первобытных инициаций.

¹⁰ Следует отметить, что люди старших возрастов в пачиз не играют, объясняя это тем, что в этом возрасте неудобно подвергать себя насмешкам и различным экзекуциям. Последнее объяснение еще раз доказывает наличие тесной связи системы штрафов и наказаний с теми возрастными классами, которые находятся еще в сфере возрастных инициаций.

¹¹ Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность Н. Р. Гусевой, обратившей наше внимание на индийскую терминологию пачиза и оказавшую большую помощь при выяснении его индийских корней, а также индийцам, проживающим в Москве — гг. Бхисхам Сахни и Соме Сундарам, которые дали интересные сведения о распространении пачиза в Индии и помогли восстановить индийскую основу терминологии пачиза.

Ярким свидетельством индийского происхождения игры служит ее терминология, почти полностью сохранившая в хорезмском варианте в тюркоязычной среде свою древнюю основу.

Приведем сравнительную таблицу названий очков в хорезмском пачизе и на языке хинди:

Очки	Хорезмский термин	На языке хинди	Очки	Хорезмский термин	На языке хинди
2	ду	до	10	даст	дас
3	се	ти	12	бора	барах
4	чор	чър	25	пачиз	пачис
6	чакка	чха	30	пачоз	тис

В терминах, обозначающих игральные очки, мы видим, таким образом, почти полное совпадение. Исключение составляет лишь хорезмийский термин «пачоз», соответствующий 30 очкам, который в языке хинди означает числительное 50. Очевидно, в Хорезме произошло его переосмысление; сохранение здесь самого термина «пачоз», возможно, связано с наличием каких-либо вариантов игры.

Производное от числительного «чха», равного шести, в языке хинди звучит «чхаккă», означает «шестерка» и применяется в разных играх.

Особо важное значение в игре имеет, как мы видели (см. стр. 84), термин «хал». Вполне естественно, что он, как и название самой игры («пачиз» — «пачис»), прочно удержал свою индийскую основу: это именно «хал», восходящее к «хал» языка хинди (разрешение, развязывание), что полностью соответствует смыслу применения этого термина в игре.

«Чира-хона» — термин, применяемый в Хорезме по отношению к той клетке, в которой пешка находится в безопасности — это «чира-хăнă» языка хинди, буквально означающего игровую клетку, зачеркнутую крестом, что полностью соответствует ее изображению и в хорезмском и в индийском пачизе. В пенджабском варианте игры известен термин «букди-хона», применяемый и в пачизе.

Оставим пока открытым вопрос о происхождении терминов «пикка» и «чикка», применяемых к сторонам игровой раковины¹². Однако напомним, что в тамильском языке существует термин «паккам», обозначающий положение, при котором вещь, предмет падает к земле «спиной».

Чтобы закончить вопрос о терминологии пачиза, укажем, что игральные пешки, которые в Пенджабе делают из дерева и окрашивают в разные цвета, носят там название «гот». Весьма созвучное этому хорезмийское «от», примененное к пешкам и переводимое здесь как «конь» (узб. «от» — конь, лошадь), на наш взгляд, также восходит к индийскому термину¹³.

Серьезным подтверждением индийского происхождения игры является использование в качестве игровых костей раковин, необычное в Средней Азии. Раковины в качестве мелкой монеты, украшений известны здесь с глубочайшей древности. До последнего времени «илон

¹² Созвучные термины (шукка, чукка, шук, чук и др.) широко распространены при различных играх у народов Средней Азии.

¹³ Трудно предположить, что в хорезмском пачизе этот термин по каким-то причинам был воспринят из шатранга (шахмат).

баши» употребляются населением как обереги: пришиваются к тюбетейкам, к одежде, прикрепляются к амулетам («туморам») и т. д. Однако применение их в качестве игральных костей — здесь исключительное явление.

Иное дело в Индии. Здесь каури — игральные кости известны очень давно. Сошлемся хотя бы на «Артхашастру», датируемую европейскими учеными началом нашей эры, а индийскими учеными — IV—III вв. до н. э.¹⁴ В ее третьем отделе «О судопроизводстве» мы читаем: «Надзиратели же должны быть честными и давать игрокам (необходимые для игры) раковины и кости»¹⁵. И далее: «Если подкладываются другие раковины и кости, то за это следует штраф в 12 пана»¹⁶. В четвертом отделе «Об устранении препятствий» говорится: «Если кто-нибудь (при игре в кости) мошенничает посредством подложных раковин..., то ему отрубается одна рука»¹⁷.

В этой связи обратим внимание на одно обстоятельство. В текстах «Артхашастры» говорится о подложных раковинах. Подложными, на наш взгляд, могли считаться те раковины, которые по своему весу не соответствовали норме. Отсюда напрашивается предположение, что раковины, употреблявшиеся для игры в древней Индии, проходили предварительную обработку и достигали определенного стандарта. Не следует ли думать, что и сам способ заливки раковин металлом при хорезмском варианте пачиза принесен был из Индии?

Совпадение отдельных элементов индийского и хорезмского пачиза можно проследить даже в технических деталях игры. На рис. 4 воспроизведена игральная доска из Южной Индии (хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде)¹⁸.

В нижней части доски мы видим ту же крестообразную фигуру игрового поля (а), которая хорошо знакома по хорезмскому пачизу, причем сходство проявляется даже в способе выделения особо важных клеток («чир-а-хона», «пачиз-хона», пачоз-хона»). В Хорезме игровое поле пачиза всегда вышивалось на ткани. Игровое поле на ткани известно и в Пенджабе. Нам кажется, что эта особенность хорезмского пачиза, если учесть распространение его в этнической среде (хорезмские узбеки), для которой вышивание, за малыми исключениями, не было характерно вообще, говорит о глубокой традиции, подтверждающей индийское происхождение пачиза.

¹⁴ «Артхашастра или Наука политики», пер. с санскрита, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.

¹⁵ Там же, стр. 216.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 248.

¹⁸ №-2984. 109; Из коллекций Мерварт (1914—1918 гг.). Приношу благодарность М. К. Кудрявцеву, обратившему мое внимание на этот экспонат.

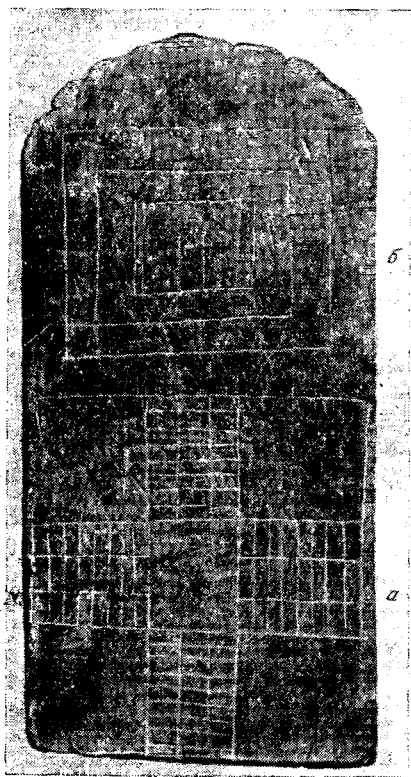

Рис. 4. Игральная доска из Южной Индии. Внизу (а) игровое поле пачиза;верху (б) игровое поле индийской игры «каттам»

Трудно пока ответить на последний вопрос — когда и при каких условиях пачиз проник на территорию Хорезма? По этому поводу последнее слово — за археологической наукой. Именно археологические находки в Хорезме позволяют высказать некоторые сугубо предварительные соображения по этому вопросу.

Среди многочисленных находок раковин в материалах, собранных Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, наряду с обычными раковинами, употреблявшимися в качестве бус, подвесков и т. п., обнаружены такие их экземпляры, которые привлекают внимание необычной формой искусственного отверстия: на месте спиленной спинки раковины имеются овальные отверстия, слишком большие по сравнению со всей площадью раковины и явно не предназначенные для нанизывания ее на нить (рис. 5).

Сравнение подобных раковин с «илон баш», используемыми в пачизе, дает полную идентичность искусственного отверстия, которое в этнографических объектах служит для заливки раковины металлом, как об этом уже говорилось.

Есть основание полагать, что и имеющиеся в археологическом материале раковины с подобной формой искусственного отверстия служили игральными костями; отсутствие в них следов металла может быть объяснено тем, что время и природные условия не сохранили воск или другое вещество, закреплявшее металл в раковине, как мы это видим в игральные кости пачиза.

Раковины с овальными отверстиями в довольно значительном количестве были найдены в материалах с поселений хорезмшахского времени. Если принять в качестве рабочей гипотезы, что эти раковины служили игральными костями пачиза, то последний, следовательно, был известен в Хорезме уже в X—XIII вв. н. э. Однако есть основание значительно углубить эту датировку. Раковины с подобными отверстиями были обнаружены также в археологическом материале античного Хорезма¹⁹. Это позволяет высказать предположение, что индийская игра с использованием раковин появилась в Хорезме еще в античный период, когда с конца I в. н. э. Хорезм сделался составной частью «индийско-среднеазиатской империи кушанов и испытал за это время мощное культурное влияние Индии»²⁰.

Анализируя скульптуру и живопись дворца Топрак-кала, хорезмскую терракоту, краниологический материал, С. П. Толстов находит все новые и новые подтверждения этому влиянию, обращая особое внимание в связи с этим на роль, которую в жизни Хорезма того времени играла «группа военных колонистов» индийского происхождения,

Рис. 5. Раковины с большим овальным отверстием из археологических находок Хорезмской экспедиции; справа для сравнения — раковины с искусственными отверстиями, предназначенные для нанизывания

¹⁹ Необходимо отметить весьма важное для нас обстоятельство: в археологическом материале Хорезма до эпохи античности подобные раковины не были обнаружены. Но вообще раковины-каури подобного вида могли попадать в Среднюю Азию уже очень рано, так как они издревле употреблялись в Индии в качестве игровых костей.

²⁰ С. П. Толстов, Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «Эры Шака» и «Эры Канишки», «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 67.

т. е. та среда, которая позднее, в середине III в. н. э., по мысли С. П. Толстова, послужила базой для создания особой индо-хорезмийской династии²¹.

Мы видим, что условия для проникновения из Индии в Хорезм пачиза — мужской ритуальной игры — в данный период были весьма благоприятными. Нет сомнения, что и в древней Индии подобные игры были тесно связаны с мужскими объединениями. Г. Шурц, основываясь на древнеиндийских письменных источниках, сообщает о так называемых сабха — мужских собраниях, на которых «происходили попойки и игра в кости, горячившая кровь играющих»²². Г. Шурц не говорит, что это за игра, каковы были игральные кости, однако нам важен уже сам по себе факт подобной связи игр с традиционными сборищами — «сабха», на которые Шурц неоднократно обращает внимание как на дериват первобытных мужских союзов на индийской почве²³.

Можно предположить, что уже в Хорезм пачиз пришел как ритуальная игра мужчин и принесен он был теми «военными колонистами», о которых в своей работе упоминает С. П. Толстов. На хорезмской почве эта игра была воспринята местными мужскими объединениями, проникла в комплексы их локальных традиций, закрепились в них и донесена была до нашего времени.

Остается загадкой — почему пачиз, при условии, что он был распространен и в других местах Средней Азии, не оставил там никаких следов? Если таковые обнаружены не будут, останется предположить, что либо он в силу каких-то особых причин был из Индии принесен только в Хорезм, либо объяснить исчезновение его, например, в центральном Узбекистане, влиянием ортодоксального ислама, подобно тому как последний изгнал здесь из жизни народа нарда и кости²⁴. В Хорезме же, судя по этнографическим материалам, домусульманские элементы в обычаях и, особенно, в верованиях и культе более отчетливо сохранились, чем в других местах Средней Азии.

В заключение мы хотим еще раз обратить внимание читателей на воспроизведенную на рис. 4 игральную доску, привезенную из Южной Индии. В верхней ее половине, над чертежом пачиза, изображено игровое поле другой индийской игры, известной на юге Индии под названием «каттам» (б). Лица, хорошо знакомые с бытом туркменского народа, сразу узнают в данном чертеже игровое поле «дуздум» — игры, широко распространенной в Туркмении²⁵.

Видимо, пачиз не одинок; не только он (если не считать нарда и шахмат) был принесен в Среднюю Азию в результате прочных культурных связей ее народов с народами, населяющими Индостан. В плане нашей гипотезы о времени появления пачиза в Хорезме заслуживает внимания то обстоятельство, что «дуздум» распространен преимущественно на территории туркмен-текинцев, т. е. в оазисах древней оседлой культуры, некогда входивших, как и Хорезм, в Великую империю кушанов²⁶.

²¹ Там же, стр. 57, 65 и далее.

²² Г. Шурц, История первобытной культуры, т. I, М., 1923, стр. 132.

²³ H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, Berlin, 1902, стр. 282—283.

²⁴ И. Орбели и К. Тревер, Указ. раб., стр. 121—122.

²⁵ Приношу благодарность К. Ниязкычеву, давшему интересные сведения об игре «дуздум».

²⁶ О том, что «дуздум» давно бытует на территории Туркмении, имеются подтверждения археологии. Археологами Туркмении на городище Геок-тепе Марыйской области в слоях XI—XII вв. был найден фрагмент обожженного кирпича с чертежом игрового поля «дуздум». (См. заметку К. Адыкова «Находка археолога подтверждает», газ. «Туркменская искра» от 1 марта 1960 г.).

SUMMARY

The men's game «pachiz», which is similar to nard, was widely known among the still surviving male alliances which derive genetically from those of primitive society, with their periodic assemblages known as «ziyefats». The system of tests and fines for the youth, which are a characteristic feature of pachiz, resemble the old initiation rites connected with coming of age.

Pachiz was introduced into Khorezm from India. This is confirmed by the terminology of the game and the use of *Cypraea moneta* shells, which are unusual for Central Asia, as dice in playing the game. Pachiz was apparently peculiar to Khorezm since no evidence of the game has so far been discovered in other parts of Central Asia.

The finding of skillfully decorated shells like those used for dice in pachiz in archeological excavations at Khorezm may be proof that this game was known from early times there. It may be assumed that the game acquired popularity in the period when India exerted intensive influence on Khorezm, when the latter was a part of the Great Kushan Empire.

ЧЕСТЕР С. ЧАРД

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА МОРСКИХ ОХОТНИКОВ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Северное побережье Тихого океана от Калифорнии до Японии в доколониальный период характеризовалось некоторыми общими культурными традициями и образом жизни, экономической основой которого был морской промысел, главным образом охота на морских животных. Лишь в некоторых районах благодаря изобилию рыбы в период ее сезонных миграций на первое место выдвигалась рыбная ловля, которая давала населению возможность легко прокормиться. Истоки этого ясно выраженного приморского уклада жизни, являющегося одним из ярких примеров культурной и экологической адаптации человека, представляют значительный интерес. Хотелось бы знать, когда, где и почему сложился этот уклад, а также историю связанных с ним культурных традиций.

Когда говорят о ранних пластах приморской культуры в северной части Тихого океана, обычно имеют в виду прежде всего район Берингова пролива и о-в Святого Лаврентия, где наблюдался наивысший расцвет этой культуры. Однако в этом районе ее первая стадия (Оквик I) относится к чрезвычайно позднему времени, примерно к середине первого тысячелетия нашей эры (по недавно опубликованной дате, установленной радиоуглеродным анализом). Нам не известны никакие местные культуры, предшествующие этой хорошо сложившейся культуре морских охотников. Остается признать, что или она была принесена извне, или нам еще не удалось найти в этом районе первые стадии приспособления к приморскому типу хозяйства, основанному на охоте на тюленей и китов. Как показал Гиддингс¹, для района Берингова моря характерно местное, региональное культурное развитие; безусловно, нельзя исключить возможность существования необнаруженных предшествующих пластов на о-ве Святого Лаврентия и вблизи него. Однако пока не произведены дальнейшие раскопки, следовало бы серьезно подумать о другом, не менее вероятном решении этого вопроса и рассмотреть, в каких еще схожих районах обнаруживаются признаки существования в значительно более ранний период хозяйства морских охотников — хозяйства, которое впоследствии могло бы быть перенесено в весьма благоприятные условия области Берингова пролива и привело бы к возникновению там крупного очага культуры.

Тейлор² определяет культуры Чорис и Нортон (на северном и южном побережье пролива) как начальные стадии эскимосской традиции «Инука», предшествующие культуре Оквик, и как источник первоначального эскимосского элемента в Дорсете. Хотя типологически эти две культуры обнаруживают известное сходство, культура Нортон принад-

¹ I. L. Giddings, The Archeology of Bering Strait, «Current Anthropology», Chicago, 1960, т. I, № 2, стр. 121—138.

² W. E. Taylor, Review and Assessment of the Dorset Problem, «Anthropologica», Ottawa, 1959, нов. сер., т. I, № 1—2, стр. 24—46.

лежит к более позднему периоду, непосредственно предшествующему культуре Оквик или даже частично перекрывающему ее новую датировку. Культура Чорис, с другой стороны, возможно, уходит вглубь до 1000 г. до н. э. Хотя эта культура, несомненно, является более древней, чем культура Оквик, и, таким образом, может быть той предшествующей культурой, которую мы пытаемся обнаружить, культура Чорис не ориентирована в полной мере на морской промысел. Ее население, по-видимому, предпочитало охоту на морских животных охоту на карибу; их поворотные гарпуны весьма примитивны, хотя имелись хорошие дротики для охоты на тюленей. Следует также отметить, что у них было слабо развито искусство.

Новые находки у мыса Крузенштерна, на полпути между Чорисом и мысом Хоп, тем не менее позволяют предположить существование более древнего пласта культуры морских охотников во всем этом районе. Здесь обнаружены очевидные доказательства зависимости населения от охоты на тюленей и китов, хотя мало определенных данных о том, как она велась. Отличительная черта этого пласта — гарпунный наконечник с боковыми зубцами; эта, как и другие особенности кремневой индустрии, обнаруживают мало преемственных связей с культурой Оквик и другими, более поздними приморскими находками.

Помимо этого исключения имеется мало свидетельств важности морского промысла для американского побережья Берингова пролива до периода культуры Бирнирк (около 500 г. н. э.). На первый взгляд это может показаться доказательством в пользу большей вероятности азиатского происхождения культуры Оквик, поскольку она хорошо представлена на сибирском побережье, хотя более древние пласты там пока не обнаружены. Конечно, следует помнить, что в этом районе полевые работы не производились в широком масштабе, и неизвестно, какие открытия ожидают нас в будущем (по аналогии с Аляской). Возможно, также, что корни культуры Оквик и ее хозяйственно-го уклада могут находиться в более южных или западных районах Азии, т. е. на ее тихоокеанском или арктическом побережье. Эту точку зрения часто выдвигают советские и западные ученые.

Поэтому рассмотрим столь часто упоминаемую возможность азиатского происхождения приморской культурной традиции Берингова пролива. Она предполагает наличие свидетельства о существовании в смежных районах группы или групп населения, имевших морское промысловое хозяйство, т. е. обладавших хорошими лодками и гарпунами, причем пищу населения в значительной степени должны были составлять продукты охоты на морских животных; культура этих людей должна иметь хорошо выраженное сходство с культурой Оквик и существовать в период, значительно ей предшествующий. В соответствии с современной датировкой расцвет этой культуры должен был бы наблюдаться не позже начала нашей эры и скорее всего в первом тысячелетии до нашей эры или еще на тысячу лет раньше (если придерживаться условной датировки культуры Оквик).

Автором настоящей статьи недавно было установлено³, что большая часть полярного побережья Азии непригодна для морского промысла и имеет мало следов деятельности человека. Более того, найденные там памятники эскимосской культуры по мере продвижения к западу от Берингова пролива обнаруживают принадлежность ко все более поздним периодам и по прохождении примерно 850 миль совершенно исчезают. Очевидно, здесь мы не находим ответа на наши вопросы.

Другой смежный район — северная часть тихоокеанского побережья Азии. Здесь памятники классического эскимосского типа обнаружива-

³ Ch. S. Chard, The Western Roots of Eskimo Culture, «Actas del XXXIII Congreso Internacional de Americanistas», San-Jose, 1959, т. II, стр. 81—87.

ются только до северного берега Анадырского залива. Далее простирается одна из наименее изученных с археологической точки зрения частей Сибири. За исключением стоянки Канчалан в устье р. Анадырь, которая, несомненно, относится к нашей эре, мы не обнаруживаем следов древних культур до самой Камчатки. Здесь их довольно много, но все они сравнительно позднего времени и явно не связаны с хозяйством морских охотников. К западу и к югу от Камчатки на побережье материка мы опять ничего не находим, за исключением района Магадана, где обнаружена приморская культура с китобойными гарпунами, которая, однако, существовала в сравнительно недавнее время. Считается, что более ранний пласт, представленный скоплениями раковин, напоминает алеутские находки: здесь не обнаружено поворотных гарпунов, керамики и землянок; однако дальнейшие подробности нам не известны, а данные для датировки отсутствуют. Следующие находки на побережье — в районе Владивостока. Здесь древнейшие обнаруженные пласты представляют неолитическую культуру сухопутных охотников и рыболовов, расцвет которой относится примерно к 1600—1100 гг. до н. э. (характерный пример — стоянка Зайсановка I). За ней следует культура раковинных куч, которая существовала примерно до 200 г. до н. э. Эта культура связана с прибрежной системой хозяйства собирателей продуктов моря и скотоводов (разводили главным образом свиней); охота на сухопутных животных играла второстепенную роль. У нас нет убедительных доказательств существования охоты на морских животных, хотя Окладников энергично отстаивает противоположную точку зрения. В расположенной далее к югу Корее также отсутствуют указания на существование древних приморских хозяйственных укладов.

Остается рассмотреть острова Японского архипелага и его северное продолжение — Курильские острова и Сахалин.

Древнейшие пласты на Сахалине, обнаруженные недавними полевыми работами советских ученых, представляют неолитическую культуру землянок, ориентированную на внутреннюю часть острова. За нею следует высоко развитая культура морских охотников, характеризующаяся наличием поворотных гарпунов и значительным количеством тюленьих костей в раковинных кучах. Типологическое сравнение с культурами материков Азии позволяет датировать эту культуру последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Иными словами, для нас она не является достаточно древней. Гарпуны, которые, по-видимому, связаны с этой культурой, имеют черты сходства с гарпунами Берингова пролива и других районов, но всегда с более поздними их типами, за исключением любопытных параллелей с культурой Дорсет. Возможно, что гарпуны — поздний пережиток дорсетских форм в районе, который являлся окраинным по отношению к основной области их распространения. Следует отметить, что на юго-западе Аляски аналогии культуре Дорсет относятся к еще более раннему периоду.

Приморский культурный комплекс на Сахалине соответствует так называемой Охотской культуре на севере о-ва Хоккайдо, которая сохранилась там до 1000 г. н. э. или до еще более позднего времени и распространилась оттуда на северо-восток через Курильские острова, не достигнув Камчатки. Эта культура является также древнейшим комплексом морского охотничьего хозяйства в указанных районах. Ее носители, представленные черепами из культуры раковинных куч Мойоро близ Абасири, несомненно, являлись северным народом. Даже такие компетентные наблюдатели, как К. С. Кун, считают их очень близкими по типу к эскимосам.

Вся археологическая картина говорит о приходе на Сахалин в последние века до нашей эры арктической или субарктической примор-

ской группы населения, которая впервые принесла сюда хозяйство морских охотников. Культура этих пришельцев слилась с предшествовавшей местной неолитической культурой и заимствовала у нее сравнительно развитую керамику, совершенно не известную на севере и возникшую на соседнем материке. Затем пришельцы распространились по северо-западной оконечности Хоккайдо, по всему северному побережью этого острова и на Курильских островах, где их культура сохранилась еще во втором тысячелетии нашей эры и была вытеснена культурой айнов. Происхождение этой северной группы населения до сих пор загадка: можно ли выводить их происхождение от эскимосов Берингова моря или они распространились из какого-то еще не обнаруженного центра в районе Охотского моря? Еще раньше приводились доказательства того, что вдоль тихоокеанского побережья Северо-Восточной Азии существовал древнеэскимосский субстрат, подобно субстрату, установленному Дракером для северо-западного побережья Америки⁴.

И все же мы приходим к выводу, что приморская культура на крайнем севере Японии не является достаточно древней, чтобы служить источником культуры Оквик. Более того, все говорит о том, что это была чужеродная культура пришельцев с севера.

С другой стороны, есть немало доказательств в пользу того, что охота на морского зверя существовала и в более южных районах Японии — в северной части Хонсю, главного острова Японского архипелага, где она приобрела ведущее значение около 1100 г. н. э. и процветала в последующие столетия. Это связано с появлением составных гарпунов как с зазубринами, так и с поворотными наконечниками, обнаруживающих отдельные черты сходства с различными эскимосскими формами. Однако в деталях эти сходные черты недостаточно убедительно группируются по времени и месту. Более того, преобладают коренные различия. Есть также убедительные данные о существовании хозяйства морских охотников на одной из стоянок на крайнем юге Хоккайдо и некоторые указания на наличие такого хозяйства на других стоянках поблизости. По-видимому, эти находки относятся к более раннему периоду (возможно, к 2500 г. до н. э.), но принадлежат к общей культурной традиции Хонсю. Отсюда можно сделать вывод, что, хотя здесь налицо необходимая древность по времени, сходство культур недостаточно для того, чтобы установить какую-либо историческую связь. К тому же нет доказательств, что эта традиция севера Хонсю когда-либо распространялась хотя бы на непосредственно прилегающие районы — север Хоккайдо и Сахалин. Утверждать, что она была перенесена в далекое Берингово море, означало бы слишком много принять на веру. Таким образом, по современным данным, азиатское происхождение культуры Оквик представляется маловероятным.

Перейдем к рассмотрению малоисследованной гипотезы о том, что корни культурной традиции Берингова пролива следует искать в ином направлении — на юго-западе Аляски, в районе, лингвистически родственном с о-вом Святого Лаврентия. В настоящее время имеются некоторые свидетельства о существовании здесь или влияния на этот район раннеоквикской культуры (декорированное орудие из кости, найденное в Чалитмиуте и недавно описанное Коллинсом⁵). Даже помимо этого, географическая близость упомянутых районов убедительно говорит в пользу юго-западной Аляски, против более отдаленных районов. В сво-

⁴ Ch. S. Chard, Northwest Coast — Northeast Asiatic Similarities: A New Hypothesis, «Selected Works of the V International Congress for Anthropology and Ethnography», Philadelphia, 1960, стр. 235—240.

⁵ H. B. Collins, An Okvik Artifact from Southwest Alaska, «Polar Notes», Hannover, 1959, № 1, стр. 13—27.

ей работе, посвященной острову Умнак, Лафлин показывает, что приморская культура, по существу сходная с культурой современных алеутов, вполне сложилась там к 1000 г. до н. э. Эта датировка и тип культуры подтверждаются неопубликованными раскопками Сполдинга и Ларсена. Сомнения, высказанные де Лагуна⁶, необусловлены. Эти древнейшие алеутские пласты, представляющие хозяйство морских охотников, уже обнаруживают четкую специализацию. Им должны были предшествовать более ранние стадии. Поскольку общепризнано, что население островов пришло с соседнего материка (с п-ова Аляска, из района Бристольского залива), можно ожидать, что здесь будут обнаружены эти предполагаемые предшествующие слои, относящиеся ко II тысячелетию до н. э. Древность приморского хозяйственного уклада на юго-западе Аляски подтверждается датировкой стоянки Качемак I у залива Кук Инлет (747 г. до н. э.), поскольку вряд ли правдоподобно, что эта стоянка является самым первым поселением человека на тихоокеанском побережье Аляски.

В то же время мы должны исследовать смежные районы, чтобы убедиться в отсутствии в каком-либо другом месте еще более древних корней приморского хозяйственного уклада, характерного для северной части Тихого океана. Дракер убедительно показал, что северная часть северо-западного побережья Америки могла быть заселена лишь народом, который был уже хорошо приспособлен к жизни у моря; археологические данные для этого района не дают указаний на значительную древность стоянок. Однако на юге северо-западного побережья, в нижнем течении р. Фрезер, Борден обнаружил древнюю приморскую культурную традицию, имеющую ряд аналогий с эскимосской и датируемую примерно 475 г. до н. э. Эти аналогии и относительная датировка в сопоставлении со стоянкой у Кук Инлет и Алеутскими островами четко свидетельствуют о распространении культуры из упомянутого района к югу. Это согласуется с гипотезой Дракера о том, что древняя культура северо-западного побережья Америки сложилась на базе эскимосских культур. Автор данной статьи полностью согласен с этой гипотезой. Сравнительно поздняя датировка стоянок на побережье Орегона делает поиски истоков приморской культуры в этом направлении бесцельными.

Подводя итоги, отметим, что в свете современных данных наиболее вероятным очагом возникновения типа приморского хозяйства, в северной части Тихого океана является район Бристольского залива (Аляска). Он обладает также благоприятными условиями для приспособления жизни человека к морю. Отсюда хозяйственный уклад морских охотников мог распространиться в более суровые северные области, где вряд ли могло произойти первоначальное приспособление. Лингвистические данные говорят также о том, что этот район — родина эскимосов. В наши дни здесь сосредоточена основная часть всего эскимосского населения — факт, который часто упускают из вида. Отдельный очаг с ограниченной сферой влияния, очевидно, существовал на главном из Японских островов; однако он, по-видимому, не имел большого влияния на культуру северной части Тихого океана.

В заключение мы выдвигаем следующую гипотезу: приморский уклад жизни, связанный с обобщенной эскимосской культурной традицией, возник на юго-западе Аляски около 2000 г. до н. э. В течение последнего тысячелетия до н. э. этот уклад прошел стадию динамической экспансии, вызванной неизвестными причинами, возможно, в результате интенсивного расселения, как предполагает Лафлин, и распространился на север, к Берингову проливу и далее, и на юг, вдоль берегов север-

⁶ F. De Laguna, Chugach Prehistory, Seattle, 1956.

ной части Тихого океана, он достиг о-ва Хоккайдо, с одной стороны, и залива Пьюджет Саунд, с другой, и заложил основы для последующего культурного развития всей этой территории. Наличие ряда общих культурных черт в северной части Тихого океана легче всего поддается объяснению на основе выдвинутой нами гипотезы. При этом могла возникнуть непрерывная цепь, через которую азиатские влияния (например, художественные мотивы Шан Чжоу) могли проникнуть на Аляску и на северо-западное побережье Америки. Далее, вполне вероятно, что так называемые эскимосские элементы культуры Дорсет были вовлечены в экспансию, распространяясь к востоку от Берингова пролива через полярные области Америки, а также на юго-запад, на Сахалин. Однако продвижение на запад вдоль полярного побережья Азии было ограничено экологическими факторами.

Таким образом, мы можем представить себе хотя бы основные контуры этого важного культурно-исторического явления. Дальнейшие полевые работы или подтвердят нашу гипотезу, или смогут дать более удачное объяснение наблюдаемым фактам.

SUMMARY

Analysing the ancient roots of the Eskimos' economic pattern, the author has reached the conclusion that the centre where the maritime pattern of economy of the North Pacific took shape was most likely the Bristol Bay area (Alaska), possessing a highly favourable natural setting for the initial adjustment of man to a pattern of life based on sea hunting. Linguistic data indicate that this area was the Eskimo homeland.

According to the author's hypothesis, the maritime pattern of economy, involving a generalized Eskimoid cultural tradition, originated in the southwestern part of Alaska around 2000 B. C. In the course of the 1st millennium B. C., prompted by unknown causes, it spread intensively to the north, to the Bering Strait and further, and to the south, along the northern Pacific shores — reaching Hokkaido, on one side, and Puget Sound, on the other; this economic pattern provided the foundation for the subsequent cultural development of the entire area. The so-called Eskimo elements of the Dorset culture were quite likely to be involved in this expansion, spreading east of the Bering Strait throughout the polar regions of the North American continent and also southwest, to Sakhalin. Their westward progress along the arctic shore of Asia, was, however, checked by ecological factors.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

А. Д. ДРИДЗО

НАСЕЛЕНИЕ ЯМАЙКИ

6 августа 1962 года на карте мира появилось новое государство — Ямайка. Завоевание независимости этой самой крупной по площади (11525 км²) и по населению (1,64 млн. чел.) английской колонией в Вест-Индии является прямым следствием краха колониальной системы и в то же время началом ликвидации остатков колониальных владений Великобритании в Западном полушарии.

Открытый Колумбом в 1494 г. остров с 1509 г. подвергся испанской колонизации, в ходе которой коренные его жители — индейцы араваки (их насчитывалось, по разным источникам, от 60 до 600 тыс. чел.) были истреблены почти полностью. В 1611 г. на Ямайке осталось всего 74 индейца¹. С 1513 г. начался ввоз рабов из Африки², и к моменту захвата острова англичанами (1655 г.) негры составляли половину его трехтысячного населения.

В первый период английского господства остров стал местом ссылки. В 1670-х гг. на Ямайке стали возникать плантации сахарного тростника, кофе и индиго. Это привело к усиленному ввозу рабов. В конце XVII и в XVIII в. Ямайка стала главной базой английских пиратов в Карибском море и одним из крупнейших в мире рынков рабов. Примерно за полтора столетия на остров было ввезено около миллиона негров³; из этого количества на самой Ямайке оставалась лишь часть. Если в 1670 г. на 7,5 тыс. «белых» приходилось 8 тыс. негров-рабов, то к 1698 г. количество «белых» сократилось на 150—200 чел., а количество негров возросло до 40 тысяч⁴. В 1734 г. рабов насчитывалось более 86 тыс. («белых» — 7,6 тыс.), в 1746 г. — более 112 тыс. («белых» 10 тыс.), в 1775 г. — более 190 тыс. («белых» 18,5 тыс.), а в 1800 г. — 300 тысяч⁵.

Полное бесправие рабов и абсолютная власть рабовладельцев над их жизнью и смертью были закреплены в так называемом «Кодексе о рабовладении» (Slave Codex).

И все же плантаторам становилось все труднее удерживать рабов в повиновении. История Ямайки полна примеров героической борьбы негров против рабовладельцев. Во второй половине XVII в. таких восстаний было пять, за последующие 130 лет (1702—1832) — 27.

В течение более 150 лет сохраняли независимость мароны (или маруны) — рабы, бежавшие в горные районы, недоступные для колонизаторов (Кокпит Кантри на западе и Голубые горы — на востоке острова). Лишь в конце XVIII в. англичанам удалось разбить маронов и вы-

¹ R. M. Martin, *History of the West Indies*, London, 1836, т. 1, стр. 10; F. M. Henriques, *Family and Colour in Jamaica*, London, 1953, стр. 14—15.

² W. B. Bruce, *Reference Book of Jamaica*, Kingston, 1947, стр. 13.

³ И. Витвер, *Карибские страны*, М.—Л., 1931, стр. 359.

⁴ R. M. Martin, *Указ. раб.*, т. 1, стр. 89, 90, 30.

⁵ Там же, т. V, стр. 90.

селить подавляющее их большинство сначала в Канаду, а затем в Сьерра Леоне⁶. Потомки небольшой группы маронов, оставшейся на острове (4—5 тыс. чел.), живут в западной части Ямайки и поныне⁷.

В XVII—XVIII вв. на острове появляется ряд новых этнических наименований. Слово «мулат» (mulatto) означало и означает на Ямайке и во всей Вест-Индии потомка «белого» отца и матери-негритянки, а в более широком смысле — человека смешанного происхождения. Потомок «белого» и мулатки — «квадрун» (quadroon), или «квартирон» (т. е. негр только на $\frac{1}{4}$) — стоял выше мулата, но ниже потомка «белого» и квартиронки, называвшегося «мусти» (mustee), или «мести» (mestee), т. е. негра на $\frac{1}{8}$. «Мустеффино», или «местиффино» (musteefino, mesteeffino) — потомок «белого» и «мусти», т. е. негр на $\frac{1}{16}$, уже официально считался «белым» и свободным по закону. Потомок мулатки и негра носил наименование «самбо» и стоял ниже мулата, но выше негра. Сейчас все эти термины (кроме мулата и самбо) официально не употребляются, но используются в общежитии для обозначения различных оттенков цвета кожи. Некоторые из них сохранились как прозвища, носящие оскорбительный характер.

Если уделом рабов был труд на плантациях или в доме рабовладельца, то свободные негры и мулаты (к концу XVIII в. 10 тыс. чел.) были в основном мелкими крестьянами, ремесленниками, торговцами, надсмотрщиками.

Неодинаковым по социальному составу было и «белое» население, подавляющее большинство которого состояло из англичан, шотландцев, ирландцев, валлийцев. Вся власть находилась в руках плантаторов, купцов, чиновников. Ниже их стояли группы служащих, управляющих, надсмотрщиков, ремесленников, торговцев. Еще ниже — потомки ссыльных, так называемые «белые бедняки» (poor whites).

По мере того как рабство экономически перестало себя оправдывать, правительство стало его ограничивать. С 1808 г. запрещена была работорговля, в 1816 г. — признано право освобождать рабов по завещанию, а не только при жизни господина. С 1824 г. свободным неграм и мулатам было разрешено свидетельствовать на суде против «белых», а с 1830 г. им были предоставлены гражданские права. Наконец, по закону 1833 г., который касался не только Ямайки, но всех английских колоний, рабство было отменено (на Ямайке — с августа 1834 г.)⁸. Колонизаторам приходилось спешить — восстания рабов происходили все чаще.

Закон об отмене рабства не предусматривал, однако, немедленного освобождения рабов. Он устанавливал для них «срок ученичества» (apprenticeship) от четырех до шести лет. «Ученики», т. е. все рабы от шести лет и старше, должны были бесплатно работать на хозяев в течение $\frac{3}{4}$ рабочей недели. Освобожденные рабы не получили никакой земли, кроме небольших приусадебных участков, которые и раньше были в их распоряжении. Правительство выдало рабовладельцам Ямайки свыше 611 тыс. фунтов компенсации — по 19 фунтов за каждого раба⁹. Установление «срока ученичества» вызывало возмущение негров. Плантаторы же относились к «ученикам» подчас еще хуже, чем к рабам до отмены рабства. Это заставило английское правительство, опасавшееся новых восстаний, окончательно освободить рабов в 1838 г. Получив свободу, почти все негры ушли с плантаций, создав множество мелких крестьян-

⁶ R. Ch. D a l l a s, The History of the Maroons from their origin to the establishment of their chief tribe at Sierra Leone, London, 1803, т. 1—2.

⁷ W. Б р у с е, Указ. раб., стр. 14; F. M. H e n r i q u e s, Указ. раб., стр. 35.

⁸ F. M. H e n r i q u e s, Указ. раб., стр. 38; E. H. C a r t e r, History of the West Indian Peoples, London, 1953, кн. IV, стр. 58, 105.

⁹ Э. В и л ь я м с, Капитализм и рабство, М., 1950, гл. 9, стр. 176 и сл.; E. H. C a r t e r, Указ. раб., кн. IV, стр. 92—94, 98.

ских хозяйств на свободных землях во внутренней части острова¹⁰. Это заставило плантаторов искать новые источники рабочей силы. С 1845 г. начинается ввоз законтрактованных рабочих из Индии, а с 1854 г. — из Китая¹¹. Но старую плантационную систему спасти было невозможно. Последний удар ей нанесла отмена в Англии покровительственных пошлин на сахар и другие колониальные продукты (1846 г.). Попытка выйти из кризиса за счет негров выразилась в увеличении налогов¹², а затем в сгоне негров с земли в целом ряде районов Ямайки. В ответ на это на восточном побережье в октябре 1865 г. вспыхнуло самое крупное в истории острова восстание, жестоко подавленное колониальными властями. Более 300 участников восстания было повешено, 600 человек подвергнуто телесному наказанию; было сожжено свыше 1000 домов.

Это восстание привлекло внимание Маркса и Энгельса, пристально следивших за его ходом. «Каждая следующая почта приносит все более безумные вести об ужасах на Ямайке. Письма английских офицеров об их геройских подвигах против безоружных негров великолепны. Дух английской армии сказался здесь, наконец, хоть раз без всяких стеснений — «The soldiers enjoy it» (солдат это забавляет)», — писал Энгельс Марксу 1 декабря 1865 года¹³.

С 1867 г. североамериканская компания, впоследствии вошедшая в «Юнайтед Фрут Компани» (United Fruit Co), начала разведение бананов — новой для Ямайки культуры. В 1900 г. большая часть банановых плантаций принадлежала уже «Юнайтед Фрут». Североамериканский капитал занял довольно заметные позиции и в производстве сахара¹⁴.

Развитие капитализма постепенно приводило к обезземеливанию крестьян, к обнищанию широких масс трудящихся острова. Положение стало особенно тяжелым, когда сошел на нет бум, связанный с первой мировой войной. В этот период, под несомненным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, на Ямайке, как и во всей Вест-Индии, начало разворачиваться национально-освободительное движение.

Ни политических партий, ни даже настоящих профессиональных союзов на острове тогда не существовало. Разрешенное колонизаторами подобие рабочих организаций влачило жалкое существование, охватывая (по данным 1918 г.) 0,04% трудящихся¹⁵. Добавим, что в отличие, например, от Тринидада, промышленных рабочих на Ямайке всегда было очень немного, а тяжелой индустрии до последних лет и вообще не существовало.

В результате кризиса 1929 г. положение обострилось, а во второй половине 30-х годов по островам Британской Вест-Индии прокатилась волна выступлений небывалого масштаба — забастовок, голодных походов и т. п. Весной и летом 1938 г. произошли народные выступления в сельских районах Ямайки, сопровождавшиеся кровавой расправой с рабочими. В порту Кингстона была объявлена забастовка, распространившаяся затем на весь город. Колонизаторам удалось победить лишь с помощью значительных воинских подкреплений¹⁶.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XXIII, М., 1932, стр. 321. Письмо Энгельса Марксу от 15.VII.1865 г.

¹¹ F. M. Henriques, Указ. раб., стр. 40.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XXIII, стр. 313. Письмо Маркса Энгельсу от 20.XI.1865 г.

¹³ Там же, стр. 314.

¹⁴ A. M. Whitson and L. F. Horsfall, Britain and the West Indies, London, New York, Toronto, 1948, стр. 48, 60.

¹⁵ M. Proudfoot, Britain and the USA in the Caribbean, New York, 1954, стр. 234. W. H. Knowles, Trade Union Development and Industrial Relations in the British West Indies, Berkeley and Los Angeles, 1959, стр. 69 и сл.

¹⁶ «Правда», 7, 9, 17 мая, 4, 10 июня 1938 г.

После событий 1938 г. колониальные власти вынуждены были пойти на уступки, в частности — разрешить создание ряда политических партий и профсоюзов. В сентябре 1938 г. под руководством Нормана Мэнли была создана Народно-национальная партия (People's National Party), близкая по типу к лейбористской партии в Англии. Несколько позже возникло первое профсоюзное объединение (Совет, потом Конгресс профсоюзов), тесно связанное с Народно-национальной партией (ННП)¹⁷.

Тогда же, в 1938 г., во время массового народного движения, выдвинулся как политический деятель Александр Бустаманте. Он стал пожизненным председателем так называемых «Промышленных союзов Бустаманте» (Bustamante Industrial Unions), а затем создал правую политическую партию, назвав ее «Ямайской лейбористской партией» (Jamaica Labour Party, сокращенно — ЯЛП).

Когда в 1943 г. ямайскому народу удалось добиться введения всеобщего избирательного права, а в 1944 — создания самоуправления, хотя и очень ограниченного, к власти пришла ЯЛП и оставалась правящей партией 12 лет. С 1956 г. и до апреля 1962 г. у власти находилась ННП.

С 1958 г. Ямайка стала частью Вест-Индийской Федерации. Это объединение было создано англичанами с целью укрепить свои, пошатнувшиеся позиции в Карибском море и задержать рост национально-освободительного движения в Вест-Индии. Однако Ямайка — самый значительный по площади и населению член Федерации — была представлена в ее парламенте далеко не пропорционально, в то время как основное налоговое бремя пришлось нести именно ей. Когда к тому же выяснилось, что Федерация не дает вест-индцам независимости, к которой они стремятся, и не решает ни одной из насущных экономических проблем, — ямайский народ настоял на выходе из этого объединения (1961 г.). Англия была вынуждена согласиться на предоставление Ямайке независимости с 6 августа 1962 г.

Недовольством народных масс, их разочарованием в политике правящей партии воспользовалась ЯЛП. Внеочередные выборы 10 апреля 1962 г. снова привели ее к власти.

Формулируя основные принципы политики нового правительства, А. Бустаманте выступил с заверением, что он и его министры «будут сопротивляться любым попыткам коммунистов проникнуть на Ямайку». Он заявил далее, что будет стремиться к заключению «договора об обороне» с Соединенными Штатами Америки, а после провозглашения независимости предложил им создать на острове военную базу¹⁸.

По типу хозяйства Ямайка — аграрная страна; промышленность ее только еще начинает развиваться. Основные культуры: сахарный тростник (в 1960 г. — около 58,8 тыс. га), кокосовая пальма (около 48 тыс. га), бананы (около 42 тыс. га), цитрусовые (около 24,8 тыс. га), кофе, пimento (вид перца), табак, какао, рис. Значительную часть бананов, кофе и табака дают мелкие крестьянские хозяйства. Скотоводство и рыболовство играют в экономике второстепенную роль.

Почти вся удобная для обработки земля (составляющая не более 35% территории) находится под экспортными культурами. Продуктов питания производится недостаточно. Страна вынуждена большую их часть ввозить, прежде всего из США¹⁹.

Почти 80% хозяйств имеют меньше 2 га земли каждое. В то же время 333 плантатора (0,1% всех землевладельцев) владеют 50% годных для обработки земель. 26 из них владеют плантациями более чем по

¹⁷ Е. Н. Carter, Указ. раб., кн. IV, стр. 168—169. См. также: W. H. Knowles, Указ. раб.

¹⁸ «The Times», 12 апреля 1962, стр. 12; 9 августа, 1962, стр. 7.

¹⁹ «Statesmen's Year Book 1961», стр. 435; «The West Indies and Caribbean Year Book 1957/58», стр. 195—199.

3 тыс. га, 7 — более чем по 10 тыс. га. Крупнейшая на острове английская компания «West Indies Sugar Co» (контролируемая монополией «Tate and Lyle») сосредоточила в своих руках 25 тыс. га и дает $\frac{1}{3}$ всего производства сахара на Ямайке²⁰. Добавим, что землю имеет лишь 35% сельского населения. И хотя негры составляют 78,2% землевладельцев, они преобладают лишь в группе владельцев участков от 0,4 до 20 га. В следующей группе (20—40 га) их уже меньше половины, в группе от 40 до 80 га — чуть больше трети, в группе от 80 до 200 га — немногим более четверти, в группе от 200 до 400 га — меньше одной пятой, наконец, среди владельцев самых крупных участков — меньше 11%²¹. Цифры эти говорят сами за себя.

Значительную часть сельского населения Ямайки составляют безземельные крестьяне, вынужденные работать по найму на плантациях и в хозяйствах кулацкого типа. Таких батраков не меньше 140 тыс. чел. Кроме того, часть «землевладельцев» также вынуждена подрабатывать на стороне. West Indies Sugar Co нанимает для уборки до 10 тысяч рабочих, на банановых плантациях работает в это время 90 тыс., на сахарных — до 73 тыс., на цитрусовых — 50 тыс. чел. и т. д. Большинство рабочих острова, однако, имеет работу только в этот период (приблизительно с января по июнь). В остальное время работа на плантациях резко сокращается. Так, на сахарных плантациях остается не более 47,3 тыс. из 73 тыс. и т. п.²².

Остальные отрасли хозяйства Ямайки не в состоянии поглотить избыточную рабочую силу. Объясняется это прежде всего колониальным характером экономики, тем, что развивается только те отрасли ее, которые нужны господствующим на острове монополиям. Один из ярких тому примеров — использование минеральных богатств Ямайки.

По запасам бокситов (одна треть мировых запасов) и по их вывозу Ямайка стоит на первом месте в мире. Но все эти богатства находятся в руках пяти иностранных компаний — канадской Alcan Jamaica Limited (около 50% капиталовложений) и четырех из США. Но лишь канадская фирма построила на острове фабрику по производству из части бокситов глинозема (окись алюминия); остальные даже всю первичную обработку руды производят вне острова. В планы всех этих монополий никак не входит индустриализация Ямайки. Количество рабочих на рудниках не превышает 6 тыс. человек.

Ямайка дает примерно половину сырья для алюминиевой промышленности Соединенных Штатов. Поэтому в США уделяют сугубое внимание обеспечению «порядка» на бокситовых рудниках острова. Профсоюзные боссы из КПП—АФТ сразу же взяли в свои руки организацию там профсоюза, а присланный ими уполномоченный не только встал во главе этого союза, но занял и еще несколько руководящих постов в ямайском рабочем движении.

Недра Ямайки богаты не только бокситами. На острове есть медная, железная, марганцевая руда, нефть. Но эти природные богатства фактически почти не используются. Неудивительно: ведь, например, и нефтеразведку, и снабжение острова горючим взяли в свои руки североамериканские монополии, в первую очередь ЭССО. Эта компания уже построила на Ямайке один нефтеперегонный завод и заключила договор на постройку второго. Более или менее широко разрабатываются только залежи гипса. Североамериканская компания организовала на их базе производство цемента, значительная часть которого вывозится.

Из остальных видов промышленности развиты лишь пищевая (прежде всего сахарная, ромовая, табачная) и легкая (производство одежды,

²⁰ См. «Народы Америки» под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, т. II, М., 1959, стр. 239.

²¹ F. M. Henriques, Указ. раб., стр. 173, 180.

²² «Народы Америки», т. II, стр. 240.

обуви, мыла, спичек, посуды и пр.). Почти все предприятия сосредоточены в столице острова г. Кингстоне (вместе с прилегающим к нему г. Сент-Эндрью — около 400 тыс. чел.). Машиностроение отсутствует полностью.

Богатства Ямайки присваиваются иностранными монополистами, и неудивительно, что доход на душу населения составляет здесь всего 132 фунта в год (в Англии он почти в три раза выше — 364 фунта) ²³.

Вместе с тем, безработица на острове растет с каждым годом. По данным 1960 г. самодетальное население составляло на Ямайке 700 тыс. человек. Полностью безработных из них было 120 тыс., работающих не более трех дней в неделю — 250 тыс. ²⁴. Ежегодно к этому числу прибавляется не менее 40 тыс. выходящих в жизнь юношей и девушек, из которых лишь немногие счастливицы могут найти себе постоянное занятие ²⁵. Добавим, что никаких пособий по безработице на Ямайке не существует.

В этих условиях искусственно созданного перенаселения все более важное значение приобретают поиски работы за пределами острова. Единственная страна, куда доступ вест-индцам до последнего времени оставался открытым, — Англия. За последние семь лет эмиграция из Вест-Индии в Англию составила:

1955—27550	(из них 18,9 тыс. ямайцев)
1956—29800	(» » 17,6 тыс. »)
1957—23000	(» » 15,9 тыс. ») ²⁶
1958—15000	
1959—16400	
1960—49350	(по другим данным — 52 тыс.) ²⁷
1961—66300	²⁸

80% этого числа — выходцы с Ямайки и с Барбадоса, причем первые составляют подавляющее большинство (в 1960 г., например, 30 тыс. из 49,6 тыс. чел.) ²⁹.

Почти все вест-индские иммигранты сосредоточены в Лондоне, Бирмингеме и Ноттингеме. Заняты они преимущественно на самой неквалифицированной, низкооплачиваемой работе — на транспорте, на кирпичных заводах и других предприятиях, в больницах и т. п. Принимают их на работу в последнюю очередь, увольняют — первыми. Если (по официальным данным) безработные в Англии составляют немногим более 2% самодетального населения, то среди вест-индских иммигрантов этот процент гораздо выше (8%) ³⁰.

«Цветные» иммигранты подвергаются дискриминации не только в области труда. Им трудно бывает найти себе жилье (выборочная проверка лишь в одном районе показала: 18,9% квартирохозяев отказались сдать комнаты «цветным», или вест-индцам) ³¹, их не допускают в некоторые рестораны, зрелищные предприятия и т. д. В городах Англии неоднократно вспыхивали расистские беспорядки, негритянские погромы (наиболее известные из них — в Ноттинг-Хилле в 1958 г.). Английская полиция довольно вяло действовала против погромщиков и очень энер-

²³ «Parliamentary Debates (Hansard), House of Commons. Official Report», т. 634, № 56, 17 февраля 1961, ст. 1934. В дальнейших сносках — Hansard.

²⁴ Там же, ст. 1975. Точные цифры привести затруднительно, так как на плантациях нанимают обычно одного рабочего, а работать должна вся его семья.

²⁵ Там же. Для того, чтобы существующее положение хотя бы не ухудшалось, надо в 1962 г. обеспечить работой 100 тыс. чел., а чтобы безработица снизилась на 5% — 180—210 тыс. См.: W. H. Knowles, Указ. раб., стр. 19.

²⁶ D. L. Population and Production in Jamaica, «Geographical Review», т. XLVIII, № 4, октябрь, 1958, стр. 568.

²⁷ «The Times», 22 октября 1961.

²⁸ Hansard, т. 652, № 46, 1 февраля 1962, ст. 1284.

²⁹ Там же, т. 634, № 56, 17 февраля 1961, ст. 1958 и т. 645, № 161, 2 августа 1961, ст. 1328.

³⁰ Там же, т. 654, № 61, 22 февраля 1962, ст. 662.

³¹ Там же, т. 654, № 64, 27 февраля 1962, ст. 1211.

Значительная часть «белых» ямайцев принадлежит к буржуазии и высшему чиновничеству. Но наряду с ними существуют и «белые бедняки» — потомки долговых рабов и ссыльных, самая низшая категория «белого» населения. Исследователи отмечают, что каждый «белый бедняк» на всю жизнь сохраняет «клеимо своего происхождения». В основном это мелкие крестьяне, с трудом сводящие концы с концами³⁶.

Китайцы, как и индийцы, — потомки законтрактованных рабочих, ввезенных с 1854 г. По переписи 1943 г. 44% китайцев были уже потомками смешанных браков. Немногим более половины китайского населения живет в двух крупнейших городах острова — Кингстоне и Сент-Эндрю. Главное занятие ямайских китайцев — торговля. Английским языком владеют все. Более 95% — христиане.

Сирийцы начали селиться на Ямайке в 1891 г. Потомков смешанных браков среди них — примерно 15%. По религии почти все они — католики.

Перепись 1943 г. содержит следующие данные о наиболее распространенных на Ямайке религиях:

Англиканы — 28,3%
 Баптисты — 35,8%
 Методисты — 8,9%
 Пресвитериане — 7,5%
 Католики — 5,7%

остальные — приверженцы других церквей и множества мелких сект³⁷. Наряду с этим среди негритянского населения продолжают еще сохраняться старинные африканские верования.

Негры составляют подавляющее большинство населения Ямайки, но тем не менее их нельзя назвать полноправными гражданами своей страны, хотя дискриминация на острове и не достигает таких размеров, как в США или в ЮАР.

В понятия «черный», «цветной», «светлокожий» и т. п. вкладывается на острове вполне определенное социальное содержание. «„Черный“ — значит бедный, непривилегированный, а „светлые“ или белые — это те, что наверху. Мы ямайцы, знаем, кто черный. У нас своя классификация. Черный — это всякий, кто на стороне бедных. Если бы вы жили на Ямайке, вы были бы черным»³⁸. В эти слова местного жителя, обращенных к либеральному английскому журналисту, с предельной отчетливостью ощущается подлинный смысл «расовой проблемы» в Вест-Индии.

Рост национально-освободительного движения не мог не оказать влияния и на эту сторону жизни Ямайки. Еще 15—20 лет назад более или менее ответственные должности на государственной службе были закрыты для негров. Теперь, в обстановке распада колониальной системы, положение изменилось, и выходцы из состоятельных негритянских семей оказались довольно хорошо представленными в государственном аппарате. Однако подавляющее большинство негритянского населения (прежде всего рабочие, крестьяне, мелкие служащие) продолжает подвергаться дискриминации. Почти все крупные магазины ямайской столицы по-прежнему принимают на работу продавщиц только со светлой кожей. Все действующие на острове банки — три канад-

³⁶ W. Вгусе, Указ. раб., стр. 12, 15; F. M. Henriques, Указ. раб., стр. 53. О немецких колонистах подробнее см.: W. Drascher, Deutsche Siedlungen auf Jamaika, «Ibero-Amerikanisches Archiv», Jahrgang VI, Heft 1, 1932, стр. 84—90.

³⁷ W. Вгусе, Указ. раб., стр. 16. Перепись 1960 года (см. «Statesman's Year Book, 1961», стр. 435) дает гораздо меньшие цифры: англиканы — 15,8%, методисты — 6,8%, баптисты — 1,7%, пресвитериане — меньше 1% и т. д. Можно предполагать, однако, что в справочнике приведены неполные данные; возможно также, что перепись 1960 г. охватила далеко не все население страны.

³⁸ K. Martin, The Jamaican Volcano, «New Statesman», 17 марта 1961, стр. 416. Отрывок из статьи опубликован в «Известиях» 28 марта 1961 г.

ских и один английский — также продолжают принимать на работу только светлокожих ямайцев. Во всех случаях, когда негр и «белый» (особенно иностранец) выполняют одну и ту же работу, заработная плата у них остается неодинаковой. Оклад ямайца — электрика I класса на бокситовых рудниках — 9 фунтов 11 шиллингов 3 пенса в неделю, а у канадца той же квалификации — 45 фунтов плюс оплата транспортных и жилищных расходов. Когда группа ямайских рабочих прошла на этих рудниках производственное обучение и их зарплата повысилась, всех канадцев перевели на более высокие должности, чтобы они по-прежнему получали гораздо больше, чем местные рабочие³⁹.

Приведенные выше факты иллюстрируются следующими цифрами. Из 128 971 негров, о которых есть данные в цензе 1943 г., — 37,3% имели доход менее 6 шиллингов в неделю (среди мулатов такой доход был у 16,6%, среди «белых» у 4%). Доход от 6 до 10 шиллингов был у 31% негров, 10% мулатов и 3,6% «белых». От 10 шиллингов до 1 фунта в неделю получали 31,2% негров, 21,7% мулатов и 58% «белых». Среди тех, чей доход составлял 4—5 фунтов в неделю, негров было всего лишь 0,4%, мулатов — 3,2%, «белых» же — 38%. Цифры эти — неполные, они, в частности, не включают данных о доходах плантаторов. И все же, несмотря на это, перед нами не лишенные интереса контрасты⁴⁰.

Эти контрасты ярко проявляются в быту и материальной культуре.

Дом богатого ямайца — это либо современное, со всеми удобствами здание, либо (если речь идет о плантаторах) подчас интересный образец английской архитектуры XVII—XIX вв.

Обычный дом зажиточного фермера — деревянный, с крышей из рифленого железа, одноэтажный, из трех комнат. Вокруг дома идет веранда, используемая как столовая. Кухня помещается отдельно, во дворе. Электричества и газа нет; ванна и даже умывальник, по данным выборочного обследования, отсутствуют в 90% домов, а 36% домов не имело даже колодца.

Жилище сельскохозяйственных рабочих характеризуют следующие слова очевидца: «Когда я впервые увидел одну из этих лачуг, я с трудом мог поверить, что она предназначена для того, чтобы в ней жил человек... Мебели нет, кроме куска мешковины на земле и подобия стола для керосинки»⁴¹. Эти строки были написаны уже давно, но положение с тех пор не изменилось.

Фешенебельные районы Кингстона постоянно рекламируются туристическими агентствами. Действительно, центр города и район вилл в предместье очень красивы. Но лишь знакомство с портовыми и прилегающими к ним с севера и запада кварталами, где живут рабочие, позволит увидеть настоящий Кингстон, город доходных домов, трущоб, лачуг и нищеты. Вот как описывает эти места либеральный английский журналист, посетивший остров в 1961 г.: «Тысячи людей живут около моря в грязных, заваленных мусором конурах, построенных из обломков, выброшенных морем на берег. Эти люди целые дни роются в громадных кучах вывозимых сюда отходов в надежде найти лакомый кусочек. Их дома построены из кусков жести, железа, обломков дерева и тряпок. Время от времени, говорили они мне, бульдозеры сравнивали эти «поселения» с землей, но через несколько дней они возникали вновь»⁴².

³⁹ Ф. Смит, Безработица — бич рабочих Ямайки, «Правда», 2 ноября 1953 г. Следует отметить, что квалифицированные рабочие рудников получают самую высокую на острове заработную плату.

⁴⁰ F. M. Henriques. Указ. раб., стр. 47—48, 51—53, 55—57, 59—60 и др.

⁴¹ «Народы Америки», т. II, стр. 245.

⁴² K. Martin, Указ. раб., стр. 416; «Известия», 28 марта 1961.

Одежда ямайцев почти не отличается от европейской, но наиболее употребительные на Ямайке материи относятся к более дешевым сортам. И мужская, и женская одежда шьется из легких тканей, ярко, даже пестро окрашенных; распространена также белая одежда. Обувью, вследствие ее дороговизны, пользуется лишь незначительная часть населения.

В пищевом рационе ямайцев преобладают местные овощи — ямс, батат, бананы, перец. Много потребляется сахара, который на острове очень дешев, а также рыбы и риса. Мяса и молочных продуктов потребляется мало (они ввозятся из США); то же можно сказать о хлебе (мука ввозится из Канады). Из национальных блюд наиболее распространены соленая рыба с плодами дерева аки (их едят только на Ямайке), яйца морских ласточек (чисто ямайское блюдо), рис с бобами и мякотью кокосового ореха, а также «пепперпот» (мясо, тушеное с местными овощами, приправленное соком кассавы и сильно наперченное). В рационе большей части населения не хватает витаминов. Значительная часть трудящихся живет на грани голода.

Особенностью семейного быта на Ямайке является большая роль женщины в семье. Женщина — глава и единственный кормилец семьи — не исключение, а, пожалуй, наиболее типичная фигура. Многие исследователи видят в этом отражение староафриканских матриархальных традиций. Вместе с тем, хотя гражданские права женщин по закону не ограничены, очень многие профессии для них недоступны, а заработная плата всегда ниже, чем у мужчин.

Все население острова говорит по-английски. Однако язык ямайских негров мало похож на литературный и даже на разговорный язык Британских островов. Больше всего различий в фонетике (хотя некоторые фонетические особенности ямайского диалекта сближают его с диалектом Южной Англии). Значительно упрощена грамматика. В состав ямайского диалекта вошли, хотя и в небольшом числе, слова из различных африканских языков.

В формировании культуры острова весьма велика роль тех африканских народов, к которым принадлежали предки ямайских негров. В этом отношении Ямайку можно сравнить, пожалуй, только с Гаити: на обоих островах негры составляют подавляющее большинство населения и многие черты культурного облика их африканских предков сохранились до сегодняшнего дня. Однако в первом случае важной составной частью формировавшейся культуры была культура английская, во втором же — французская. Тринидад, где почти 40% населения индийцы, естественно, очень отличается от Ямайки, невзирая даже на отсутствие языкового барьера. Что же касается мелких островов, то на многих из них, правда в разной степени, сохранился диалект французского языка, в общем отступающий под натиском английского, но далеко еще не исчезнувший; сохраняются и некоторые другие черты культуры, генетически связанные с периодом французского владычества. Ближе всего к Ямайке стоит Барбадос, хотя и здесь наблюдаются диалектные и иные различия⁴³.

В устном народном творчестве Ямайки до сегодняшнего дня преобладают африканские мотивы: сказки о пауке-оборотне Энэнси (весьма сходные со сказками ашанти), пословицы, поговорки, отчасти загадки. Многие инструменты народного оркестра (барабаны, дудки и др.) также африканского происхождения. В музыке можно проследить и африканские, и европейские фольклорные влияния⁴⁴.

⁴³ Вопрос о развитии языков и национальных культур в Вест-Индии выходит за рамки данной статьи. Подробнее см.: «Народы Америки», т. II, гл. 6.

⁴⁴ Там же, стр. 245—246.

Хотя первые произведения профессиональной литературы были созданы еще в XVIII в., творчество ямайских писателей и поэтов стало известно в Европе лишь за последние 10—15 лет. Среди них следует назвать романиста В. Риду (род. 1913)⁴⁵, Р. Мэйса, (1905—1955), писавшего о жизни кингстонской бедноты, Д. Хирна (род. 1926)⁴⁶, опубликовавшего после 1955 г. пять романов на современные темы.

Тяжелые условия развития национальной культуры приводят к тому, что подавляющее большинство писателей покидает остров, переселяясь в Англию или США. Это в равной мере касается как прозаиков, так и поэтов, из которых наиболее крупным был К. Мак-Кэй (1891—1948)⁴⁷. Среди современных поэтов выделяются У. Робертс (род. 1886), Ф. Шерлок (род. 1902), Д. Кэмпбэлл (род. 1917), Х. Карберри (род. 1928)⁴⁸. Почти все ямайские поэты и все прозаики пишут на литературном английском языке. Только собирательница фольклора, поэтесса и исполнительница народных песен Л. Беннет пишет на диалекте.

Национальный театр на Ямайке по существу находится еще в процессе становления. В кинотеатрах идут преимущественно североамериканские и английские фильмы. В 1961 г. началась подготовка к строительству киностудии в Кингстоне.

Развитие национальной культуры происходит в сложных условиях. Неграмотных около 20% населения. Почти 1/4 часть населения не посещает школу и только 6% посещавших оканчивает ее. Школ не хватает. Университет на несколько сот студентов создан только после войны и до сих пор связан с Лондонским университетом.

Уже отмечалось, что завоевание Ямайкой независимости — прямое следствие краха колониальной системы во всем мире. Национально-освободительное движение на Ямайке развивается под влиянием успешной борьбы других колониальных народов — прежде всего народов Африки. Интерес населения Ямайки именно к этому материку вполне объясним. Ликвидация большинства колоний в Африке, героическая борьба народа Конго за свою свободу находились и находятся в центре внимания самых широких слоев ямайского народа.

Буржуазно-националистические элементы пытались и пытаются использовать это в своих интересах. На Ямайке одно время широко развернулась агитация под лозунгом «Назад в Африку», проводившаяся небезызвестным Маркусом Гарви. В настоящее время на острове действуют группы «растафаритов», также призывающие к переселению в Африку. Нетрудно представить себе вред подобного движения, отвлекающего часть ямайского народа от решения самых насущных его задач.

Задачи эти велики, но велики и силы рабочих, крестьян, интеллигенции — всего народа Ямайки. Ему удалось добиться почти полной ликвидации военных баз США на острове, существовавших с 1941 г. Ему удалось добиться политической независимости. На очереди борьба за создание подлинно независимого демократического государства, независимой экономики, за поднятие жизненного уровня.

⁴⁵ В. Рид, Леопард, пер. А. Сергеева, М., 1961.

⁴⁶ М. Беккер, Книги Джона Хирна, «Иностранная литература», 1957, № 8, стр. 272—273.

⁴⁷ Подробнее см. М. Беккер, Прогрессивная негритянская литература США, Л., 1957, стр. 112, 123—124; «Народы Америки», т. I, М., 1959, стр. 491—492.

⁴⁸ Стихи их недавно опубликованы в первой вышедшей в СССР антологии вестиндской поэзии: «Время пламенеющих деревьев», М., 1961. Там же опубликовано несколько стихотворений Мак-Кэя и охарактеризовано его творчество.

С О О Б Щ Е Н И Я

Д. С. ВАРДУМЯН

АРМЯНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С победой Великой Октябрьской социалистической революции и установлением Советской власти армянский народ, как и все народы многонациональной России, вышел на широкий путь экономического и культурного роста. За годы социалистического строительства Армения достигла значительных успехов в развитии различных отраслей науки, в том числе и этнографии.

Армянская этнография пришла к Октябрю, располагая богатым наследием. Общеизвестны заслуги основоположника новой армянской литературы, великого просветителя-демократа Хачатура Абовяна (30—40-е годы XIX в.); первооткрывателя народного эпоса «Сасунци Давит» («Давид Сасунский»), этнографа-фольклориста Г. Срвандзтяна (60—80-е гг. XIX в.) и многих других, собиравших и изучавших материалы по быту, обычаям и культуре народа. В дореволюционных периодических изданиях — «Азгагракан андес» («Этнографический журнал», Тифлис, 1896—1916 гг.), основателем и одним из авторов которого был Е. Лалаян, «Эминян азгагракан жоховаци» («Эминский этнографический сборник», Москва, 1901—1911 гг.), двухнедельнике «Бюракан» (Константинополь, 1890-е годы) систематически публиковались статьи по этнографии армянского народа, освещающие отдельные стороны его быта и культуры.

С победой Советской власти перед этнографами Армении открылось широкое поле деятельности. Грандиозные задачи социалистического переустройства Армении требовали интенсивной работы по изучению особенностей общественного уклада, культуры и быта армянского народа. Эта работа обусловила возникновение ряда научных этнографических учреждений. В 1921 г. в Ереване был основан Художественный музей, реорганизованный вначале в Государственный центральный, затем в Культурно-исторический музей Армении. В 1922 г. ему были переданы материалы Армянского этнографического общества, в 1929 г. — этнографические экспонаты Эчмиадзинского музея. Таким образом, собранные до революции этнографические ценности были сконцентрированы в Ереване. В этом же музее проводилась исследовательская работа, получившая впоследствии широкий размах в Государственном историческом музее Академии наук Армянской ССР, созданном в 1935 г. на базе археологического, этнографического и архитектурного отделов Культурно-исторического музея. Большое значение для дальнейшего развития этнографии имели полевые исследования, проводившиеся в разных районах Армении.

Так, в 1924 г. Закавказской научной ассоциацией была организована экспедиция в Нагорный Карабах, Нагорный Курдистан и Зангезур, в которой приняли участие этнографы Ст. Лисициан, Г. Ф. Чурсин, И. П. Петрушевский и другие. Собранный материал Ст. Лисициан обобщил в описании армян Нагорного Карабаха, оставшемся неопубликованным. Г. Ф. Чурсин занимался в основном этнографией армян Зангезура¹. И. П. Петрушевский — изучением дохристианских верований в Нагорном Карабахе².

В последующие годы организация экспедиций шла по линии Кавказского историко-археслогического института Академии наук (КИАИ). Ст. Лисициан регулярно в 1927, 1928, 1930-х годах один или с группой выезжал в Мегри, Джавахк, Лори, Ширак, изучал в Ереване армян-переселенцев из Турции и Ирана. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Ряд статей Ст. Лисициана посвящен разработке вопроса о проис-

¹ Г. Ф. Чурсин, Армяне Зангезура, «Научные записки Закавказского коммунистического ун-та им. 26-ти», Тифлис, 1931, т. I, вып. 6.

² И. Петрушевский. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха, «Изв. Азербайджанского гос. научно-исследоват. ин-та», т. I, вып. V, Баку, 1930.

хождении характерных особенностей армянской архитектуры. обстоятельно изучив крестьянские постройки разных районов Армении, он пришел к выводу, что истоки классической армянской архитектуры берут свое начало в архитектуре народного жилища³. Работы Ст. Лисициана содержат также интересные наблюдения некоторых пережитков родопородного строя. Он рассказывает, например, о сохранившихся в быту шатахских армян (Шатах — высокогорная губерния Западной (Турецкой) Армении) обычаях, свидетельствующих о существовании здесь в прошлом «возрастных союзов»⁴.

Одновременно сбор этнографических материалов был организован Институтом науки и искусства Армении. В 1920-е годы по заданию Института Е. Лалаян проводил этнографическое, топографическое и археологическое обследование Котайкского (ныне Абовянского) района (вблизи Еревана). Он изучал быт коренных армян и армян-переселенцев, их взаимовлияния. В эти же годы Е. Лалаян приступает к обработке накопленного им в прошлом большого этнографического материала. Им публикуется ряд статей о ритуальных обрядах армян⁵. К сожалению, рукописи некоторых работ Е. Лалаяна, в том числе его монография «Кустарные промыслы в Армении»⁶, утеряны. Е. Лалаяном собраны также богатые фольклорные материалы (хранятся в архиве сектора фольклора Института археологии и этнографии АН Арм. ССР).

Особое место в армянской этнографии принадлежит Х. Самвеляну. Юрист по образованию, он еще в 1910-х годах был знаком с марксистским учением. В своих исследованиях Х. Самвелян широко использовал данные этнографии. Так, его труд «История древнеармянского права»⁷ построен в основном на этнографическом материале. В другом капитальном трехтомном труде «Культура древней Армении»⁸ Х. Самвелян умело использует этнографические материалы для обоснования ряда своих концепций. Совместно с Е. Лалаяном, Х. Самвелян занимался составлением библиографии армянской этнографии, но работа эта не была завершена (материалы хранятся в архиве Государственного исторического музея Армении).

Этнографами была проделана значительная работа и в области антирелигиозной пропаганды. Так, Х. Самвелян выступил под псевдонимом Ниманд с целой серией научно-популярных статей и брошюр, разоблачающих религиозные суеверия⁹.

В 1930-е годы была налажена систематическая музейная работа. Этнографическим отделом Государственного исторического музея Академии наук Армянской ССР проводится ряд экспедиций с целью пополнения фондов Музея. В 1931 г. группа этнографов под руководством Ст. Лисициана выехала в Сисианский и Горисский районы, в 1932 — в Мегринский и др. Были собраны ценные для экспонирования материалы — одежда, утварь, орудия труда. Предметы быта и культуры были получены Музеем также и у армян-переселенцев.

В результате пополнения музейных фондов стала возможной организация этнографических экспозиций, из которых особенно примечательной была выставка Зангезур-Мегри, открытая в 1934 г. и существовавшая на протяжении нескольких лет.

Таким образом, 1920—1930-е годы были годами развертывания этнографической работы в республике.

Проводилась эта работа главным образом представителями старшего поколения армянских этнографов, сумевшими в основном преодолеть влияние различных буржуазных школ, унаследованных от прошлого. Опираясь на свой многолетний опыт, этнографы проделали большую работу по собиранию и изучению этнографических материалов. Но в эти годы этнографы занимались изучением преимущественно архаических форм культуры и быта, пережитков первобытно-общинного строя. Правда, среди полевых материалов (в частности, Ст. Лисициана), хранящихся в Государственном историческом музее Армении, встречаются интересные наблюдения изменений в быту

³ Ст. Лисициан, К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский Карадам), «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та», Тифлис, т. III, 1925; его же, Крестьянские жилища Высокой Армении, там же, т. IV, 1926; его же, Историко-этнографические очерки Шатаха (из материалов по изучению жилищ Армении), там же, т. V, 1927; его же, Нор-Баязетский азарашенк и заметки о крестьянских жилищах соседних районов — Памбакского и Даралагызского, там же, т. VI, 1927; его же, Крестьянское жилище Мегринского района, там же.

⁴ Ст. Лисициан, Историко-этнографические очерки Шатаха.

⁵ Е. Лалаян, Развитие обычаев связанных с деторождением у армян, «Изв. Ин-та науки и искусства Арм. ССР», Ереван, 1930—1931, №№ 4—5; его же, Развитие похоронных обрядов и кладбищ в Армении, там же, 1928, № 3 (обе статьи на армянском языке).

⁶ Ст. Лисициан, Армянская этнография за 15 лет, «Сов. этнография», 1936, № 4—5.

⁷ Х. Самвелян, История древнеармянского права, Ереван, 1939 (на арм. яз.).

⁸ Х. Самвелян, Культура древней Армении, Ереван, т. I. 1931; т. II, III—1941 (на арм. яз.).

⁹ См. работы Х. Самвеляна (Ниманда): «Народные праздники армян», журн. «Верелк», Ереван, 1924, № 2—3; «Праздник богородицы (антирелигиозный очерк)», Ереван, 1928; «Кем был Христос», Ереван, 1930; «Рождение и крещение Христа», Ереван, 1930; «Церковные праздники», Ереван, 1930, и др. (все на арм. яз.).

и культуре народа в советское время, однако они носят отрывочный, случайный характер.

Существенным препятствием в развитии армянской этнографии было имевшее место отрицательное отношение к этнографии, недооценка этнографической науки. Затрудняла работу и почти полное отсутствие новых, молодых кадров этнографов. Подготовка этнографов в 1920—1940-е годы проводилась в Государственном историческом музее, где отдельные работники, имеющие высшее образование, под руководством Е. Лалаяна (1920-е годы) и Ст. Лисициана специализировались по этнографии. Лекции по этнографии читались также на историческом факультете Ереванского государственного университета и на географическом факультете Армянского педагогического института им. Х. Абовяна (до 1953 г.).

И в 1940-е годы изучение прошлого продолжает оставаться основным направлением в работе этнографов. Даже в опубликованном в 1946 г. обширном этнографическом вопроснике Ст. Лисициана¹⁰ не уделено должного внимания изучению современности. Вопросник Ст. Лисициана — третий в армянской этнографии¹¹, если не считать ряда вопросников по отдельным этнографическим темам, составленных Е. Лалаяном, Ст. Зелинским и другими, опубликованных в «Азгагракан андес».

Эта работа Ст. Лисициана содержит в строго систематизированном виде вопросы по антропологии, топонимике, хозяйственной жизни, материальной и духовной культуре, социальной жизни народа и является полезным пособием для всех, кто изучает армянскую этнографию. Но и в нем не разработаны вопросы для изучения изменений, происходящих в жизни армянского народа в условиях социалистического строительства, если не считать имеющегося в конце каждого раздела стереотипного вопроса: «А какие изменения заметны в этой области в советских условиях?».

Последней работой Ст. Лисициана были очерки по дореволюционной этнографии армян, вышедшие в свет после его смерти (скончался в 1947 г.). «Очерки» явились первой и успешной попыткой дать целостную картину этнографии армянского народа¹².

В период Великой Отечественной войны несколько сократился объем этнографической работы в республике, временно были прекращены экспедиционные поездки, возобновившиеся лишь в 1944 г.

В послевоенные годы в состав армянских этнографов влились новые кадры — к сожалению, крайне малочисленные, так как подготовке кадров до сих пор не уделяется нужного внимания. Так, в 1940-х годах через аспирантуру подготовлено всего три этнографа, которые проходили аспирантский курс в Ереване и в Москве, а в 1960 г. принят в аспирантуру только один человек.

Важным событием в работе армянских этнографов явилось Всесоюзное этнографическое совещание 1951 г., поставившее вопрос о необходимости сочетания научных этнографических исследований с конкретными задачами коммунистического строительства. В связи с этим в Армении осуществляется ряд организационных мероприятий. В целях усиления научно-исследовательской работы в 1953 г. в Институте истории Академии наук Армянской ССР на базе этнографического отдела Государственного исторического музея Армении была образована группа этнографии, а в июне 1959 г. был создан Институт археологии и этнографии АН Арм. ССР. Ныне в секторе этнографии Института археологии и этнографии АН Арм. ССР работают четыре старших научных сотрудника, кандидата исторических наук, два младших научных сотрудника, лаборант и аспирант. Сектор занимается сбором полевых материалов и разработкой различных тем по дореволюционной и современной этнографии армян.

Значительную работу проводят Кабинет этнографии (бывший Отдел этнографии) Государственного исторического музея Армении, создавший интересную экспозицию этнографических материалов, Институт искусства АН Арм. ССР, а также Музей истории Еревана, Дом народного творчества Министерства культуры Арм. ССР и краеведческие музеи республики¹³.

В послевоенные годы была значительно улучшена организация полевых этнографических исследований. Если в 1940-е годы предпринимались экспедиционные поездки в крайне ограниченном составе (1—3 чел.) и сбор материалов носил узко тематический характер, то с 1953 г. снаряжаются большие, довольно хорошо технически оснащенные научные экспедиции. В их составе, как правило, имеются фотограф, художник-архитектор, фототекарь с соответствующей аппаратурой, а вскоре будет возможность использовать уже приобретенную киносъемочную установку. Все это, конечно, не исключает и отдельных индивидуальных научных поездок.

¹⁰ Ст. Лисициан, Этнографический вопросник, Ереван, 1946 (на арм. яз.).

¹¹ Первый этнографический вопросник составил Г. Свандзтян. См. его книгу «Гроц и Броц», Константинополь, 1874 (на арм. яз.). В 1887 г. в Москве вышел обширный вопросник Гр. Халатяна «Программа армянской этнографии и национальных юридических обычаев» (на арм. яз.).

¹² Ст. Лисициан, Очерки этнографии дореволюционной Армении, «Кавказский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXVI, М., 1955.

¹³ В республике в настоящее время имеются семь краеведческих музеев (в Эчмиадзине, Камо, Кировакане, Степанаване, Дилижане, Иджеване, Горисе), в экспозициях которых используются этнографические материалы соответствующих районов.

В 1944—1960 гг. экспедициями было обследовано большинство районов Советской Армении. Полевые материалы собраны также в заселенных армянами Ахалкалакском Ахалцихском и др. районах Грузинской ССР, Батумском — Аджарской АССР, Сухумском — Абхазской АССР и селах Мясниковского района Ростовской области. Намечается приступить в ближайшие годы к сбору материалов среди зарубежных армян. Предприняты успешные попытки по организации комплексных научных экспедиций. Такая экспедиция была организована в Мясниковский район (1959 г.). В ее составе, кроме этнографов, были историки, диалектологи, фольклористы, музыковеды, специалисты прикладного искусства и др. В Иджеванском районе в 1960 г. работала этнографо-фольклорная экспедиция, в состав которой входили также специалисты по народной музыке и танцевальному искусству.

Характерно для послевоенных этнографических исследований то обстоятельство, что этнографы приступили к изучению быта и культуры рабочего класса республики. Причем новое в культуре и быте изучается не изолированно, а в тесной связи с историческими условиями, с учетом традиций народа. При сборе материалов используется «Этнографический вопросник» Ст. Лисициана, дополненный рядом вопросов по современности.

Армянские этнографы поставили перед собой задачу осуществить сплошное этнографическое обследование населения всех районов Советской Армении и заселенных армянами районов других республик Союза — с особым упором на изучение современности. Собранный материал частично уже использован в тематических работах и служит основой для обобщающих трудов, охватывающих все стороны быта и культуры народа. Так, в 1950-е годы опубликована работа автора этих строк «Новый быт лорийцев»¹⁴ и несколько статей по армянской колхозной семье и жилищиу¹⁵.

Ряд работ подготовлен к печати: «Семейные и родственные отношения колхозников Арташатакского района» (В. Бдоян), «Семья и семейный быт колхозников Армении» (Д. Вардунян, Э. Карапетян), «Быт и культура рабочих Ереванского станкостроительного завода им. Дзержинского» (Э. Карапетян), «Быт и культура рабочих текстильной промышленности Армении» (В. Темурчян).

Продолжается разработка проблем семьи и семейного быта, причем наряду с изучением советской армянской семьи исследуются вопросы, связанные с семейной общиной и свадебными обычаями прошлого¹⁶. Ведется изучение пережитков родового строя (Э. Карапетян), некоторых вопросов, касающихся специфики родственных отношений у армян¹⁷.

Внимание этнографов привлекает и богатое армянское прикладное искусство: ковроделение (В. Темурчян), вышивки (С. Давтян) и т. д. Художником-этнографом А. Патриком проведена большая работа по изучению армянской национальной одежды. Его труд снабжен богатым иллюстративным материалом. Автор, например, составил цветную карту распространения армянского национального костюма (на основе материалов второй половины XIX в.)¹⁸.

Разрабатывались этнографами также темы, относящиеся к религиозным воззрениям и культу. Опубликована статья «Некоторые следы земледельческого культа у армян» (В. Бдоян)²⁰, подготовлены работы: «Культовые богини Анаит» (К. Мелик-Пашаян), «Культовые воззрения природы у армян» (А. Одабашян) и др. Авторы этих работ приходят к заключению, что в основе верований армянских народных масс лежал культ природы во всем ее многообразии; пережитки этого культа сохранились до начала XX в. и даже до наших дней, тогда как официальная христианская религия всегда была чужда духу народа.

Изучению весьма интересной области духовной культуры — армянских народных игр посвящено находящееся в процессе издания исследование В. Бдояна. Некоторое представление об этой работе можно составить по статье автора, посвященной проявляющимся в играх социально-политическим мотивам²¹.

Значительная работа проделана в области собирания и изучения этнографических материалов по отдельным группам армян. Уже подготовлена к печати работа «Армяне-

¹⁴ Д. Вардунян, Новый быт лорийцев, Ереван, 1956 (на арм. яз.).

¹⁵ В. Бдоян, Армянское колхозное жилище в этнографическом отношении, «Изв. АН Арм. ССР», 1955, № 4; е го же, Семейные отношения армянских колхозников, там же, 1956, № 7 (обе на арм. яз.).

¹⁶ Э. Карапетян, Выкуп в свадебных обычаях армян и его социально-экономические корни, «Труды Гос. исторического музея Армении», т. III, Ереван, 1950; е е же, Армянская семейная община, Ереван, 1958; е е же, Институт домашних рабов в Армении, «Изв. АН Арм. ССР», 1957, № 9 (на арм. яз.).

¹⁷ В. Бдоян, Кровно-родственный «азг» и родственные отношения у армян, «Сов. этнография», 1952, № 1.

¹⁸ В. Темурчян, Ковроделение в Армении, Ереван, 1956 (на арм. яз.), С. Давтян, Искусство армянского рукоделия (работа готовится к публикации).

¹⁹ Карта опубликована в журн. «Советакан Айастан», Ереван, 1958, № 3 (на арм. яз.).

²⁰ См.: «Труды Гос. исторического музея Армении», т. III, Ереван, 1950.

²¹ В. Бдоян, Огłosки политических и социальных событий в некоторых армянских играх, «Изв. АН Арм. ССР», Ереван, 1958, № 2 (на арм. яз.).

Гамирка» (В. Темурчян)²², «Материалы по этнографии Дерсима» (Г. Аладжян) «Материалы по этнографии Сасуна» (Э. Карапетян), «Дореволюционный и советский быт сасунцев» (В. Петоян) и др. По районам Гамирка, Дерсима и Сасуна (ныне турецким) работы написаны также авторами-переселенцами из Западной Армении с использованием ранее собранных ими полевых материалов.

Осуществлена также разработка некоторых историко-теоретических вопросов армянской этнографии. Опубликован ряд статей о достижениях и задачах советской армянской этнографии²³, а также по оценке армянского этнографического наследия²⁴. В настоящее время готовится работа по истории армянской этнографии с древнейших времен до 1920 г. (К. Мелик-Пашаян).

Большая работа проводится в Государственном историческом музее Армении, где продолжается пополнение и разработка этнографических фондов, создаются новые экспозиции (например, экспозиция, посвященная истории армянского народа в XIX в.).

В Советской Армении, особенно в последнем десятилетии, осуществлялось этнографическое изучение курдов Закавказья. Так, курдский этнограф А. Авдал в тесном сотрудничестве со своими армянскими коллегами в течение ряда лет собирал полевые материалы среди курдов мусульман и езидов Армении, а также Грузии и Азербайджана. Им написан ряд работ о весьма своеобразном быте, обычаях и верованиях курдов и коренных изменениях, происшедших в их жизни за годы Советской власти. А. Авдал на живом этнографическом материале сумел показать, как прежде отсталое, почти поголовно неграмотное курдское население превратилось в активных участников колхозного строительства, создало свою письменность и литературу, свою национальную культуру²⁵.

Накопленный армянскими этнографами материал использован в разделе «Армяне» тома «Народы Кавказа» серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Основная часть раздела (около 20 печатных листов) с богатым иллюстративным материалом (карты, схемы, чертежи, фотоснимки, картины и т. д.) и библиографией подготовлены Сектором этнографии Ин-та археологии и этнографии АН Арм. ССР²⁶. Сектором подготовлен и раздел «Армяне» в изданной Институтом этнографии АН СССР книге «Очерки общей этнографии»²⁷.

В настоящее время продолжается работа по сплошному этнографическому обследованию районов Советской Армении. Составлена специальная карта этнографических районов Армении²⁸. Ведутся исследования современного быта и культуры населения Иджеван-Тавушского этнографического района, изучаются преобразования ремесленнических традиций в условиях современного рабочего быта города Лениакана и т. д.

В послевоенные годы усилилась связь этнографов Армении с этнографическими центрами Союза, в первую очередь с Институтом этнографии АН СССР, а также с

²² Некоторые вопросы ранее освещены автором в ряде статей: см. В. Темурчян, Переселение армян в Гамирку (XI век), «Изв. АН Арм. ССР», 1955; его же, К вопросу обоснования киммеров в Антитаврской стране, там же, 1957, № 9 (обе на арм. яз.).

²³ См. Ст. Лисициан, Армянская этнография за 15 лет, «Сов. этнография», 1936, № 4-5; Д. Вардумян, Этнографическая работа в Армении в пятом и шестом пятилетиях, «Сов. этнография», 1956, № 3; Э. Карапетян, Д. Вардумян, О некоторых задачах армянской советской этнографии, «Изв. АН Арм. ССР», 1952, № 1.

²⁴ В. Бдолян, Гарегин Сврандзтян как этнограф, журн. «Эчмиадзин», 1946, № 1 (на арм. яз.); Э. Карапетян, К 60-летию армянского этнографического периодического издания «Азгатракан андес», «Сов. этнография», 1956, № 2; А. Одабашян, Хачик Самвелян — этнограф, «Изв. АН Арм. ССР», 1958, № 11 (на арм. яз.).

²⁵ А. Авдал, Курдская женщина в патриархальной семье по этнографическим и фольклорным материалам, «Труды Гос. исторического музея Армении», Ереван, 1948, № 1 (на арм. яз.); его же, Кровавая месть среди курдов и ликвидация ее пережитков в советских условиях, там же, 1952, № 2; его же, Курдская этнография и фольклор и их изучение в Советской Армении, «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952; его же, Быт курдов Армении, «Изв. АН Арм. ССР», 1953, № 12 (на арм. яз.); его же, Быт курдов Закавказья, Ереван, 1957 (на арм. яз.); его же, Патронимия у курдов Армении в XIX в., «Сов. этнография», 1959, № 6. Из неопубликованных работ А. Авдала укажем: «Культы езидов и процесс ликвидации их пережитков в советских условиях»; «Этнография курдов-езидов Талинского и Апаранского районов Армянской ССР»; «Перестройка курдской деревни в Советской Армении».

²⁶ Основными авторами раздела «Армяне» являются: С. Еремян, Ст. Лисициан, Д. Вардумян, Э. Карапетян.

²⁷ «Очерки общей этнографии (Азиатская часть СССР)», под ред. С. П. Толстова. М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, М., 1960.

²⁸ Составлена Д. Вардумяном. Кроме этой карты, имеются составленные Х. Авдалбегяном этнографические карты Армении для разных периодов истории. См. Х. Авдалбегян, Этнографическая карта Армянской ССР, «Список населенных пунктов Армянской ССР», Ереван, 1936 (на арм. яз.); его же, Этнографическая карта Восточной Армении (I. До воссоединения с Россией, 1827 г.; II. После воссоединения с Россией, 1929—1832 гг., по данным «Камерального описания», Ереван, 1960 (находятся в экспозиции Гос. исторического музея Армении).

этнографами соседних республик — Грузии и Азербайджана. Становятся традиционными ежегодные научные сессии и совещания в Москве, в которых принимают активное участие и армянские этнографы. Во время этих встреч обсуждаются основные задачи, стоящие перед этнографической наукой, меры к их успешному решению.

Армянские этнографы участвуют в подготовке новых публикаций Института этнографии АН СССР. Так, для Историко-этнографического атласа Кавказа ими готовятся карты Армении. Уже проделана значительная работа: тематически разработаны разделы, подготовлены темы по земледелию (В. Бдоян), скотоводству (В. Темурчян), жилищу (Д. Вардумян) и одежде (А. Патрик).

Следует, однако, отметить, что накопленный этнографами Армении богатый полевой материал слишком медленно входит в научный оборот. Правда, о результатах полевых исследований докладывается на ежегодных ученых советах и сессиях в Ереване и Москве и материалы эти частично используются в научно-исследовательских работах, но этого недостаточно. Необходимо организовать публикации материалов хотя бы в форме обширных экспедиционных отчетов и тем самым сделать их доступными для широкой научной общественности²⁹.

Этнографы Армении, изучая глубоко и всесторонне культуру и быт армян, помогут внедрить лучшие традиции этой культуры в повседневную жизнь народа, строящего коммунистическое общество, помогут понять сложный и интересный процесс формирования нового быта.

²⁹ До сих пор издано лишь несколько весьма кратких предварительных отчетов. См.: Е. Л а л а я н, Котайк (отчет), «Изв. Ин-та науки и искусства Арм. ССР», Ереван, 1927, № 2 (на арм. яз.); Ст. Л и с и ц и а н, Сообщение о результатах командировки в Дсег и Узунляр для обследования крестьянских жилищ Лорийского района, «Бюллетень КИАИ», Тифлис, 1929, № 5; его же, Предварительный отчет о поездке в Акулисский район, там же; Д. В а р д у м я н, Некоторые материалы по этнографии армян, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIII, М., 1960.

Г. Н. ЧАБРОВ

«КАШГАРСКИЙ» ФАРФОР В СРЕДНЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Китайская фарфоровая посуда с давних времен высоко ценилась среднеазиатским населением: китайский фарфор коллекционировали еще современники великого Алишера Навои. Знатоки и ценители китайского фарфора были в русском Туркестане. Коллекции китайского фарфора собирали среднеазиатские мастера-керамисты, передававшие их по наследству.

После присоединения Средней Азии к России русские этнографы обратили внимание на широкое распространение среди населения Туркестана китайского фарфора. Одним из первых об этом фарфоре упомянул русский офицер А. П. Хорошкин. Описывая убранство комнат женской половины узбекского жилища, он отметил, что в стеновых нишах стояли как украшения «китайские, кашгарские и русские чашки». Противопоставление собственно китайского фарфора «кашгарскому» он делал потому, что узнал о поступлении этой фарфоровой посуды из Кашгара¹.

Врач И. Л. Яворский обратил внимание на довольно широкое использование китайской фарфоровой посуды в быту пришлого русского населения.

Пользование казахами китайским фарфором отмечал в 1866 году русский востоковед П. И. Пашино².

Приступая к обзору «кашгарского» фарфора, т. е. китайского фарфора, изготовлявшегося для среднеазиатского рынка, следует отметить, что изделия этого рода очень долго были в пренебрежении у коллекционеров и музейных работников Средней Азии. Создалось предубеждение к нему, как к «кашгарскому», а не настоящему китайскому, хотя еще Яворский отмечал, что название это неправильно и вещи эти «собственно не кашгарские, а низший сорт китайских, привозимых из Китая в Кашгар, а оттуда в Туркестан»³.

В музеях Средней Азии изделия этого типа стали экспонироваться только в советское время, по большей части под названием «кашгарского фарфора».

Однако до сих пор еще нет полной ясности в вопросе о типах этого фарфора, не расшифрованы марки, какими клеймили его китайские фабриканты.

Литература о китайском фарфоре, изготовлявшемся для Средней Азии, чрезвычайно бедна. Лишь Э. Х. Вестфален и М. Н. Кречетова дают довольно подробные сведения о китайском фарфоре, вырабатывавшемся, начиная с XVIII века, на вывоз в Монголию, Тибет и Среднюю Азию⁴. Многочисленные же новейшие исследования западноевропейских специалистов совершенно не касаются этого вопроса.

* * *

В музеях Узбекистана находится значительное количество китайских фарфоровых изделий, ввезенных в Среднюю Азию в XVIII—XIX вв. Известен и ряд частных собраний китайского фарфора. Одно из таких собраний принадлежит автору этой статьи.

Многолетнее изучение этого обширного материала позволило нам установить ряд характерных черт, отличающих фарфор, экспортированный в Среднюю Азию, от одновременно производившихся в Китае изделий для внутреннего рынка.

Наиболее ранние из поступавших в Среднюю Азию вещей разительно напоминают по характеру своей росписи изделия, предназначавшиеся для китайского рынка. Так,

¹ А. П. Хорошкин, Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 43, 84.

² «Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки П. И. Пашино», СПб., 1868, стр. 87.

³ И. Л. Яворский, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., СПб., 1882, стр. 161—162.

⁴ Э. Х. Вестфален и М. Н. Кречетова, Китайский фарфор, Л., 1947; Г. Чабров, Рецензия в журн. «Сов. книга», 1948, № 10.

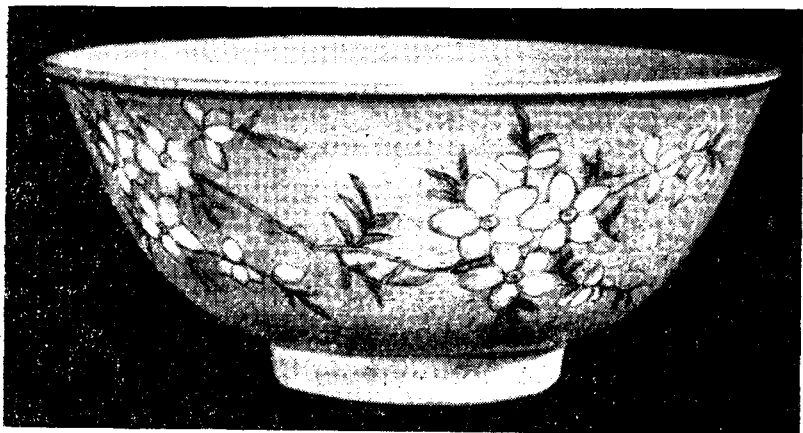

Рис. 1. Чаша-каса с гравированным узором и росписью цветными эмалями.
Цзяцин (1796—1821).

Р. Хобсон⁵ описал тонкую фарфоровую чашу с золотым ободком (из собрания Дж. Евморфопулос, Лондон) по цветному фону с гравированным узором, которая расписана свисающими ветвями роз и ирисов в духе так называемого «розового семейства». Вещь с совершенно такой же росписью, но с более грубым черепком, оказалась в нашем собрании (рис. 1)⁶. Столь же велико сходство другой вещи из собрания Евморфопулос с чашей из нашего собрания (рис. 2). Лондонская чаша относится к периоду 1736—1793 гг., а наша — к следующему периоду 1796—1820 гг. Эти примеры свидетельствуют, что вещи, вывозившиеся в Среднюю Азию в конце XVIII — начале XIX в., подражали современным им изделиям для внутреннего рынка Китая.

В конце XVIII в. в Среднюю Азию попадали преимущественно чайники, вазы, аптекарские банки и сосуды для риса, расписанные цветными эмалями по ярко-желтому фону. К началу XIX в., когда производство посуды для среднеазиатского рынка было уже налажено, начинают изготавливаться чаши для жидкой пищи — «каса». Высота их составляла от 65 до 81 мм, диаметр 165—175 мм, диаметр ножки — 60—70 мм⁷.

Уже в конце XVIII в. для среднеазиатского рынка изготавливались «каса» с росписью нескольких типов. В одном случае поверхность чаши, сплошь покрытая разбрызганным подглазурным кобальтом, расписывалась поверх него золотом, преимущественно растительными орнаментами.

В другом случае роспись производилась цветными эмалями по разноцветным, с гравировкой по тесту, фонам: желтому, фисташковому, красно-вишневому, темно-синему. Чаше всего изображалась ветка с цветами и листьями, реже — так называемые «жемчужины». Исключительно редко встречаются вещи, описанные нами выше (рис. 1). Розовая эмаль наложена здесь нарочито неровно, создавая впечатление «апельсиновой кожи» (китайский термин).

Вещей, относящихся к годам правления Цзяцин (1796—1821), встречается гораздо больше, чем вещей более ранних периодов. Это свидетельствует о расширении емкости среднеазиатского рынка, уже хорошо знакомого с китайским фарфором. В этот период изготавливаются главным образом чаши — каса тех же размеров. Но наряду с ними ввозятся чаши значительно больших размеров. У среднеазиатского населения они получили характерное название «шакаса», что значит «шахская» или «царская чаша». Такое название было присвоено не только за размеры, но и за яркое, красочное оформление этих изделий. Высота их — от 85 до 93 мм, диаметр — 207 до 220 мм, диаметр ножки — 86—100 мм. Роспись этих эффектных вещей производилась отчасти по выработанным ранее образцам. Но теперь изменяются расцветки фонов: прежние желтые, фисташковые, зеленые и розовые фоны сменяются блеклыми оттенками красного и синего цвета, на которых эффектно выделялись зелень и розовые тона цветов и листьев. В орнаменте широко распространяются «жемчужины» — круглые медальоны, заполненные разноцветными геометрическими узорами. Вещи с росписью такого

⁵ R. Hobson, Catalogue of the chinese, corean and persian pottery and porcelain. London, табл. 14, E. 325.

⁶ Все иллюстрации являются фотографиями вещей из собрания автора.

⁷ Обычно при обмерах ограничиваются высотой и диаметром изделий. Мы вводим третий показатель — диаметр ножки. Опыт показывает, что между этими величинами существовали определенные соотношения, характерные для каждого периода и имеющие значение для правильной атрибуции вещей при сопоставлении с марками.

Рис. 2. Чаша-каса, расписанная красным по розовому фону. Цзяцин (1796—1821)

типа (рис. 3) китайцы дарили людям творческого труда — художникам, писателям, ученым.

В рассматриваемый период появляется много совершенно новых способов декорирования изделий. Среди них выделяются вещи типа так называемого «черного семейства», расписанные по черному фону растительными узорами зеленого цвета. На черном фоне ярко выделялись четыре большие розовые хризантемы, украшавшие наружную поверхность вещи. На шакасе этого типа роспись имеется и внутри; по верхнему борту идет довольно широкий бордюр из зеленых листьев и розовых цветов. На донышке чаши, в круглом медальоне, изображался розовый персик на фоне зелени.

В большом количестве производятся в это время вещи, имитирующие старинные сорта китайского фарфора, известные в Европе под названием селадон. Наружная поверхность таких изделий сплошь покрывалась эмалью различных оттенков бледно-зеленого тона, напоминающего цвет нефрита. Имитируя эти вещи, китайские керамисты воспроизводили даже присущую древним изделиям особенность — коричнево-желтый ободок (так называемый «коричневый рот»), идущий по верхнему краю сосудов.

Довольно часто встречаются вещи, расписанные цветными эмалями по селадонному фону. Распространенным мотивом было изображение ствола дерева с лиственными ветвями, покрытыми розовыми цветами (рис. 4). Так расписывались каза и вещи меньшего размера, получившие название «нимкаса», в это время, впрочем, довольно редкие.

Рис. 3. Чаша-каса с гравированным узором, украшенная изображениями «жемчужин». Цзяцин (1796—1821)

Рис. 4. Чаша-каса, расписанная цветными эмалями по фону «селадон». Цзяцин (1796—1821)

Шакаса с селадоновой поверхностью расписывалась иначе: блекло-синим тоном рисовались тувовые горки и цветы, а внутренняя поверхность расписывалась подобно вещам «черного семейства».

Для среднеазиатского рынка изготовлялось также множество вещей, расписанных разноцветными эмалями по белому фону.

Наиболее распространенные мотивы росписи — изображения бутонов и листьев разнообразных растений: цветов, например: лотоса (рис. 5), пионов, хризантем и др.; различных плодов: персика, айвы, граната, плода растения «жужуб». Распространены также изображения иероглифов, обозначающих благопожелания, по большей части иероглифа «шоу» (долголетие).

Появляются, вначале в небольшом количестве, каса и шакаса с изображениями пионов, лотосов, цветущих ветвей, исполненных цветными эмалями по ярким цветным фонам: желтому, голубому, розовому (рис. 6).

Таковы характерные признаки китайских изделий для Средней Азии конца XVIII — начала XIX века.

Очень широкий размах производство фарфора для среднеазиатского рынка получает со времени правления императора Даогуана (1821—1851). Вещи, изготовленные в эти годы, встречаются несравненно чаще, чем изделия предыдущих периодов. В это время совершенно исчезают излюбленные в свое время типы росписи. Так, совершенно исчезает роспись золотом по сплошному кобальтовому фону. Не делают больше вещей с гравировкой по тесту с цветными фонами, исчезают и вещи «черного семейства».

Рис. 5. Чаша-каса с росписью цветными эмалями по белому фону. Цветы и листья лотоса. Цзяцин (1796—1821)

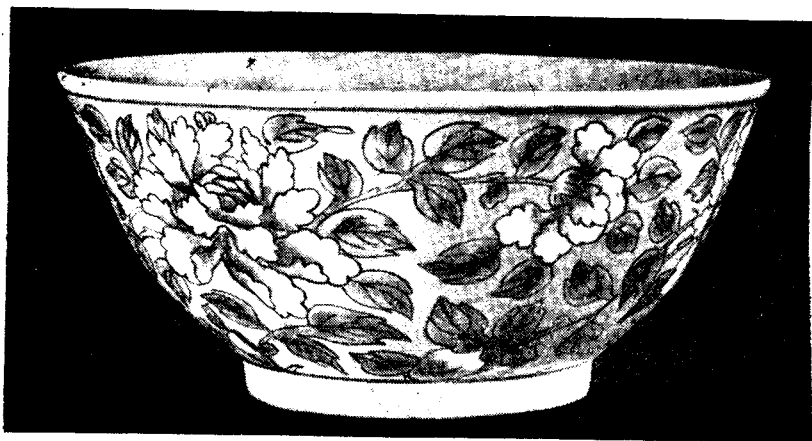

Рис. 6. Чаша-шакаса с росписью цветными эмалями по желтому фону.
Цзяцин (1796—1821)

Изменяются и размеры изделий, сохранявшиеся в течение целого столетия. Высота касы составляет теперь 60—85 мм, а диаметр — от 160 до 173 мм. Диаметры ножек становятся меньше: от 60 до 70 мм. Совершенно исчезают из употребления шакасы.

Селадоновые изделия сохраняются, но и в них происходят существенные изменения. Все чаще встречаются теперь росписи в характере «зеленого» и «розового» семейств, сочетающие изображения цветов и плодов с благопожелательными иероглифами (главным образом иероглифом «шоу»). Иногда эмалью глубокого синего тона рисуются изысканные изображения бабочек. Однако такие вещи очень редки.

Сохраняя традиционные приемы росписи цветными эмалями по белому фону, китайские керамисты и здесь находят новые решения. Появляются изделия с изображениями пяти разноцветных плодов. Характерно, что гранат обычно изображается надрезанным для того, чтобы была видна его зернистая сердцевина: плод этот считался символом плодородия и изобилия. Изображения плодов сочетаются с благопожелательными иероглифами. Наряду с иероглифом «шоу» появляется иероглиф «си» (радость), нередко они повторяются в росписи по три-четыре раза.

Роспись цветными эмалями по ярким цветным фонам, дотоле встречавшаяся лишь на шакасах, ныне переходит и на касы.

Традиционный растительный орнамент теперь обогащается совершенно новыми мотивами, взятыми с изделий, предназначавшихся для внутреннего рынка Китая, как, например, изображения жезла исполнения желаний «юй», летучих мышей — символа благополучия и довольства и др. Нередко они сочетаются с благопожелательными иероглифами.

Среди вещей, расписанных по белому фону цветными эмалями, появляются, например, изображения небольших букетиков цветов, расположенных в двухъярусных арочках. Появляются, наконец, изделия, расписанные характерной жидкой (никогда не дававшей обычного для китайских цветных эмалей рельефа) эмалью ржаво-красных оттенков, основой для которых служила окись железа. В росписи вещей этого типа распространен цветочный орнамент, нередко в сочетании с иероглифами «си» и «шоу».

Очень красивы касы, расписанные цветными эмалями по ярким цветным фонам. Присущая этим вещам свобода и некоторая небрежность в росписи придает им особую прелесть.

Но наряду с тщательно исполненными вещами во множестве появляются изделия, обнаруживающие поспешность или неопытность художника: изображения цветов теряют свою конкретность и выразительность и превращаются в простые декоративные пятна, нередко, впрочем, весьма эффективные.

Примером может служить касы из нашего собрания (рис. 7): фон ее бледно-зеленый, цвета гороховых стручков, листья темно-зеленые, цветы написаны розовой, желтой и белой эмалью, сравнительно редко применявшейся китайскими керамистами. Вещей этого типа с росписью по розовому, голубому, желтому фону ввозилось много. В их росписях, кроме цветов и плодов, встречаются также изображения летучих мышей и реже — жемчужины. Толстый черепок и грубая роспись — свидетельства дешевизны этих вещей, которые становятся поэтому излюбленными среди небогатых горожан.

В XX веке в Среднюю Азию проникают вещи, расписанные цветными эмалями по белому фону с использованием специфических китайских мотивов, например эмблем восьми даосских гениев.

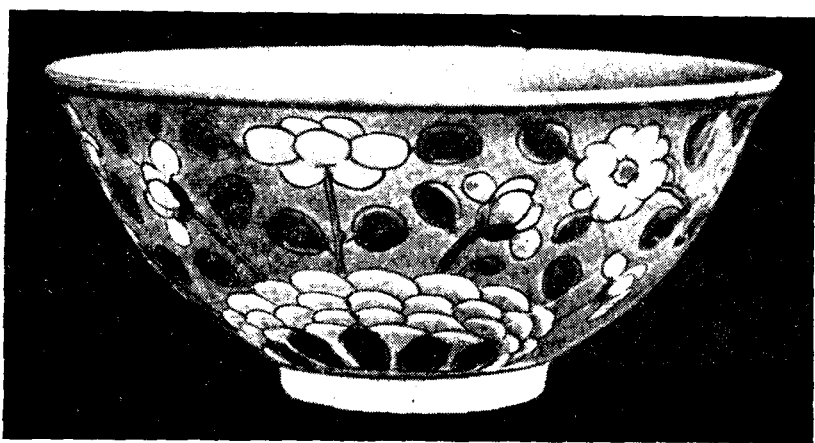

Рис. 7. Чаша-каса с росписью цветными эмалями по зеленому фону.
Даогуан (1821—1851)

Середина XIX века резко ограничивает «золотой век» китайского фарфора, изготовлявшегося для Средней Азии. Народные восстания против императорской власти во внутренних провинциях Китая, а затем восстания уйгуров в Восточном Туркестане ограничивают ввоз китайского фарфора в Среднюю Азию в 50-х — начале 70-х годов. Во второй половине века столь художественные вещи уже не производятся, хотя количество ввозимого в Среднюю Азию фарфора с начала 70-х гг. резко увеличивается. Привозные китайские вещи приобретают стандартный характер и теряют свои художественные качества. Теперь вместо касы в большом количестве ввозятся «нимкасы» (высота 60—66 мм, диаметр — от 116 до 166 мм, диаметр ножки — от 52 до 58 мм) и пиялы (высота 55—60 мм, диаметр 110—115 мм, диаметр ножки — 46—57 мм).

Росписи вещей становятся однообразными. Преобладают изображения цветов и плодов с благопожелательными иероглифами, выполненные цветными эмалями по белому фону. Изредка встречаются вещи, расписанные по цветным фонам — желтому, синему и др. Появляются изделия, расписанные по белому фону жидким золотом.

Бытование в Средней Азии большого числа изделий с марками времени правления императора Тунчжи (1862—1874) на первый взгляд необъяснимо: ведь именно в это время в Китае полыхало пламя народных восстаний. Однако дело объясняется просто: фабриканты и в эти годы не прекращали производства, и когда наступили времена более спокойные — поток изделий, накопившихся на складах заводов и перекупщиков, хлынул в Кашгар и Туркестанский край.

Теперь китайцы вырабатывают посуду, хорошо приспособленную к местным потребностям. Привозные вещи очень близки по своим размерам к среднеазиатской глиняной посуде.

Пропорции касы и пиялы несколько изменяются: высота касы теперь варьирует в пределах 50—60 мм, диаметр — от 145 до 165 мм, диаметр ножки — 55—57 мм. Пиялы изготавливаются высотой в 45—65 мм, диаметром 100—120 мм, с диаметром ножки 45—67 мм.

В большом количестве ввозятся теперь сосуды, которые китайцы применяли для рисовой пищи: это особой формы банки с крышками, высотой в 105—126 мм, диаметром в 65—68 мм и диаметром ножки — 58—68 мм. В росписи таких вещей преобладают цветные эмали, которыми наносятся изображения цветов, плодов, иероглифов, птиц. Новшеством является сочетание росписей с нанесенными черной эмалью строками иероглифического текста. Появляется очень много вещей, расписанных красно-железной эмалью плохого качества.

Наиболее интересными в указанный период можно считать вещи, покрытые ярко-оранжевой поливой, по которой располагаются белые силуэтные изображения цветов. Это главным образом — нимкасы (высота 65 мм, диаметр 120 мм, диаметр ножки — 55 мм).

В громадных количествах изготавливаются пиялы и касы с росписями, имитирующими узоры вышивок. Излюбленными фонами таких вещей были оттенки синего, зеленого, розового, желтого цвета.

В очень большом количестве ввозятся также разнообразной формы вазы и вазочки для цветов («гульдон»).

Появляются чрезвычайно разнообразные по размерам блюда, как плоские, так и с высокими отогнутыми краями. Первые носили название «табак», вторые — «чукур-табак». Расписывались они преимущественно в духе подражаний вышивкам. Наружная поверхность чукур-табак обычно украшалась нанесенными красной краской изображе-

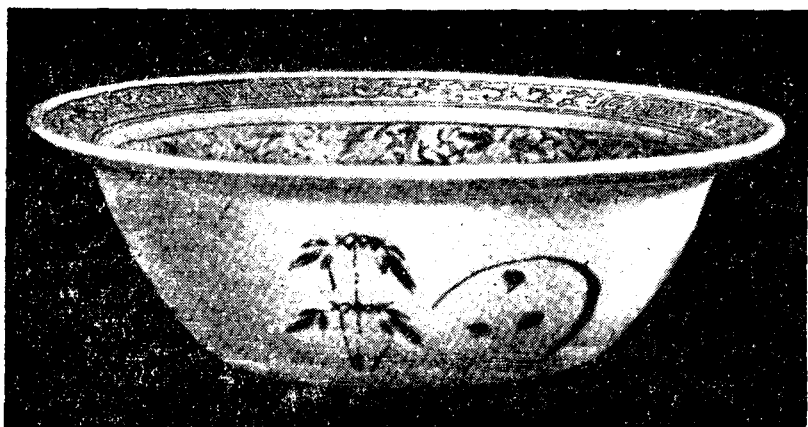

Рис. 8. Чукур-табак (глубокое блюдо) с отогнутым краем. Внутри расписано цветными эмалями по розовому фону. По борту красный узор — побеги бамбука. Вторая половина XIX века

ниями побегов бамбука (рис. 8). Часто они украшены растительным орнаментом, выполненным подглазурной росписью кобальтом. Вазы и блюда никогда не имели марок.

В конце XIX — начале XX века, когда среднеазиатский рынок был буквально наводнен дешевым китайским фарфором, каза с синей подглазурной росписью можно было встретить в любой чайхане и ашхане (столовой) крупных городов Туркестана. Особенно широко были представлены чашки, известные среди местного населения как посуда «цвета джиды»: зеленоватый тон черелка напоминал цвет листьев джиды.

Наряду с китайским фарфором бытуют и русские имитации его, прекрасно передававшие характер рисунка и росписи; но даже самые искусные русские имитации никогда не передавали яркость тонов и характерный толстый слой настоящих китайских цветных эмалей, лежащих на изделиях четко ощутимым рельефом. Фабрики Гарднера — первыми начавшие вырабатывать фарфор для среднеазиатского рынка, Кузнецова и Корнилова становятся широко известными местному населению.

Этнографические исследования начала XX века обычно уже не упоминают о наличии китайского фарфора в интерьере жилища средних слоев среднеазиатского населения, его заменили вещи русского производства или простые глиняные изделия местных ремесленников.

Сопоставляя размеры местных глиняных и фаянсовых изделий с размерами китайских вещей того же назначения, нетрудно убедиться в том, что китайские фарфоровые фабриканты прекрасно применялись к потребностям среднеазиатского рынка, который обслуживали в течение полувека. Местные блюда для плова — табак — обычно делались до 80 см в диаметре, таковы же размеры и китайских фарфоровых блюд, расписанных узорами, подражающими вышивкам. Любопытно, что в их орнаменте распространен мотив побега с бутонами, которые при любом цветном фоне остаются белыми. Этот узор местное население не без основания считало изображением коробочки хлопка.

Совпадали и размеры чашек для жидкой пищи — шакаса; здесь они делались диаметром до 20 см при высоте в 6 см, эти же размеры характерны для китайских изделий.

Один из лучших знатоков дореволюционной художественной керамики Узбекистана мастер-керамист М. К. Рахимов установил, что в росписи среднеазиатских фарфоровых и особенно фаянсовых изделий проникли узоры, форма и названия которых бесспорно свидетельствуют об их китайском происхождении.

Приводя в своем исследовании рисунки орнаментальных мотивов, носивших названия «тукмак» (топор), «тумар-тыш» (зубцы талисмана), «тыш» (зубцы) и «бостирма» (разновидность меандра — Г. Ч.), Рахимов прямо утверждает, что эта орнаментация, которой пользовались «исключительно риштанские кустари», заимствована ими «из кашгарских расписных изделий»⁸. Следует отметить, что рисунок узора, известного под названием «топор» (в Китае — эмблема счастья) и среднеазиатский «тукмак» — равнозначны. М. К. Рахимов отмечает, что особенно охотно вдохновлялись узорами с китайских фарфоровых изделий риштанские мастера «чининсоны» и «ок-пазы», т. е. мастера, выпускавшие изделия с белым поливом. От одного старого риштан-

⁸ М. К. Рахимов, Научные материалы по художественной керамике Узбекистана. Ташкент, 1938, стр. 59 (Рукопись, Музей искусств Узбекской ССР в Ташкенте).

ского мастера исследователь узнал, что «сложный кашгарский орнамент» чаще всего применялся на заказных блюдах, изготовлявшихся специально для украшения комнат.

Использование элементов китайской орнаментации среднеазиатскими керамистами всегда носило характер творческой переработки. Однако китайское их происхождение четко раскрывается в названиях этих узоров. Так, китайский орнаментальный мотив «юй» (жест счастья), применявшийся для росписи борта сосудов, применялся для этой же цели и в Средней Азии, где он назывался «куббаса гуль». Традиционный для китайской орнаментики цветок лотоса узбекские керамисты трансформировали в духе национальной орнаментации; узор этот получил широкое распространение под названием «чинны гуль» или «чинны бута гуль» (т. е. «фарфоровый цветок» или «цветок фарфорового куста». — Г. Ч.).

О китайском происхождении свидетельствуют названия и других орнаментальных мотивов, например, «чинны гуль», «хитой гуль», «бугма хитойча», «кашкар гуль», «хитой барг» и «чинны бута».

К началу XX века местная продукция все больше вытесняется привозными фабричными фарфоровыми изделиями, и ранее широко распространенное производство местных фаянсов, подражавших китайским фарфоровым изделиям — «чинны созлык», совершенно исчезает⁹.

⁹ М. К. Рахимов, Указ. раб., стр. 141, 147, 198.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛОШАДЕЙ В УРОЧИЩЕ АЙРЫМАЧТАУ (ФЕРГАНА)¹

Замечательные изображения лошадей на скалах в юго-восточной части Ферганской долины известны давно². В 1939 г. М. Е. Массон с группой сотрудников экспедиции археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала осмотрел наскальные изображения Аравана и Айрымачтау и составил их описание. По стилистическим особенностям эти изображения были отнесены им ко второй половине первого тысячелетия до н. э. и правильно сопоставлены с известиями китайских хроник о породистых конях, которыми славилась Давань — древняя Фергана во II—I вв. до н. э.³

Дальнейший шаг в изучении араванских изображений был сделан А. Н. Бернштамом. В сентябре 1946 г. Тяньшано-Алайская археологическая экспедиция повторно обследовала изображения коней на скале возле с. Араван, примерно в 25 км к западу от г. Ош. В 1948 г. появилась специальная работа А. Н. Бернштама⁴, опубликованная одновременно со статьей М. Е. Массона на эту же тему⁵. Наряду с обстоятельным описанием, в статье А. Н. Бернштама дана яркая характеристика историко-культурного значения этих изображений, документально подтверждающих существование культа коня в древней Фергане и посвященных идее размножения лошадей. Сопоставляя эти памятники с сообщениями китайских источников о содержании знаменитых коней в городе Эрши, А. Н. Бернштам высказал предположение о тождестве величественных руин Мархаматского городища, расположенных поблизости от араванских изображений, со столичным центром Давани — городом Эрши.

Интересные наблюдения о типе и экстерьере даванских лошадей, об истории развития и о культово-магическом значении изображений содержатся в упомянутой работе М. Е. Массона.

Однако, несмотря на признание исключительной ценности этих памятников культуры, до сих пор отсутствует полная публикация самих наскальных изображений. К работе М. Е. Массона 1948 г. приложен весьма схематический рисунок араванских лошадей. Еще более схематичен рисунок лошади из Айрымачтау, опубликованный М. Е. Массоном в газете «Пионер Востока»⁶. Следует отметить, что опубликованная

¹ Данное предварительное сообщение было доложено 8 декабря 1961 г. на заседании Сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященном памяти А. Н. Бернштама в связи с пятилетием со дня его кончины.

² Д. Граменицкий, Заметка о древних урочищах Туркестана, «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», III (1897—1898), протокол № 3 от 15 ноября, прил.; Г. Ажигирей, Сообщение о докладе «Древние рисунки на камнях урочища Сурат-Таш близ Оша», «Известия Среднеазиатского отд. Географического об-ва», т. 18, 1928, стр. 51. По утверждению М. Е. Массона, впервые эти изображения стали известны в 1878 г.; см. М. Е. Массон, Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане, Труды Института языка, литературы и истории Киргиз. ФАН СССР, II, 1948, стр. 131.

³ М. Е. Массон, Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», вып. VI, 1940, стр. 53.

⁴ А. Н. Бернштам, Араванские наскальные изображения и даванская (ферганская) столица Эрши, «Сов. этнография», 1948, № 4, стр. 155—161; его же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, 1952, стр. 222—230.

⁵ М. Е. Массон, Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане, «Труды Института языка, литературы и истории Киргиз. ФАН СССР», II, 1948, стр. 129—140.

⁶ «Пионер Востока», 15 января 1939 г.

в статье А. Н. Бериштама прорисовка С. С. Сорокина также не является точной копией, хотя она и сделана рукою опытного специалиста. Поэтому нельзя считать, что эти замечательные памятники введены в научный обиход. В этом мы убедились летом 1961 г., когда благодаря содействию директора Андижанского областного краеведческого музея М. А. Могильниковой смогли осмотреть наскальные рисунки Айрымачтау.

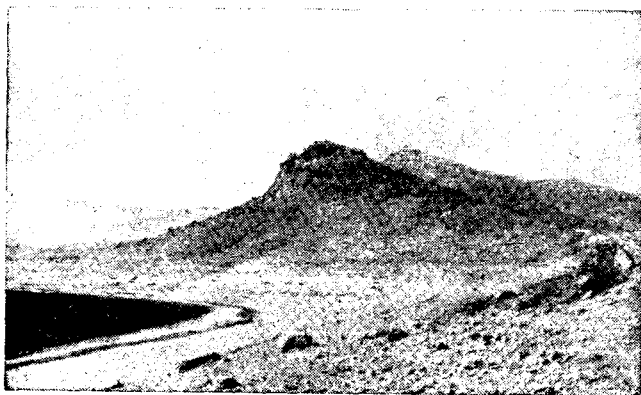

Рис. 1. Общий вид скалистых горк гряды Курпа-Тау

тау⁷. До этого точное местонахождение их было неизвестно, и неоднократные попытки А. Н. Бериштама выяснить, где находятся изображения Айрымачтау, оказались безрезультатными. И только в самые последние годы работники Ошского и Андижанского музеев по существу повторно открыли эти изображения.

Они находятся на горной гряде Курпа-Тау примерно в 8 км к северо-западу от г. Ош и на расстоянии 20 км по прямой от Араванской скалы. Здесь среди зеленой равнины, к югу от шоссе Андижан — Ош возвышается гряда совершенно оголенных скалистых горк (рис. 1). На восточном склоне одной горки и располагаются наскальные рисунки. Всего зарегистрировано 34 изображения животных. Основную массу — 30 рисунков — составляют изображения одиночно стоящих лошадей. Они выбиты на плоскости скалы, состоящей из кремнистых сланцев с прослойками кремнистого известняка.

Контур вырезан острым, очевидно, металлическим орудием, и вся поверхность фигуры выбита точечной техникой. Рисунок наносился на выровненную поверхность, но иногда скала не подвергалась обработке и часть фигуры выбита на выпуклом ее участке, а другая часть — во впадине. В последующее время рисунки покрылись пустынным загаром и частично перекрыты известковым налетом.

Все изображения лошадей даны силуэтом сбоку с показом двух ног. Поджарое, сухое тело, высокие стройные ноги, длинная плавно изогнутая шея с небольшой головой, длинный хвост — таковы отличительные признаки экстерьера. Лошади обращены мордой вправо и влево. Различаются изображения также и по размерам. Обращает на себя внимание единообразие изображений, передающих один и тот же породный тип лошади. Во всех случаях отсутствуют изображения признаков пола. С нескольких рисунков мы сняли копии на кальку (рис. 2).

Помимо лошадей, в Айрымачтау имеются изображения козлов (рис. 2) и интересная композиция, включающая изображение лошадей и двух оленей с подогнутыми ногами и огромными ветвящимися рогами.

В целом комплекс наскальных рисунков Айрымачтау представляет замечательную галерею изображений древнеферганских (даваньских) лошадей, исполненных опытной рукою наблюдательного мастера.

Изображения Айрымачтау, как уже было отмечено М. Е. Массоном, совершенно аналогичны араванским (рис. 3). Они передают одинаковый тип лошади; их сближает использование одинаковых стилистических приемов. Вместе с тем отчетливо проступают и различия этих двух культовых памятников. Напомним, что на Араванской скале имеется всего только четыре рисунка лошадей. В Айрымачтау изображен ряд отдельно стоящих лошадей, которые все вместе передают своего рода шествие лошадей. Здесь лошади показаны с поворотом морды как вправо, так и влево, тогда как в Араване все лошади обращены вправо и сгруппированы парами. В Айрымачтау имеется сложная композиция с оленями. Рисунки здесь значительно лучшей сохранности.

⁷ Приношу свою благодарность М. А. Могильниковой и художнику музея А. И. Круглову.

Наскальные изображения лошадей Аравана и Айрымачтау являются ярким археологическим свидетельством существования в древней Фергане культа лошади, распространенного также в других областях древней Средней Азии⁸. Нахождение этих двух памятников в юго-восточной части Ферганской долины может указывать на особое значение Ошского оазиса в развитии местного коневодства в древности.

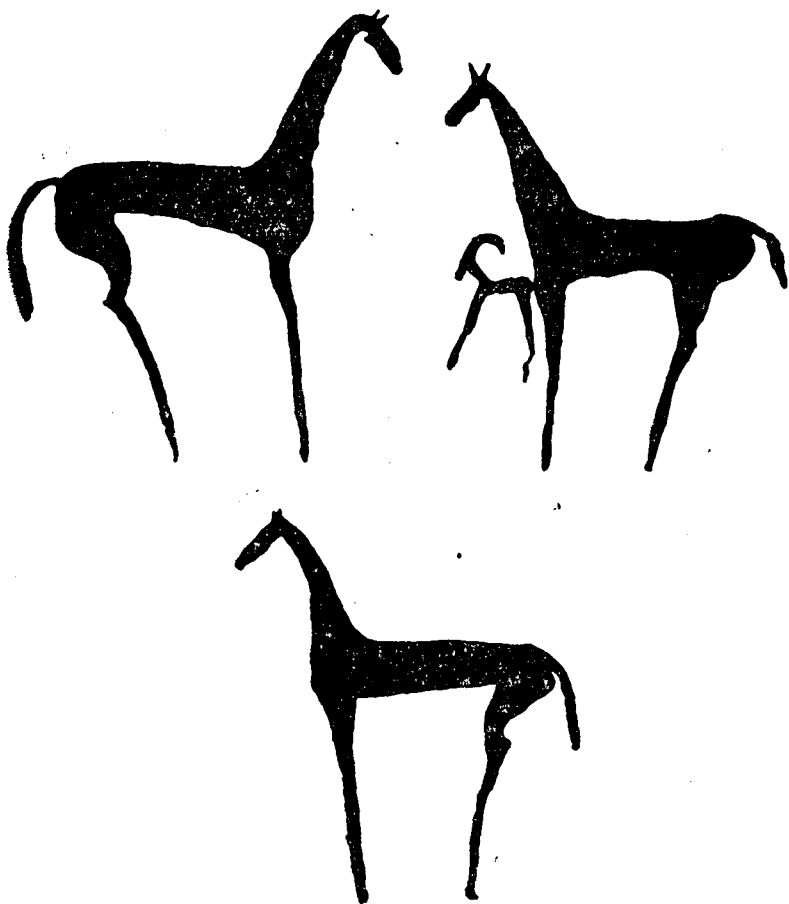

Рис. 2. Наскальные рисунки в урочище Айрымачтау

Рассмотренные памятники упомянутые исследователи относят к периоду существования в Фергане государства Давань. Следует иметь в виду, что определение возраста наскальных рисунков вообще трудно, тем более при изучении уникальных образов. Аналогии ферганским изображениям лошадей в наскальных рисунках Средней Азии нам неизвестны. Все известные до сих пор изображения лошадей, как в самой Фергане, так и в других районах Средней Азии, резко отличаются от описываемых своими стилистическими особенностями. Поэтому сравнение с другими памятниками наскальной живописи не помогает в определении даты ферганских изображений. В них отсутствуют изображения реальных, которые обычно служат основанием для датировки.

Более перспективно сравнение наших рисунков с изображениями лошадей в памятниках искусства иного круга. Обращает на себя внимание поразительное сходство типа лошади ферганских наскальных рисунков с изображениями на китайской чере-

⁸ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, Л., 1940; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; А. М. Беленицкий, Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, «Сов. этнография», 1948, № 4; Б. А. Литвинский, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г., «Труды Института истории АН Тадж. ССР», т. XXVII, 1961.

пище, датируемой последними веками до н. э.⁹ Опубликовавший ее исследователь выделяет среди рисунков на черепице три типа коней, а именно: 1) китайской лошади степного происхождения; 2) породистой лошади, вероятно, ферганского или бактрийского происхождения и 3) тип, вероятно, принадлежащий усуням. Второй тип лошади характеризуется прекрасным экстерьером: у нее длинные стройные ноги, красивые формы тела и маленькая голова на изогнутой шее. Все эти признаки свойственны и изображениям ферганских лошадей. Подобное сходство служит убедительным подтверждением отнесения наскальных рисунков Ферганы к даваньскому периоду.

Для создания и разведения ценной породы верхового коня, как считают специалисты, требуется много времени и, следовательно, можно предполагать, что начало разведения знаменитых даваньских лошадей относится к более раннему времени, скорее всего к середине первого тысячелетия, а может быть, и к самому началу первого тысячелетия до н. э. (ко времени чустской культуры).

Учитывая все сказанное, а также то, что наскальные рисунки наносились не сразу, а в течение какого-то периода времени, следует признать наиболее вероятной датой изображения Аравана и Айрымачтау вторую половину первого тысячелетия до н. э.¹⁰

Можно надеяться, что продолжение изучения рисунков Айрымачтау и полная публикация их позволят сделать ряд важных наблюдений о развитии коневодства и о роли культа лошади в идеологических представлениях древнего населения Ферганы. К сожалению, надо отметить, что араванские изображения после обследования 1946 г. были сильно попорчены современными надписями и, по существу, пропали для науки. И это заставляет нас еще раз подчеркнуть большую заслугу А. Н. Бернштама, трудами которого введен в научный оборот ценный памятник культуры древней Ферганы.

⁹ Н. Fernald, Chinese art and the Wu-Sun Horse, «Annual art and archeology division of the Royal Ontario Museum», Toronto, 1959, стр. 24—31.

¹⁰ В статье 1940 г. М. Е. Масон отнес наскальные изображения к даваньской эпохе (вторая половина первого тыс. до н. э.); в работе 1948 г. он приводит несколько иную дату — I тыс. до н. э. и, может быть, его середина. А. Н. Бернштам датировал араванские рисунки сако-кушанским временем.

Рис. 3. Наскальные композиции близ селения Араван (по А. Н. Бернштаму)

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

ПОЕЗДКА В НЕПАЛ

(Этнографические заметки)

В начале февраля 1962 г. на основе соглашения о научном и культурном обмене Президиумом АН СССР были командированы в Непал геолог В. С. Яблоков и этнограф — автор настоящего сообщения. Это была первая поездка советского этнографа в Гималаи, что налагало особую ответственность и придавало большую важность полевой этнографической работе.

Программа поездки, рассчитанной на месяц, предусматривала ознакомление с деятельностью научных учреждений Непала и ряд поездок по стране для сбора полевых геологических и этнографических материалов. Эта работа проводилась в течение февраля — первых чисел марта, она была ограничена долиной Катманду и ее ближайшими окрестностями (рис. 1).

Долина Катманду — колыбель непальской культуры, непальского государства. Лежащая на высоте 1360 м над уровнем моря, она протянулась с запада на восток на 33 км, с севера на юг — на 25 км. Долину со всех сторон окружают горы — с юга хребет Махабхарат, с севера — Главный Гималайский хребет. Это наиболее густонаселенная область страны. Здесь на площади в 600 км² живет около 450 тыс. человек (преимущественно гуркхи, невары). За время нашей поездки мы ознакомились с поселениями на склоне хребта Махабхарат и в долине Полунг. В этих районах был собран полевой материал по хозяйству, жилищу, одежде, пище, религии неваров, гуркхов¹ и тибетцев, на основе которого можно сделать предварительные замечания о занятиях и некоторых сторонах современной материальной и духовной культуры населения центрального, наиболее развитого района Непала.

Непал — аграрная страна, где еще сохраняется крупное помещичье землевладение. Основное занятие населения Южного и Центрального Непала — земледелие. Только в хютия на севере страны занимаются главным образом скотоводством. В сельском хозяйстве занято около 94% всего населения Непала. В долине Катманду, наиболее развитом в экономическом отношении районе страны, возделывается вся пригодная для обработки земля. Поля подступают даже к самым домам столицы. Непальские крестьяне в результате многовекового опыта создали систему террасовых полей. Террасы занимают не только всю долину Катманду, но и склоны Махабхарата (рис. 2).

Лес на склонах хребта сильно вырублен², и это вызывает эрозию почвы. На менее удобных для земледелия северных склонах Гималаев леса уцелели в значительно большей степени.

¹ Под термином «гуркхи» здесь и в дальнейшем подразумеваются потомки вытесненных из Индии афганскими племенами раджпутов, осевших в Непале после XIII в. Предводителем гуркхов Притхви Нарайян Шах в 1768 г. покорил неварские княжества в долине Катманду и создал единое государство, в котором гуркхи заняли господствующее положение. В настоящее время потомки этих переселенцев из Раджпутаны называют себя «непальцами». Но непальцами являются и все другие народы страны, сохраняющие одновременно свои самоназвания; поэтому использование термина «гуркхи» в узком смысле для обозначения определенной этнической группы непальцев правомочно. Не следует, однако, смешивать этот этнический термин с его другими значениями: термин «гуркхи» используется также для обозначения группы аборигенных племен, входивших в военную конфедерацию с переселенцами из Раджпутаны, а также для обозначения солдат, вербовавшихся англичанами из племен этой конфедерации. В этих двух случаях термин этнического значения не имеет.

² Продолжающееся сведение лесов на дрова, несмотря на запрет порубки, ставит долину Катманду перед серьезной проблемой топлива. Цены на дрова за последнее время растут. Пока еще нет другого вида топлива, которым можно было бы заменить дрова и как-то приостановить уничтожение лесов.

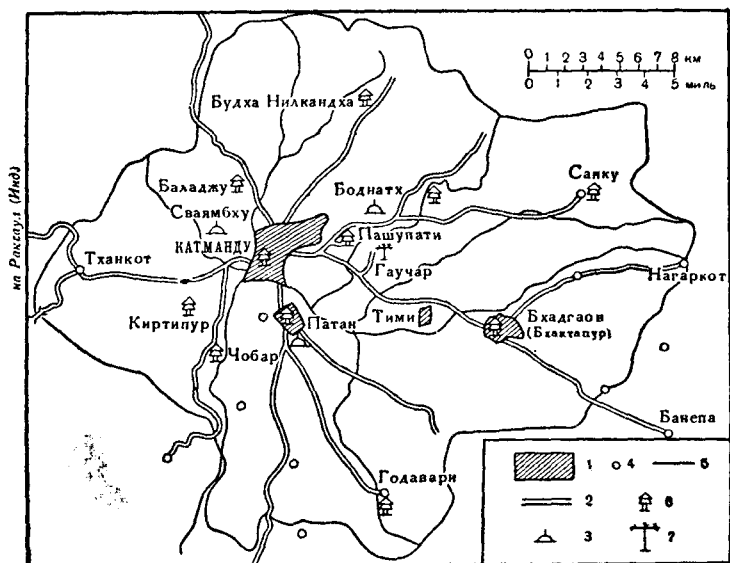

Рис. 1. Долина Катманду; 1 — города и крупные населенные пункты, 2 — дороги, 3 — буддийские храмы, 4 — населенные пункты, 5 — реки, 6 — индуистские храмы, 7 — аэродром

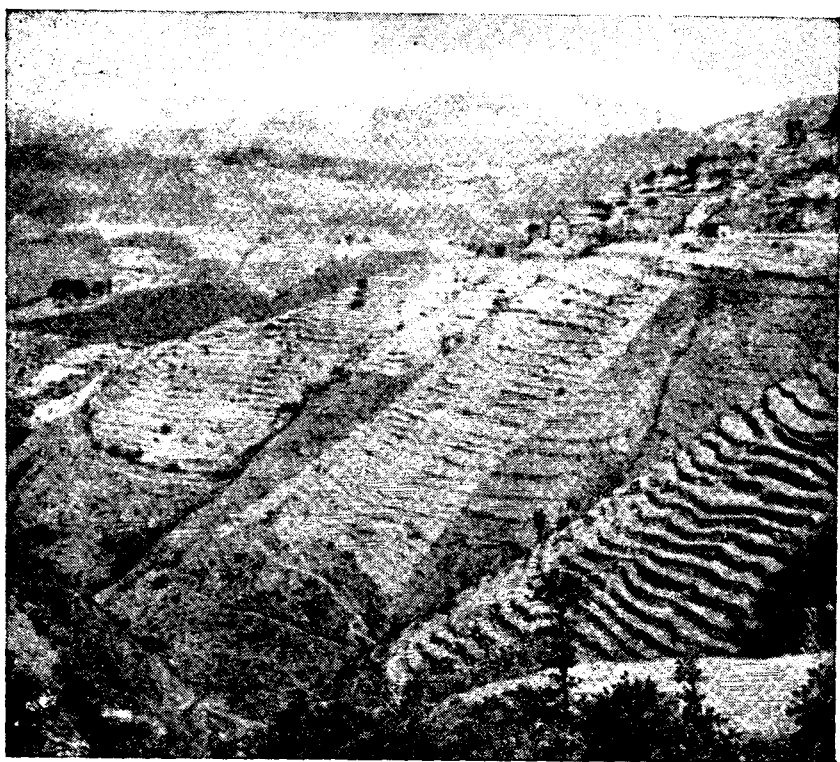

Рис. 2. Террасы на склонах Махабхарата

В зависимости от крутизны склона высота и ширина террас сильно варьируют. Отвесные стенки террас в этом районе страны укрепляются камнем очень редко. Поля орошаются системой водостоков, собирающих воду с гор.

Непальские земледельцы обрабатывают свои поля самыми несложными орудиями. В конце февраля — начале марта в центральной части страны начинается полевой сезон. Крестьянин перекапывает поле или железной мотыгой на длинной рукоятке, или же — чаще — небольшой мотыгой, прикрепленной примерно к середине короткой (около 50—60 см) рукояти. Работать такой мотыгой приходится в постоянно согнутом положении. Тем не менее именно этот тип мотыги преобладает; используется он также на любых земляных работах. После перекопки поля женщины разбивают пласты земли деревянными молотками на длинных рукоятках. После внесения удобрения (озерный ил «калемати»³ в смеси с торфом, навозом, перегнившими листьями) и сооружения системы грядок для лучшего орошения, поле готово.

На более ровных местах крестьяне используют на полевых работах буйволов. В этом случае землю обрабатывают плугом, зачастую с деревянным лемехом, на конце которого прикреплена железная пластина. Выравнивают террасовое поле при помощи толстой доски, на которую встает пахарь и которую тащит по полю пара буйволов.

Климат в Центральном Непале субтропический. В летний дождливый сезон крестьяне выращивают на полях рис, а зимой — пшеницу. Рисовые поля встречаются на высоте до 1900 м, посевы пшеницы и ячменя — много выше. Большую площадь занимают также посевы кукурузы, горчицы, из семян которой делают горчичное масло, широко используемое в непальской кухне, а из молодых листьев готовят суп. Важной культурой являются соя и другие бобовые.

В долине можно встретить и посевы сахарного тростника. Очень широко развито овощеводство — картофель, капуста (кочанная, цветная, зеленая), брюква, редис, перец, лук, зеленый горошек, томаты, салат и др.

В начале марта наступает время посадки картофеля, и под застрехами крыш в деревнях можно видеть подвешенные плетеные мешки с картофелем, который таким образом яровизируется.

Собранный урожай (жнут полудунными серпами, внутренний рабочий край которых не имеет зубцов) крестьяне обмолачивают цепами или же ударами снопа о наклонно стоящий камень. Зерно непальцы хранят в доме на кухне, в больших плетеных корзинах. По мере надобности его обрушивают или в большой ручной ступке, или же на особых крупорушках. Это длинный брус, установленный в виде рычага, с пестом на одном конце. На короткий его конец встают ногами, затем отпускают — и пест падает в яму в полу, где насыпано зерно. Зерно мелют на многочисленных водяных мельницах, расположенных в горах нередко каскадом по руслу одного ручья. Жернова мельниц делаются из песчаника. На всех осмотренных нами мельницах производился размол кукурузы. Средняя производительность мельниц — около 10 кг зерна в час.

Среди традиционных ремесел в стране не последнее место занимает гончарство. Центр гончарного ремесла — большая деревня Тими, лежащая на полпути между Катманду и Бхадгаоном. Все жители этой деревни так или иначе связаны с гончарством. Ремесленники работают в тесных, темных помещениях. Приготовив замес глины, гончар палкой сильно разгоняет круг из песчаника (его диаметр — около 1 м, толщина — около 10 см), установленный в углублении пола. В центре нижней стороны круга укреплен конус, и круг вращается по принципу волчка. Мастер смаху бросает готовый замес в центр круга, через 4—5 минут небольшой сосуд, сделанный только с помощью пальцев и небольшой дощечки, готов. Срезав его с оставшегося комка глины ниткой, гончар начинает делать следующий сосуд. Из одного замеса делают до трех небольших сосудов, почти не разгоняя круг за это время.

Большие сосуды в Тими делают способом налепа. Горловину сосуда, сделанную на гончарном круге, ставят на землю, на нее кладут жгуты глины, и затем легкими постукиваниями двух плоских деревянных молоточков с внешней и внутренней стороны сосуда формируют стенку. В последнюю очередь прикрепляют дно. Следы ударов, несмотря на тщательность последующего заглаживания, заметны на стенках готового сосуда.

Среди сосудов различного назначения, изготавливаемых в Тими, особенно интересен один тип. Это большой (80—90 см высоты) горшок с несколькими круглыми отверстиями в дне. Он используется для варки риса. Этот сосуд помещают в другой, с кипящей водой. Пары воды, проходя через отверстия в дне горшка, нагревают третий, большой горшок с рисом, вставляемый в этот сосуд, и зерна риса развариваются. В Тими производится довольно много горшков такого типа.

Готовые изделия гончары Тими или обжигают в особых печах, или высушивают на солнце. Посуду обычно не красят, в большинстве не покрывают глазурью. Только

³ Долина Катманду — дно бывшего озера. Калемати — сапропелевый ил голубовато-серого цвета, образовавшийся главным образом из остатков мелких водорослей и организмов, дающих большую биомассу. Его добывают, вырывая в земле шахты; чем больше глубина шахты (до 20 м), тем выше цена этого прекрасного удобрения. Внесение его на поля повышает урожайность некоторых культур вдвое.

Рис. 3. Храмы и дворцы Патана

один раз за все время нам удалось видеть горшки, покрытые полихромным растительным орнаментом. Темного цвета посуду, также встречающуюся редко, гончары делают из глины, в состав которой входит лигнит.

Готовые изделия продают здесь же в деревне, на главной улице, а также в городах долины. Нередко на дороге (особенно в базарный день) можно видеть непальца, несущего на коромысле тяжелый груз самых различных глиняных сосудов.

Невдалеке от столицы на юго-восток лежит небольшой город Патан или Лалитпур (рис. 3). Основанный в 300 г. до н. э., Патан с XI по XVIII в. был центром одноименного неварского княжества. Уже в те времена искусство его ремесленников прославило город. И до наших дней здесь процветают некоторые ремесла. Широко известны в Непале изделия медников Патана.

Мастерские медников занимают целую улицу невдалеке от старинного королевского дворца. Найти ее легко — по несомлаемому стуку молоточков по металлу. Сейчас медь в Патан привозят из Индии. Ремесленники методом холоднойковки выделывают из медных полос утварь и посуду любых размеров и назначений, украшая изделия чеканным орнаментом. Медные полосы соединяются зубчатым плоским швом. Изделия медников Патана расходятся не только по стране, но и экспортируются в Индию.

Интересно также и ювелирное ремесло. Особенно много ювелиров в столице страны — г. Катманду. В торговой части города часто можно видеть мастерские-лавки, в одном углу которых мастера при помощи несложных инструментов выделывают золотые, серебряные, медные украшения, а в другом — хозяин продает готовые изделия.

Живут горожане и крестьяне в домах из кирпича, весь процесс производства которого мы наблюдали во многих местах долины. Дома из обожженного кирпича преобладают в городах, но нередки и в деревнях. Дом обычно имеет два-три этажа, нижний используется как кладовая или хлев (в деревне). Жилые помещения и кухня занимают второй и третий этажи. В деревне кухню устраивают и на первом этаже. Дома кроют черепицей местного производства, а также соломой (в деревнях). Снаружи стены домов крестьяне часто красят охрой — низ стен более темный, красноватый, верх — светлее, желтоватый. Нередко верхнюю часть стен крестьяне белят. Благодаря этой двухцветной окраске дома выглядят снаружи очень нарядными.

Тип поселений в Центральном Непале определяется рельефом местности: в долине вдоль дорог деревни строятся по уличному типу; встречаются деревни разбросанного типа (рис. 4), в горах очень часты хуторские поселения.

Долина Катманду — экономический, культурный и исторический центр страны. По некоторым сообщениям, до сих пор в горах крестьянин, идущий с грузом по дороге

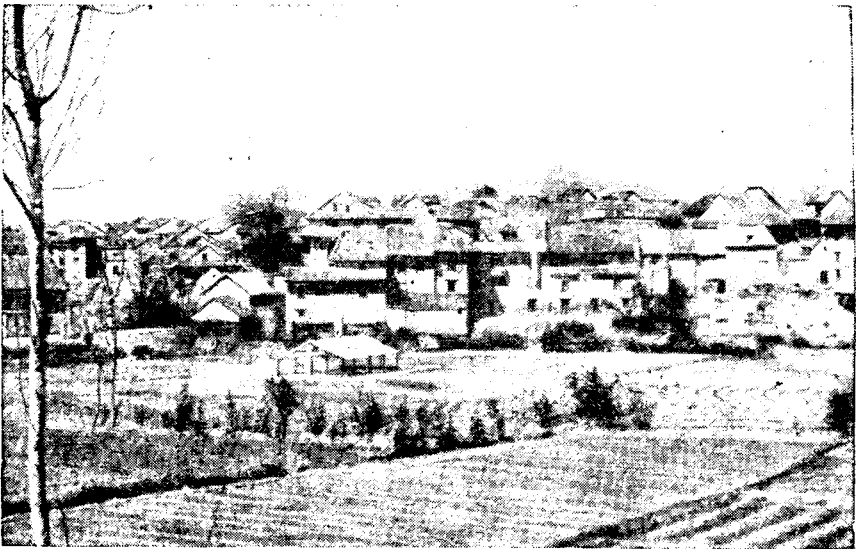

Рис. 4. Деревня на юге долины Катманду

в долину Катманду, на вопрос «Куда идешь?» нередко отвечает — «в Непал». Славу Непалу как стране храмов создали города долины — Катманду, Патан, Бхадгаон (рис. 5).

Катманду основан в 724 г. н. э. Древние дворцы и храмы придают городу очень живописный и своеобразный вид и производят незабываемое впечатление. В Катманду сохранилось немного старых домов с замечательной резьбой по дереву. Ажурные деревянные «кружева», сделанные ремесленниками-неварями, хорошо выдержали испытание временем.

На улицах города кипит жизнь (рис. 6). Все первые этажи домов заняты лавками, в которых продавцы сидят, скрестив ноги, целыми днями. В торговле заняты в основном невары, это одно из главных занятий этой народности. В лавках торгуют самыми разнообразными товарами, как местного производства, так и импортными — из разных стран Азии, Европы, Америки, но резко преобладают индийские товары. Улицы буквально забиты народом, в толпе очень часто попадаются группы тибетцев. Особенно их много около менял, сидящих на площади на помосте и обменивающих любые деньги на непальские рупии по установленному курсу.

Наряду со старыми частями города, сохранившими колорит прошлых веков, в Катманду есть вполне современные районы. Муниципалитет столицы делает немало для благоустройства города: почти все улицы замощены или асфальтированы, устанавливается электрическое освещение, прокладывают тротуары и т. п. Почти на каждом шагу в Катманду старое переплетается с новым: мастерские-лавки ремесленников соседствуют с современными магазинами, священные коровы, разгуливающие по улицам и площадям, нередко загораживают дорогу автомобилям — «виллисам», «волгам», «москвичам» и многочисленным еще автомашинам выпусков 1920-х — 1930-х годов. Узкие темные улочки, над которыми нависают столь характерные для Непала большие карнизы домов, выводят на широкую асфальтированную улицу.

Традиционная одежда гуркхов и неваров сохраняется и поныне. Мужчины носят узкие длинные белые штаны, белую рубашу с запахом на левую сторону, завязываемую двумя тесемками, темный пиджак, шапочки различных расцветок; женская одежда — длинная кофта, юбка и накидка, покрывающая плечи и грудь. Мужчины в городах стали носить также и европейский костюм или, что гораздо чаще, европейский пиджак. В городах очень широко распространена также обувь европейского типа. Среди горожанок широко распространено индийское сари. В то же время европейское и индийское влияние в деревне почти не наблюдается: крестьяне носят исключительно традиционную одежду.

Население Непала (как горожане, так и крестьяне) употребляет главным образом растительную пищу. Мясо (баранина, козлятина) занимает в пищевом рационе средних слоев населения незначительное место. Интересно отметить, что в Непале тушу убитого животного разделяют вместе со шкурой. Тушу предварительно обдают крутым кипятком, а затем тщательно выскабливают, удаляя с нее всю шерсть. По некоторым сообщениям, употребление в пищу кожи животных создает известные трудности для развития кожевенного производства из-за нехватки сырья.

Основу пищевого рациона непальцев составляет рис, варенный на пару без соли, который едят с различными овощными приправами. В пищу широко идут и дикорас-

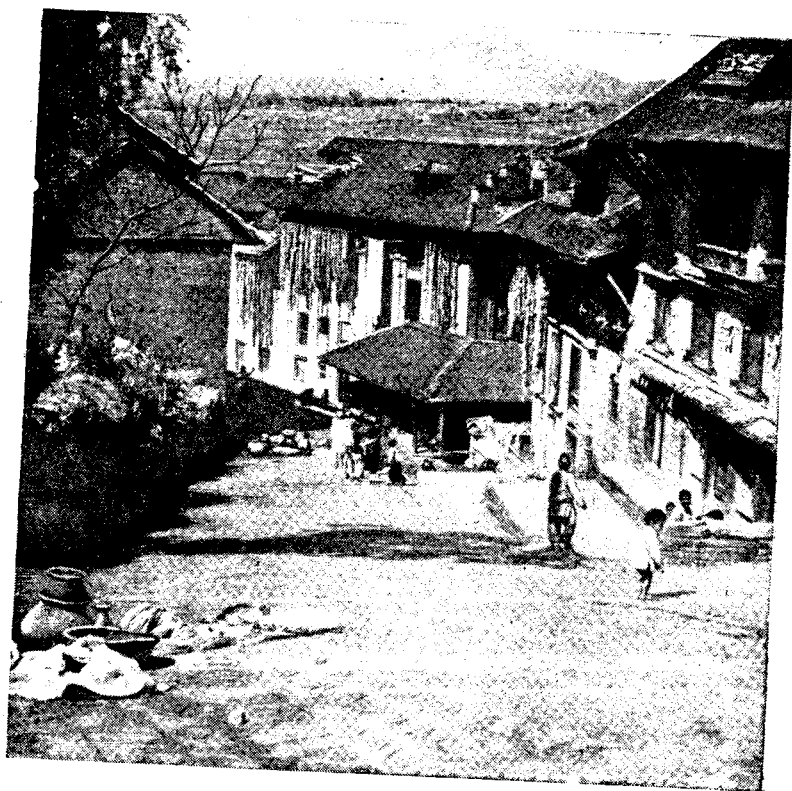

Рис. 5. Улица г. Бхадгаона

Рис. 6. Торговая часть г. Катманду

тушие овощи. Очень распространено в Непале столь обычное для всего Востока острое блюдо — карри. Но своих пряностей в стране нет, их ввозят из Индии и Пакистана. Очень популярны также чапати — ячменные лепешки, которые едят, макая их в горчичный соус. Молоко идет в пищу преимущественно в виде простокваши. Пищевые запреты в стране связаны с кастовой системой, стойко сохраняющийся и поныне, но выраженный слабее, чем в Индии.

Основное население долины Катманду составляют гуркхи и древнейшие насельники страны — невары. По данным непальской печати, около половины населения долины Катманду считает невари своим родным языком. К настоящему времени между неварями и гуркхами, помимо языкового различия (но большинство неваров понимает непали), сохраняется еще антропологическое различие. Невары сохранили монголоидные черты, но они выражены слабее, чем у «чистых» монголоидов — тибетцев и др. В то же время каких-либо заметных отличий в материальной культуре неваров и гуркхов уже нет. По-видимому, это же можно утверждать и в отношении духовной культуры в целом. В религиозном же отношении дело обстоит иначе: если гуркхи почти на сто процентов индуисты, то большинство неваров — буддисты.

Между неварями и гуркхами нередки браки, заключающиеся в Непале в основном по принципу кастовой принадлежности. Но говорить о консолидации гуркхов и неваров в одну этническую общность не приходится. У неваров существует сильное чувство национальной общности и коллективизма; они сохраняют свой язык, национальное самосознание, в городе или деревне невары предпочитают селиться вместе, оказывают друг другу любую помощь и т. п. Очень часто невары живут большими, неразделенными семьями. Язык невари довольно широко распространен в долине. На невари издается одна газета — «Непал бхаша патрика», печатается литература, ведутся радиопередачи. Невари изучают в школах, колледжах.

Говоря о религиозной обстановке в стране, следует иметь в виду, что индуизм занимает в Непале ключевые позиции, оттеснив буддизм, господствовавший задолго до интенсивного проникновения индуизма (это случилось в начале XV в. при короле Джаястхити Малла) ⁴. В настоящее время в стране, по данным непальской печати, около 89% всего населения индуисты (индуизм распространен по всей стране), 9% — буддисты (буддизм господствует на севере страны, чем далее на юг, тем его влияние и положение слабее) и 2% — мусульмане (ислам наиболее распространен в восточных тераях).

Непал — страна индуистских храмов и буддийских ступ. Наиболее почитаемым среди индуистов является посвященный Шиве храм Пашупати, комплекс сооружений которого раскинулся на берегу священной для индуистов р. Багмати. Храм построен в самом начале XIII в. Зимой река сильно мелеет, ее можно легко перейти вброд. Но и в это время многочисленные паломники совершают в реке омовения около храма. По берегам Багмати расположены места для кремации покойников, и нередко умирающих везут издалека, чтобы правоверный индус смог умереть на берегу Багмати, а пепел его был брошен в воды священной реки. Напротив самого храма находится место кремации членов королевской фамилии. Сам храмовый комплекс занимает большую площадь, вход для европейцев туда запрещен. В дни больших индуистских праздников (нам удалось наблюдать начало праздника Шиваратри, отмечаемого в 14-й день месяца фальгун по непальскому календарю, или 3 марта) к Пашупати собираются паломники-индуисты не только из Непала, но даже из Южной Индии. В эти дни около храма вырастает целый городок из палаток, навесов, легких временных сооружений, где размещаются паломники, многочисленные торговцы реликвиями и т. п.

Около временного жилья паломники вырывают в земле простенькие очаги, на которых готовят пищу. На дорогах к храму видны издала новые партии богомольцев из Индии. Свои пожитки они несут, в отличие от непальцев, на голове. Непальцы же переносят грузы двумя способами — за спиной в корзине, удерживаемой при помощи налобной лямки, и на коромысле. По некоторым сообщениям, первым способом пользуются главным образом гуркхи, а вторым — преимущественно невары, и это служит для ненаскученного наблюдателя почти единственным внешним отличием гуркха от неvara. Тибетцы в Непале, сохраняя свои традиционные обычаи и привычки, переносят грузы, как и в Тибетском районе КНР, при помощи заплечной опорной рамы, согнутой из толстых прутьев.

Иной в этническом плане мир сложился вокруг буддийских ступ. В последние десятилетия господства в Непале режима Рана позиции буддизма в стране были сильно ослаблены, но после свержения деспотии Рана в 1951 г. наблюдается особая активизация деятельности буддистов. В Непале распространено несколько форм буддизма. Если невары в основном последователи Махаяны, то среди тамангов, шерпа, лепча, киратов, гурунгов, магаров и др. распространен ламаизм. В последние годы в Непале усилилось влияние буддизма Хинаяны (южного толка) — школы Тхеравада, наиболее ортодоксальной в буддизме. Активизацию буддизма этой школы можно связать с деятельностью буддийской организации Дхармодаия Сабха, созданной в 1944 г. с целью

⁴ По древней традиции, гуркхским правителям Непала запрещалось переступать порог буддийских храмов и поклоняться Будде. Эта традиция была нарушена только в 1951 г.

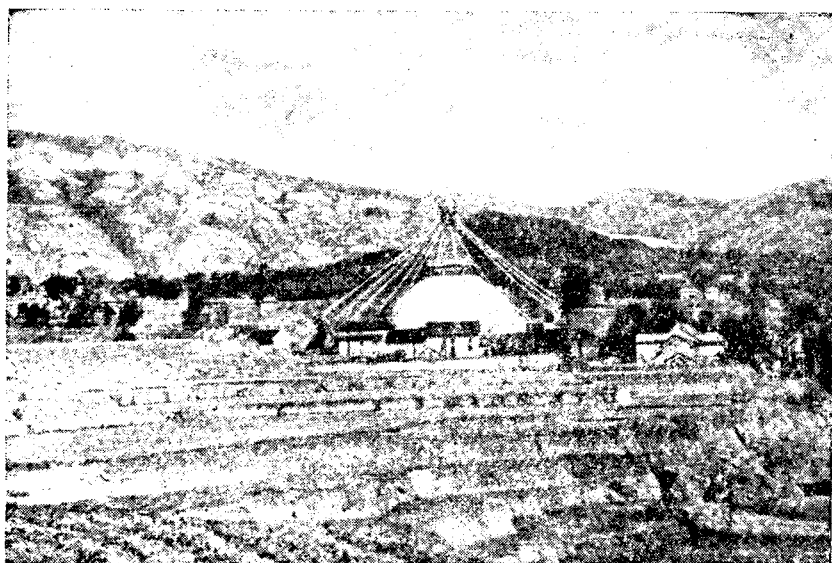

Рис. 7. Общий вид храма Боднатх

пропаганды идей буддизма в Непале. Оживление деятельности буддистов после 1951 г. связывается с активной ролью в стране буддийских монахов с Цейлона и непальских буддистов, обучавшихся на Цейлоне.

Из всех буддийских ступ в стране наиболее почитаются две, широко известные среди буддистов далеко за пределами Непала — Сваямбху и Боднатх.

Принято считать, что древнейший буддийский храм в Непале — Сваямбху. Ему более двух тысяч лет. Ступа расположена на вершине холма, примерно в полутора километрах на северо-запад от Катманду, доминируя над прилегающей частью долины. В Сваямбху находится самая большая и наиболее почитаемая в стране статуя Будды. Настоятель Сваямбху — бхиккху Амритананда, глава буддистов Непала, очень влиятельное лицо во Всемирном братстве буддистов.

В отличие от Сваямбху другой буддийский храм — Боднатх расположен как бы в низине и, несмотря на свои огромные размеры (высота его около 40 м), виден только с довольно близкого расстояния (рис. 7). Этой ступе также более двух тысяч лет.

Боднатх — еще более «тибетский мир», чем Сваямбху, где есть и индуистские святыни. Настоятель храма — Чинай-лама является представителем далай-ламы, и теоретически сам храм с прилегающей к нему территорией считается находящимся под юрисдикцией далай-ламы.

Вокруг ступы сплошным кольцом расположены двух-трехэтажные дома. В них живут тибетцы — ламы, ремесленники. Здесь же останавливаются многочисленные паломники. Более всего паломников-буддистов из Тибетского района КНР, Сиккима, Бутана и даже Центрального Китая бывает в Непале, у ступ Сваямбху и Боднатх в зимнее время — с ноября по апрель. Здесь же, у Боднатха, тибетские и непальские ремесленники выделывают предметы обихода, находящие сбыт у паломников и туристов. В нескольких антикварных лавочках около ступы продаются туристам различные тибетские вещи, которые скупаются у тибетцев-паломников.

Очень трудно с уверенностью судить о действительной религиозности народа, прожив среди него так мало времени. Тем не менее, по некоторым штрихам (отношение к религиозным святыням, форма исполнения обрядов) можно полагать, что в настоящее время соблюдение правил, связанных с индуизмом, является в некоторых случаях уже традицией, в которой, по-видимому, истинно религиозное содержание заменяется привычкой. То же, но в меньшей степени, можно сказать и о приверженцах буддизма. Но это ни в коей мере не умаляет большой роли религии (индуизма и буддизма) в жизни всего населения современного Непала.

Помимо этнографических наблюдений в городах, деревнях долины и за ее пределами, мы посетили некоторые учреждения Непала: университет им. Трибхубана, Три-Чандра колледж, Национальный музей, библиотеку Бир Лайбрери, Центральную библиотеку, технико-ремесленную школу, сельскохозяйственную школу и др.

Национальный музей, расположенный за городом недалеко от храма Сваямбху, занимает два больших трехэтажных здания. В первом развернута экспозиция древних и современных предметов хозяйства и быта: деревянный плуг с деревянным же ле-

мехом и укрепленной на конце его железной пластиной, мотыги разных типов, ткацкие станки и образцы тканей, сосуды из глины, утварь из дерева, образцы древней керамики и медных изделий. Здесь же экспонируются образцы традиционной резьбы по дереву и камню. Очень богата в Музее коллекция оружия, в которой преобладает национальное. В этом же здании выставлены образцы старинной одежды высокопоставленных лиц (принцип покроя основных ее элементов сохранился в традиционной одежде до наших дней без изменений), чучела птиц и зверей, несколько картин, коллекции почтовых марок, монет и т. п. Привлекает внимание здесь также коллекция луков. Наиболее интересны луки киратов. Это простые луки, сделанные из расщепленного бамбука, стрелы — из тростника с железными наконечниками, которые смазывались сильно действующим ядом. Этот момент исключительно интересен, ибо до сих пор применение отравленного оружия связывается с южным кругом азиатских народов. Здесь же представлено несколько луков, сделанных из гнутого железа, раскрашенного масляными красками.

Второе здание Музея целиком занято экспозицией предметов религиозного культа. Таким образом, музей имеет как бы историко-краеведческую направленность. Следует особо отметить, что экспозиция удачно построена, выставленные предметы хорошо смотрятся в просторных залах музея.

Интересным было посещение технико-ремесленной школы, на содержание которой правительство Непала тратит очень значительные средства. Школа призвана готовить кадры для традиционного ремесла и работы на немногочисленных пока промышленных предприятиях страны. После окончания двухгодичного срока обучения студенты сдают экзамен на мастерство, и их посылают работать в различные районы Непала. Сейчас в школе пять тысяч студентов, набранных главным образом в тех районах, куда они поедут работать по окончании школы. Студенты распределяются по секциям, которых в школе семнадцать — ювелирная, портняжная, плетения, ткацкая, машинной вязки, мебельная, столярная, гончарная, обувная, кузнечно-слесарных работ, электрическая и т. д.

Показателем внимания, уделяемого правительством Непала развитию сельского хозяйства, служит создание сельскохозяйственных школ, готовящих обученные кадры для этой главной отрасли экономики. Во время посещения такой школы близ Катманду интересно было ознакомиться с деятельностью одного из секторов этой школы, который можно назвать отделом домоводства. Его призвание — помочь женщинам непальской деревни правильно организовать и правильно вести домашнее хозяйство. Его сотрудники также пропагандируют в деревнях наиболее рациональные способы хранения скоропортящихся продуктов, приготовления пищи, консервирования фруктов, овощей и т. п. К сожалению, осталось не совсем ясно, каковы практические успехи деятельности этого отдела школы.

Обе эти школы служат примером стремления непальского правительства покончить с отсталостью страны.

Национальной культурной сокровищницей Непала можно назвать библиотеку Бир Лайбрери, расположенную рядом с Три-Чандра колледжем. После того как предводитель гуркхов Притхви Нарайан в конце XVIII в. разгромил государство королей Малла в долине Катманду и создал единое непальское государство, он собрал в королевском дворце старинные манускрипты. Эта коллекция пополнялась год от года, и к настоящему времени ценное собрание древних манускриптов на санскрите, пали, невари, китайском, тибетском и других языках Азии в Бир Лайбрери широко известно среди ученых-востоковедов. Библиотека издает на непали описание собрания рукописей, которых насчитывается около 20 тысяч. Со всех рукописей, как нам сообщили в библиотеке, в свое время были сняты микрофильмы, ныне хранящиеся в Индии.

Около г. Киртипур, недалеко от Катманду, сейчас начинается строительство комплекса зданий для университета им. Трибхубана. В этом комплексе намечено построить также и библиотеку на 500 000 томов, которая будет крупнейшим книгохранилищем страны. В эту библиотеку намечено собрать все материалы о киратах и организовать там их систематическое изучение.

Проблема киратов, являющаяся важной частью общей проблемы ранней этнической истории Непала и гималайских областей, занимает многих непальских историков. Историческая наука в стране находится на стадии становления, в Непале в настоящее время пока нет институтов исторического профиля, нет регулярных исторических изданий, этнографической науки пока также нет. В то же время непальские ученые совместно с индийцами ведут археологические изыскания на юге Непала, в Лумбини, предполагаемом месте рождения Сиддхарты Гаутамы (Шакья-Муни) — мифического основателя буддизма. Материалы исследований, как и подавляющая часть работ историков страны, печатаются в Индии в виде отдельных брошюр и книг.

«Патриархом» исторической науки в Непале можно считать Бабу Рам Ачария. Из-за преклонного возраста (90 лет) он сейчас практически отошел от активной научной деятельности. Среди других представителей старшего поколения непальских историков следует отметить Кайшера Бахадурса (в настоящее время он занимает пост посла Непала в Киргизии) и Сурья Гьявали.

Но о работах историков Непала пока за пределами страны знают недостаточно. У нас наиболее известны труды Д. Р. Регми, который посетил Москву в 1960 г. как участник XXV Международного конгресса востоковедов. Крупный ученый,

Д. Р. Регми занимается и новейшей и древней историей своей страны, в том числе и киратской проблемой. В частности, Д. Р. Регми считает, что кираты переселились в Непал из Северо-Восточной Индии. Противоположного взгляда по этому пункту придерживается Г. С. Шастри, профессор Три-Чандра колледжа. На основе преимущественно лингвистических данных он полагает, что кираты заселили Непал откуда-то с территории современного Афганистана.

Проблема киратов еще далека от окончательного решения. Она может быть решена лишь при условии использования всех возможных источников, а не только данных лингвистики и сообщений древних рукописей. Немалое значение здесь могут иметь и данные этнографии, в частности очень серьезное и сравнительное этнографическое исследование материальной и духовной культуры современных киратов Непала.

Для этнографа месяц, проведенный в стране, — очень короткий срок. И если нам удалось в какой-то мере ознакомиться с культурой, жизнью и бытом населения Центрального Непала, собрать столь необходимые для дальнейшей работы полевые этнографические материалы, то этим мы обязаны прежде всего гостеприимству и дружелюбию непальцев, большой помощи и пониманию со стороны тех лиц, с которыми довелось ежедневно работать.

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ СОВРЕМЕННЫМ ЗАДАЧАМ ЭТНОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

7—16 июня 1962 г. в столице Латвийской ССР г. Риге состоялась объединенная сессия ученых советов Института этнографии Академии наук СССР, Научно-исследовательского института музееведения, Института истории Академии наук Латвийской ССР, Государственного музея этнографии народов СССР и Латвийского этнографического музея на открытом воздухе.

Первая часть сессии была посвящена задачам советской этнографии и вопросам экспозиции этнографических материалов в музеях. Первым был заслушан коллективный доклад Т. А. Жданко, Л. Н. Терентьевой и С. П. Толстова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) — «Задачи советской этнографии в свете решений XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза». Начиная со времени XXI, в особенности, XXII съезда, говорится в докладе, для этнографической работы открылись новые перспективы. В исследованиях советских этнографов произошел в эти годы решительный поворот не только к изучению современной культуры и быта народов СССР, но и к изучению современного положения зарубежных народов. Итоги этих исследований нашли отражение в серии статей и монографий о культуре и быте колхозного крестьянства, в статьях о быте рабочих, а также в изданиях обобщающих трудов, таких как серия «Народы мира», «Очерки общей этнографии» и др.

После опубликования Программы построения коммунистического общества, принятой XXII съездом КПСС, задачи советской этнографии и связанные с ними научные проблемы определились еще более четко. Одной из главных задач является изучение национальных отношений и этнических процессов, протекающих среди народов СССР, — процессов, знаменующих собой дальнейшее развитие советских наций и народностей и вместе с тем усиление их сближения. Важнейшей задачей является изучение преобразований в области социально-бытового и культурного укладов народов СССР и активное содействие их осуществлению, а также исследование процессов, связанных с формированием нового человека коммунистического общества. Наряду с этим этнографы вносят свой вклад и в изучение прошлого человечества — в исследование проблем первобытного общества, этнических процессов и этнографических особенностей населения последующих эпох. Остро стоит вопрос о критике буржуазных теорий в этнографии: в этой области сделано еще недостаточно.

Докладчики подчеркнули огромное значение музеев для развития этнографической науки и указали на необходимость усиления координации этнографических исследований и коллективизма в работе. Важным вопросом является улучшение этнографического образования в высшей школе и введение элементарных основ этнографии в программы средних школ.

Г. П. Строд (Ин-т истории АН Латвийской ССР, г. Рига) выступил с докладом на тему: «Развитие и основные проблемы этнографии Советской Латвии». Этнографическая работа, сказал он, ведется Институтом истории Академии наук Латвийской ССР, а также центральными и краеведческими музеями Латвии. Докладчик особо остановился на вопросах методологии этнографической работы, подчеркнув, что советские этнографы изучают культуру народов в тесной связи с изменением социально-экономических условий. В отличие от досоветского времени, когда этнографы занимались в основном латышской сельской буржуазией, они теперь уделяют основное внимание изучению трудового народа, в частности — начата большая работа по изучению быта сельскохозяйственных рабочих. Проводятся исследования историко-культурных связей латышей с другими народами. В настоящее время в центре внимания латышских этнографов стоят три основные проблемы: 1) культура и быт латышского народа в период строительства социализма и коммунизма, 2) история культуры и быта латышей в период феодализма и капитализма, 3) этногенез и этническая история латышей.

О. В. Ионов (Научно-исследовательский ин-т музееведения, Москва) посвятила свое сообщение теме «Этнографические материалы в отделах истории советского общества краеведческих музеев». В настоящее время этнографические материалы в экспозиции этих музеев используются далеко недостаточно. А между тем именно этнографический материал позволяет ярко показать лучшие национальные традиции, взаимовлияние социалистических наций и народностей и их сближение. В развитие этого положения О. В. Ионов наметила темы, для показа которых необходим этнографический материал: национальный состав республики (области, района) и его изменение; тяжелое наследие царской России; производственный быт в период построения социализма и коммунизма; изменение бытового уклада крестьянства и рабочих. Этнографические материалы позволяют также осуществить широкий показ народного искусства, праздников и других сторон культуры и быта народов СССР.

А. С. Морозова и Е. Н. Студенецкая (Гос. музей этнографии, Ленинград) в своем сообщении «Изменения в материальной культуре народов СССР за годы советской власти» изложили план экспозиции Музея, посвященной этой теме. Исходя из общности процессов, происходящих у всех народов Советского Союза, Музей строит экспозицию в обобщенном сравнительном плане, по периодам развития советского общества. При показе общих процессов сближения быта города и деревни, взаимосвязей национальных культур и их сближения, необходимо вместе с тем отражать в экспозиции местные особенности, развитие народных традиций в одежде и жилищах. Докладчики высказали свой взгляд на принцип отбора современного вещевого материала для этнографического музея: следует собирать современные вещи, отражающие в той или иной мере народные традиции или их изменения, взаимовлияние народов, специфику художественного вкуса народа или его отдельных групп и т. д. Вещи массового фабричного производства подлежат приобретению лишь в тех случаях, когда они входят как неотъемлемая часть в комплекс одежды или в интерьер жилого дома.

В прениях по докладом выступил ряд участников сессии.

А. Ю. Петерсон (Этнографический музей АН Эстонской ССР, г. Тарту) поделился опытом сбора статистических материалов по современности — как самими сотрудниками, так и с помощью корреспондентов. В сборе материала по современному жилищу, интерьеру, одежде, семье, пище — принимают участие и школьники, руководствуясь разработанными Музеем анкетами и вопросниками.

М. Г. Ашманис (Музей истории Латвийской ССР, г. Рига) высказал мысль, что этнографы якобы должны изучать лишь те народы, которые перешли на путь социалистического развития непосредственно из феодализма, вследствие чего они сохранили больше этнических особенностей. Что касается Латвии и других республик, народы которых до победы Советской власти прошли путь капиталистического развития, то, по его мнению, изучением их должны заниматься социологи, а деятельность этнографов ограничивается исследованием народного искусства, обычаев, исторической этнографией.

А. Б. Закс (Ин-т музееведения, Москва) отметил, что рамки современной этнографии, по сравнению с дореволюционной, сильно раздвинулись. Советские этнографы изучают культуру и быт непосредственных производителей материальных благ. Однако в связи с тем, что значительный процент молодежи в рабочих и крестьянских семьях составляет интеллигенция, возникает вопрос — должны ли этнографы изучать и быт интеллигенции. В настоящее время, по мнению А. Б. Закса, этнография представлена двумя направлениями — научно-исследовательским и музейным, и хотя пути этих направлений, по характеру их практической деятельности, различны, методология их едина: это — изучение явления в динамике; выявление закономерностей развития; активное вмешательство в жизнь; расширение базиса исследования за счет архивных и статистических материалов.

В. Ю. Крупянская (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) указала, что исследования культуры и быта рабочих в настоящее время приобрели значительный размах и ведутся почти во всех республиках Союза. Уже на первом этапе работы (на среднем Урале, Украине, в Грузии) была разработана методика исследования и определен круг разрабатываемых проблем. Исследование современной культуры и быта рабочих ведется в историческом аспекте, в тесной связи с вопросами формирования рабочих коллективов. Характерно для современности размытие национальных и других перегородок, особенно активно протекающее в рабочей среде. Эти процессы подлежат изучению этнографов с точки зрения воздействия их на быт, нравы, семью и т. д. При музейном показе рабочего быта необходимо насытить экспозицию вещевым материалом. Так, хорошо может быть представлено развитие рабочего поселка, жилища в этнографическом и социальном аспектах. В известной мере должно быть отражено и производство как один из важнейших факторов изменения культурно-технического уровня рабочих. Однако методы показа его еще требуют разработки.

Г. С. Маслова и Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) отметили, что доклад О. В. Ионовой дает общий план, который должен быть творчески разработан на местах. В музеях многонациональных республик и областей желательна создание разделов или выставок, отражающих современные этнические процессы. Крайне желательна организация открытого хранения этнографических фондов, что сделает их доступными для широкого круга работников. Большие трудности имеются

в показе подлинных предметов современной одежды, интерьера городского жилища и т. п. Видимо, в таких случаях лучше пользоваться макетами, моделями и иллюстративным материалом. Сложен также показ современного производства. История современной техники может, а в ряде случаев должна быть отражена в краеведческом музее, но это уже выходит за пределы этнографической экспозиции. Совместная работа с представителями смежных наук необходима, а в связи с этим комплексные экспедиции — один из существеннейших моментов организации исследований.

Выступившие в прениях М. З. Азаматова (Адыгейский краеведческий музей, г. Майкоп), К. А. Величко (Областной краеведческий музей, Ростов н/Д.), О. Л. Логинова (Рижский исторический музей), Г. В. Джелалабадзе (Гос. музей ГрузССР), Т. В. Саламатова (Красноярский областной музей) поделились опытом работы по сбору и экспонированию этнографических материалов по современности. Эта работа представляет существенные трудности, поскольку в большинстве краеведческих музеев специалисты этнографы отсутствуют. Некоторые из них (например, Адыгейский и Красноярский краеведческие музеи, Гос. музей ГрузССР) находятся в лучшем положении, так как сумели наладить прочные контакты с местными научно-исследовательскими учреждениями и Институтом этнографии АН СССР, широко пользуются консультациями специалистов при комплектовании фондов, составлении и обсуждении планов экспозиций, а также принимают участие в экспедициях и коллективных трудах этих учреждений. Особую сложность представляет экспонирование материала по рабочему быту, в связи с чем краеведы остро нуждаются в научно-исследовательских трудах по этой тематике. Все выступавшие признали необходимость усиления сбора коллекций по современности, в связи с чем обратились с просьбой к центральным научно-исследовательским учреждениям оказать помощь музеям в выработке критерия по сбору и приобретению коллекций и разработать методические пособия (инструкции и программы), которыми краеведы могли бы руководствоваться в своей практической деятельности. Выступавшие также подчеркивали необходимость организации семинаров по подготовке и переподготовке краеведов-этнографов.

После кратких заключительных слов докладчиков С. П. Толстов подвел итоги развернувшимся прениям, отметив, что они выявили и частично разрешили ряд принципиальных вопросов и это, несомненно, положительно скажется на дальнейшей работе музеев. Одобрав работу Государственного музея этнографии народов СССР над обобщающими экспозициями по жилищу и одежде, С. П. Толстов отметил, что подобные экспозиции соответствуют современному уровню этнографической науки. На современном этапе очень важно изучение общих закономерностей в развитии культуры и быта народов СССР. Выявлению этих процессов будет посвящен ряд монографий Института этнографии по советскому крестьянству, рабочему классу и советской семье. Материалы по культуре и быту современных народов СССР будут использованы и в многотомном издании «История СССР», в написании соответствующих разделов которой примут участие сотрудники Института этнографии. Остановившись на некоторых выступлениях, С. П. Толстов отметил, что М. Г. Ашманис дает неправильное толкование предмета социологии, такое толкование распространено в зарубежных буржуазных кругах. Он принципиально неправ, считая, что одни народы должны изучаться этнографами, другие — социологами. Марксистская социология — это отрасль философской науки, разрабатывающая учение исторического материализма. С марксистской социологией мы имеем тесный контакт: социологи опираются на материалы этнографии и других общественных наук и сами проводят конкретные исследования по близким этнографии проблемам.

То, что А. Б. Закс назвала направлениями в этнографической науке, вернее будет назвать аспектами ее, порожденными спецификой научно-исследовательской и музейной работы. Выступления некоторых краеведов показали, что нужно больше пропагандировать этнографическую науку и бороться за повышение квалификации работников краеведческих музеев. Необходимо обратиться в Министерство высшего образования с предложением выпускать специалистов-этнографов музейного профиля, а также организовать курсы по подготовке краеведов.

Участники сессии ознакомились с экспозицией старейшего в СССР Этнографического музея под открытым небом (Бривдабас-музея в Риге), с экспозицией Государственного рижского исторического музея и с этнографическими фондами Музея истории Латвийской ССР, а также с краеведческими музеями в гг. Сигулда, Цесис, Тукум, Вентспилс (экспозиция морского рыболовства), с мемориальным музеем Э. Вейденбаума в усадьбе Калачи и многими другими. Осмотр этих музеев дал большой материал для обсуждения. Весьма положительно был оценен опыт работы ряда краеведческих музеев — в Цесисе, Вентспилсе и др.

Вторая половина сессии была посвящена музеям на открытом воздухе. С докладом «Принципы организации музеев под открытым небом и их современные задачи» выступил И. В. Маковецкий (Ин-т истории искусств Министерства культуры СССР, Москва). Докладчик, охарактеризовав музеи под открытым небом, функционирующие в зарубежных странах, остановился на развитии этого типа музеев в Советском Союзе, отметив положительные черты и недостатки в их работе.

К. П. Викманис (Латвийский этнографический музей под открытым небом, г. Рига) в докладе «История и перспективы развития Латвийского этнографического музея под открытым небом» отметил существенные изменения в экспозиции Музея:

усилен классовый аспект показа латышского крестьянства (кроме богатых усадеб, перевезены середняцкие и бедняцкие постройки; установлены стенды с материалами о колхозах). Следует пополнить Музей экспонатами периода капитализма, пока еще слабо отраженного в экспозиции. Возможно, следует расширить хронологические рамки вглубь, показав фрагменты построек, найденных при археологических раскопках.

Г. В. Пионтёк (Архитектурно-проектировочный институт им. И. Е. Репина, Ленинград) в сообщении «Обзор деятельности музеев под открытым небом» изложил собранные им материалы о музеях РСФСР, Прибалтики, Кавказа, выделив три их типа: центральный, региональный и узколокальный. В докладе М. М. Кальнинь (Лаборатория Латвийского республиканского отделения Всесоюзного Химического общества им. Д. И. Менделеева, г. Рига) говорилось о защите памятников архитектуры от разрушения.

Выступившие в прениях О. Р. Корзюков (Эстонский государственный музей-парк, г. Таллин), Н. В. Воробьев (Музей-заповедник в Кижях), К. Г. Жам (Переяславль-Хмельницкий краеведческий музей), М. К. Эджинь (Латвийский этнографический музей на открытом воздухе, г. Рига), Л. А. Костромина (Ярославль-Ростовский музей-заповедник) сообщили участникам сессии о ходе и опыте работы в перечисленных музеях на открытом воздухе. Наиболее удачным в этой области следует признать опыт Эстонского государственного музея-парка. Идея создания его, возникшая еще 50 лет назад, начала осуществляться с 1957 г. Для музея была выбрана недалеко от Таллина территория в 80 га, создан и обсужден среди широкой общественности перспективный план развития Музея. Выявленные и намеченные для перевозки (специальной комиссией из этнографов, архитекторов и искусствоведов) здания частично уже перевезены на территорию Музея. Постройки, располагающиеся по круговой дороге, будут характеризовать жилище северной и южной областей Эстонии, а также селу, русских и шведов, проживающих на ее территории. Каждая группа будет представлена в социальном разрезе (от бедняцкого жилища — до помещичьей усадьбы).

В ходе дальнейшей дискуссии, в которой приняли участие К. Г. Тороп (Костромской музей на открытом воздухе), И. Ш. Шевелев (Архитектурно-реставрационные мастерские г. Кострома), Б. В. Гнедовский (Центральные архитектурно-реставрационные мастерские, Москва), А. В. Ополовников (Академия архитектуры СССР, Москва), А. С. Королева (Ин-т музееведения, Москва), М. И. Черняускас (Отдел музеев министерства культуры Литовской ССР), выявился ряд неотложных вопросов, стоящих перед работниками музеев этого профиля: вопросы, связанные с выбором территории музея и возможностью его создания на базе и в окружении старых памятников культуры (в связи с чем утрачивается природное окружение их); принципы зонирования и планировки музея; принципы отбора памятников (по архитектурно-художественному или социальному признаку); возможность сочетания музея с развлекательными учреждениями (парк с аттракционами, пляж, ресторан и т. д.).

Выступавшие отметили, что при выборе территории музея или при отборе памятников, подлежащих консервации на месте, необходимо учитывать общегосударственные интересы, в частности возможность использования музеев для культурно-просветительной работы, а впоследствии включения их в туристские маршруты.

После заключительных слов докладчиков председатель П. И. Галкина (Ин-т музееведения, Москва) подвела итоги прениям.

Участники сессии отметили плодотворность проведенной работы. Основные задачи и практические мероприятия изложены в принятой резолюции.

В период развернутого коммунистического строительства, говорится в резолюции, особую актуальность приобретает изучение современных этнических процессов у народов СССР, развития культуры советских наций и народностей, сближение наций, укрепления дружбы народов СССР, изменения форм их быта, а также борьбы с пережитками, тормозящими процесс коммунистического строительства. Этнографические музеи должны еще активнее включиться в выполнение этих задач, систематически пополняя фонды современными этнографическими материалами.

Сессия с большим удовлетворением отметила организацию в ряде республик, областных городов и районных центров сети новых этнографических музеев на открытом воздухе. Эти музеи позволяют показать произведения народного зодчества, быта и прикладного искусства в едином комплексе подлинных жилых, производственных и общественных сооружений в характерных для них природных условиях, в их историческом развитии, с четкой социальной характеристикой. Они открывают возможность использования разнообразных форм массовой работы в области пропаганды научных знаний и эстетического воспитания народа.

Для осуществления стоящих перед этнографами задач необходимо: усилить изучение и собирание материалов по этнографии народов СССР на современном этапе развития советского общества; принять меры к координации деятельности научных учреждений, музеев; обратить внимание музеев на необходимость планового собирания быстро уходящих памятников материальной культуры; усилить публикацию методических пособий по собиранию и экспонированию этнографических материалов. Рекомендовать создание в краеведческих и исторических музеях широкого профиля особых этнографических отделов, стационарных и передвижных выставок этнографических материалов, а также организацию открытого хранения фондов.

Особо в резолюции отмечен вопрос о подготовке кадров, о необходимости создания или восстановления этнографических кафедр или отделений в крупнейших вузах страны и включения курсов по музееведению и этнографии в программы исторических вузов и факультетов, а также — об организации семинара по этнографии и прохождении стажировки музейных работников в центральных этнографических учреждениях.

Участники сессии отметили теплый и радушный прием со стороны Министерства культуры Латвийской ССР и Института истории ее Академии наук.

Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА

16—20 апреля 1962 г. в Казани проходил Учредительный съезд Общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина. Задача съезда заключалась в восстановлении Общества, существовавшего в Казани с 1878 по 1930 г. и проделавшего большую и полезную работу по изучению археологии, истории и этнографии народов Поволжья (труды его опубликованы в 34 томах «Известий Казанского общества археологии, истории и этнографии»). В работе Учредительного съезда участвовало около 200 представителей научных учреждений, вузов и музеев Москвы, Ленинграда, Казани, Пензы, Перми, Уфы, Куйбышева, Горького, Волгограда, Ижевска, Саранска, Чебоксар, Йошкар-Олы, Элисты, Нальчика и др. Было проведено 2 пленарных и 30 секционных заседаний. На съезде работало шесть секций: истории советского общества, истории капитализма, истории феодализма, всеобщей истории, археологии и этнографии. Было прочитано и обсуждено 85 докладов и сообщений.

М. И. Абдрахманов (Казань) во вступительном слове подчеркнул, что восстановление Общества археологии, истории и этнографии при КГУ имеет большое научное и общественное значение. Для выполнения больших задач, стоящих перед советской наукой, необходима координация работ ученых смежных специальностей. Восстанавливаемое Общество, отметил М. И. Абдрахманов, поможет проведению в жизнь этой задачи.

С приветствиями выступили М. Т. Нужин (Казань), Л. Н. Терентьева (Москва), К. Ф. Фасеев (Казань), Е. И. Устюжанин (Казань), Е. И. Медведев (Саратов).

И. М. Ионенко (Казань) выступил с докладом на тему «О задачах изучения истории Поволжья и Приуралья в свете решений XXII съезда КПСС». Перед историками советского общества Поволжья и Приуралья, — указал докладчик, — стоит задача изучать историю рабочего класса, крестьянства, борьбу рабочего класса и тружеников деревни за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, историю революционного движения и социалистического строительства в названных районах. Археологи должны продолжать изучение памятников Булгарского государства, ранней истории Казанского ханства. Этнографам следует изучать проблемы этногенеза казанских татар, чувашей, марийцев, башкир, их сближения. Необходимо исследовать изменения в Поволжье и Приуралье. Докладчик особо подчеркнул большие задачи, стоящие перед этнографами в эпоху построения коммунистического общества, когда быстро сближаются быт и культура рабочих и крестьян.

Л. Н. Терентьева (Москва) от имени трех авторов — Т. А. Жданко, С. П. Толстова и своего сделала доклад «Основные проблемы и очередные задачи советской этнографии».

В докладе отмечается, что советские этнографы успешно сочетают практическую и теоретическую работу, оказывая большую помощь различным государственным учреждениям нашей Родины. На очереди — большие задачи: изучение рабочего класса, развития национальных культур, их сближения. Необходимо исследовать изменения в быту народов, изживание религиозных пережитков, формирование атеистического мировоззрения. Важное место в исследовании имеет изучение семьи. Много внимания этнографы будут уделять и народам зарубежных стран. За последние годы содружество советских и зарубежных этнографов усилилось. Так, например, СССР участвует в издании информационного органа «Демос» (ГДР). В докладе говорится также о необходимости совместной работы археологов, этнографов, философов, историков, лингвистов, а также о том, что следует расширить преподавание этнографии на исторических факультетах университетов и педагогических институтов, чтение этого курса весьма желательно ввести на географическом, а также филологическом, философском и юридическом факультетах.

О проекте устава Общества доложил Ш. Ф. Мухамедьяров (Казань). Цель Общества — всемерное содействие развитию исторических дисциплин. Общество будет иметь свой печатный орган «Известия Общества археологии, истории и этнографии».

17—19 апреля проходили секционные заседания. Работа секции этнографии под председательством Н. И. Воробьева началась с доклада Е. П. Бусыгина (Казань) «Взаимовлияние культуры русского народа с культурой народов Поволжья (по этнографическим материалам XIX в.)». Докладчик отметил, что в многонациональном Среднем Поволжье шел процесс взаимодействия национальных культур. До сих пор этнографы изучали влияние русской культуры на культуру местного населения. Е. П. Бусыгин уделит главное внимание изучению влияния культуры местных народов на русских. Привлекая обширные полевые материалы, докладчик охарактеризовал русское население Поволжья как своеобразную по культуре и быту группу. После Октябрьской социалистической революции, — подчеркнул Е. П. Бусыгин, процесс сближения национальных культур протекает еще активнее, и изучение этих этнических процессов представляет большой интерес.

Т. А. Крюкова (Ленинград) выступила с докладом «Работа Государственного музея этнографии народов СССР по этнографическому изучению народов Поволжья и Приуралья и перспективы на ближайшие годы», в котором кратко охарактеризовала коллекции отдела народов Поволжья и Приуралья музея, а также осветила экспедиционно-сборительскую и научно-исследовательскую работу отдела за послевоенные годы. В заключение Т. А. Крюкова подробно остановилась на перспективах работы отдела в ближайшие годы в свете задач, поставленных перед нашей наукой.

Большой интерес вызвал доклад С. А. Попова (Оренбург) «Население Оренбургской области в XVIII в.». Источником автору послужило изучение «Экономических примечаний к Генеральному межеванию Оренбургской губернии (по данным пяти ревизий)». Это позволило изучить численность, национальный состав и размещение населения в пределах территории современной Оренбургской области.

С. И. Брук (Москва) выступил от имени В. И. Козлова, М. Г. Левина и своего с докладом «О связи этнографии с географией», который привлек значительное внимание. Докладчик отметил давнюю связь этих наук везде и в России особенно. Вопросы этнической географии имеют большое научное и практическое значение. В лабораториях этнической статистики и картографии Ин-та этнографии АН СССР созданы этнические карты стран Азии, Африки, карта народов мира, народов СССР. Вскоре выйдет атлас народов мира — 70 карт, из них 15 по СССР, классификация народов в этих изданиях проведена по лингвистическому принципу. Одна из очередных и интересных задач, отметил докладчик, — это создание историко-этнографических карт.

М. Р. Румянцев (Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики) выступил с докладом «Современная материальная и духовная культура чувашского населения ТАССР, Куйбышевской и Ульяновской областей». Доклад освещает итоги изучения жилищ, одежды и быта колхозников, а также вопросы о семье и браке. Докладчик отмечает существование некоторых религиозных праздников (например, культ Велем-хузя) и считает, что эти факты — результат плохой постановки атеистической пропаганды.

Значительный интерес вызвало сообщение Р. Г. Мухамедовой (Казань) «Особенности старинной мишарской свадьбы». Докладчик выделяет два варианта мишарской свадьбы: 1) кулатинский, близкий к казанско-татарскому свадебному обряду и 2) темниковский, который отличается самобытными чертами, темниковский вариант подвергся северо-великорусскому влиянию.

Т. Т. Шикова (Кабардино-Балкарский университет) в своем сообщении «О некоторых вопросах этнографического изучения кабардинского и балкарского народов» остановилась преимущественно на вопросах о большой и малой семье у кабардинцев и показала, что основной формой семьи у кабардинцев в конце XIX в. стала малая семья, которая еще долгое время сохраняла многие черты быта большой семьи.

У. Э. Эрдинев (Калмыцкая АССР, г. Элиста) в сообщении «Земледелие у калмыков» указывает на наличие земледельческого хозяйства у калмыков уже с конца XVIII в.

Ряд докладов был заслушан на объединенном заседании секций археологии и этнографии.

А. П. Смирнов (Москва) выступил с докладом «Роль Болгарского государства в формировании Казанского ханства»; докладчик подчеркнул, что болгарская культура в формировании казанских татар была основной, хотя золотоордынские татары также оказали значительное влияние на формирование культуры казанских татар.

Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) прочитал доклад на тему «Раскопки Нового Сарая», в котором показано большое значение этой столицы в истории Золотой Орды.

В. Ф. Каховский (Чувашский пединститут) выступил с докладом «Происхождение чувашского народа». По мнению докладчика, древние предки чувашей — тюркоязычные племена — были выходцами из Хуннского союза. На Алтае из западнохунских племен выделить болгарские и сузавские племена. В IX—X веках болгары освоили территорию Чувашского Поволжья, где ассимилировали аборигенов — финноугорские племена и положили начало формированию верховых чувашей. Суразы в XIII в. перешли на правый берег Волги и положили начало формированию низовых чувашей. В заключение докладчик подчеркнул, что чувашский народ является одним из древних тюркоязычных народов Поволжья.

И. Д. Воронин (Мордовский университет) выступил с сообщением «К вопросу о происхождении названия «буртасы», «мордва», «мещера»». Докладчик считает, что эти понятия равнозначны. Термин «буртас» иначе «муртас», «мртас» получил отражение у готских племен как «морденс», у восточнославянских племен как «мордва». Слово «мурта» в западном диалекте татарского языка означает «пчела». Таким образом, в первом тысячелетии н. э. «буртасы» — не имя народа, а название страны, население которой занималось пчеловодством. «Мещера» — также может означать «пчеловоды». В мокша-мордовском наречии есть слово «меш» — «пчела». Следовательно, общие названия «муртас», «мордва», «буртасы» когда-то покрывали и название племен, образовавших «мещеру». Термин «мещера» как самоназвание племени равнозначен термину «муртас». Древние понятия «мордва», «муртас», «буртасы» шире, чем современное понятие «мордва» (мокша и эрзя). В среде племен-пчеловодов под общим именем «мордвы» («муртас», «буртасы») были предки теперешней мордвы-мокши, мордвы-эрзя, мещеры и часть тюркских племен западной ветви.

М. Г. Сафаргалиев (Мордовский государственный университет) прочитал доклад «Присоединение народов Поволжья к Русскому государству», в котором подчеркнул прогрессивный характер присоединения.

Г. В. Юсупов (Казань) в докладе «К вопросу о тюркской топонимике Среднего Поволжья» указал на малую изученность топонимики края. Он подчеркнул необходимость широкого изучения этой области, важной для исторической науки, а также языкознания и географии.

Большой интерес вызвал доклад Н. И. Воробьева (Казань) «Татарское изобразительное искусство, его развитие и перспективы». Докладчик охарактеризовал основные виды традиционного татарского изобразительного искусства — орнаментацию жилищ, резьбу по камню и дереву, вышивку, аппликацию по ткани и коже, графику, изделия из металла. Н. И. Воробьев описывает технику, характер орнамента, расцветку. Докладчик уделил большое внимание этапам развития татарского искусства в условиях социалистической действительности и отметил появление новых видов современного искусства — живописи, скульптуры.

Сообщение Ф. Х. Валеева (Казань) «Архитектура казанских татар» вызвало большой интерес среди археологов и искусствоведов. Докладчик утверждал, в частности, что памятник архитектуры волжских булгар, предков казанских татар, так называемая «Соборная мечеть» должен быть датирован началом XIII в. (домонгольский период), а не началом XIV в., как ранее считали археологи.

С докладом «Металлообработка и металлургия меди у волжских булгар X—XII вв.» выступила Г. А. Хлебникова (Казань), уделившая главное внимание технологии металлургии и металлообработки, и отметила, что произведенное исследование позволяет говорить о высокой степени развития металлургии и металлообработки у булгар.

Сообщение Р. Г. Кашафутдинова (Казань) было посвящено празднованию сабантуй у казанских татар после Октябрьской революции. Докладчик подчеркнул, что сабантуй превратился в праздник освобожденного труда и дружбы народов. Ныне в этом празднике участвуют представители других национальностей, а также женщины, которые раньше туда не допускались.

20 апреля на заключительном пленарном заседании руководители секций подвели итоги проделанной работы. Все выступающие выражали большое удовлетворение по поводу восстановления Общества истории, археологии и этнографии и указывали на большое научное значение работы самого съезда¹.

Участники съезда утвердили устав Общества и выбрали его совет в составе 17 человек. Председателем Общества избран один из старейших членов — Н. И. Воробьев. В состав совета вошли А. П. Смирнов (Москва), М. И. Абдрахманов (Казань), Ш. Ф. Мухамедьяров (Казань), М. И. Медведев (Саратов) и другие.

Съезд избрал почетных членов Общества — В. П. Волгина, Н. М. Дружинина, И. И. Минца, М. В. Нечкину, Б. Д. Рыбакова, Е. Д. Сказкина, М. Н. Тихомирова, С. П. Толстова. Была избрана также ревизионная комиссия Общества в составе пяти человек и редакционная коллегия «Известий Общества археологии, истории и этнографии» в составе девяти человек (председатель коллегии И. М. Ионенко, его заместитель по археологии и этнографии — Е. П. Бусыгин).

Закрывая Учредительный съезд, председатель Общества Н. И. Воробьев выразил уверенность, что Общество продолжит хорошие традиции старого «Общества археологии, истории и этнографии» и выполнит высокие обязательства, стоящие перед советской наукой.

А. П. Новицкая

¹ Доклады и сообщения, прочитанные на съезде, будут напечатаны в «Известиях Общества истории, археологии и этнографии», т. I (35).

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ РАБОЧЕГО ОРГКОМИТЕТА VII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

22 мая 1962 г. в Москве состоялось второе заседание рабочего Оргкомитета VII Международного конгресса антропологических и этнологических наук, посвященное программе конгресса и организационным вопросам его подготовки.

На заседании присутствовало более сорока членов Оргкомитета, представляющих союзные республики и научные учреждения Москвы и Ленинграда.

Заседание открыл Президент конгресса член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов, охарактеризовавший работу, сделанную за прошедший после первого заседания Оргкомитета год.

Почти во всех союзных республиках (Белорусской, Латвийской, Эстонской, Молдавской, Грузинской, Узбекской, Туркменской, Таджикской, Киргизской) были созданы республиканские оргкомитеты, включающие не только этнографов и антропологов, но и представителей смежных наук: фольклористов, языковедов, историков, археологов, биологов и музееведов. Организован также Региональный оргкомитет Среднего Поволжья и Урала с центром в Казани. Все эти оргкомитеты, координируя работу различных научных учреждений, наметили конкретные мероприятия по подготовке конгресса и приступили к их осуществлению. Ими представлено большое количество заявок на доклады и издания. Особенно активно включились в работу оргкомитеты Белоруссии, Грузии, Узбекистана.

Выполняя ряд общих решений предыдущего заседания, в частности направленных на расширение преподавания этнографии и антропологии в вузах страны и привлечение университетов к участию в конгрессе, Оргкомитет обратился в Министерство высшего и среднего специального образования СССР. В связи с этим, Министерство рекомендовало научно-исследовательским учреждениям, кафедрам и лабораториям вузов, имеющим отношение к проблематике конгресса, активно включиться в его подготовку, а также рассмотреть вопрос об улучшении преподавания этнографии и антропологии в университетах.

Говоря о подготовке к конгрессу этнографических выставок, С. П. Толстов отметил, что в помещениях, где будет проходить конгресс, целесообразно организовать выставку, отражающую научную работу этнографических учреждений страны. Желательно также подготовить новые экспозиции и выставки в Музее антропологии и этнографии АН СССР и Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде.

Основные поручения, возложенные предыдущим заседанием Оргкомитета на Институт этнографии АН СССР, касались дальнейшего уточнения структуры конгресса и разработки проблематики отдельных секций. Для осуществления этих задач были выделены кураторы секций, которые должны руководить всей проводимой организационной работой и осуществлять связь с местами. По основным секциям были созданы специальные рабочие группы. Разработанная проблематика секций и предложения по уточнению структуры конгресса неоднократно рассматривались на заседаниях президиума Оргкомитета и были подготовлены для обсуждения на пленарном заседании Оргкомитета.

Далее слово было предоставлено кураторам секции и представителям Оргкомитета от союзных республик и различных научных учреждений. В оживленных прениях приняло участие более двадцати человек.

С информацией о подготовке антропологических секций выступил Г. Ф. Дебеч. Он сообщил о том, что антропологами налажена связь с рядом научно-исследовательских учреждений, преимущественно Москвы и Ленинграда, ведущих исследования по близкой тематике — анатомической, медицинской, спортивно-физкультурной. Получено большое количество заявок на доклады, особенно по этнической антропологии, соматологии человека, палеоантропологии, спортивной антропологии и т. п. Затем Г. Ф. Дебеч остановился кратко на основных направлениях работы и проблематике всех антропологических секций. Его выступление дополнили В. В. Гинзбург (по секции анатомической антропологии) и М. Г. Левин (по секции этнической антропологии). В. В. Гинзбург напомнил, что о предварительной проблематике антропологических секций было также доложено на пленуме правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов в г. Иркутске в 1961 г. Перечень этих проблем был опубликован затем в журналах «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии» (№ 2, 1962 г.) и «Вопросы антропологии» (вып. 9, 1962), с тем чтобы с ними могли познакомиться широкие круги специалистов.

Большинство кураторов этнографических секций информировало о поступлении многочисленных заявок на доклады как по общим проблемам этнографии, так и на конкретные темы.

Однако ряд выступавших (Т. А. Жданко, В. К. Соколова, Н. Н. Чебоксаров, К. В. Чистов) обратил внимание на неравномерность поступления сведений с мест. Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Узбекистан заявили наибольшее количество разнообразных по тематике докладов, в то время как от некоторых республик (Армения, Украина, Литва) их вовсе не поступило. По ряду секций имеются заявки только от московских и ленинградских учреждений; между тем известно, что на местах ведутся исследования по сходной тематике.

Значительное место в выступлениях кураторов было уделено проблематике отдельных секций, на которой предполагается сосредоточить основное внимание участников конгресса. При обсуждении этой проблематики члены Оргкомитета отметили, что она в основном отражает наиболее актуальные проблемы в области наук, представленных на конгрессе.

Представители союзных республик А. И. Залесский (Белоруссия), Н. Н. Ершов (Таджикистан), Г. С. Читая (Грузия) ознакомили собравшихся с работой своих оргкомитетов. Большой интерес вызвало сообщение Г. С. Читая о введении в Тбилиском университете с осени 1962 г. курса общей этнографии, а также этнографии Кавказа (кроме исторического факультета, на географическом и экономическом факультетах).

Л. П. Потапов и Е. Н. Студенецкая остановились на подготовке этнографических выставок к конгрессу. Е. Н. Студенецкая сообщила, что Государственный музей этнографии народов СССР готовит несколько новых экспозиций.

Оргкомитет обсудил также ряд организационных вопросов, касающихся главным образом подготовки докладов советских участников конгресса.

Закрывая заседание, С. П. Толстов наметил ряд конкретных рекомендаций по дальнейшей подготовке конгресса и предложил провести следующее заседание рабочего Оргкомитета в ноябре 1962 г.

К. В. Якимова

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ НА X ТИХООКЕАНСКОМ НАУЧНОМ КОНГРЕССЕ

С 21 августа по 6 сентября 1961 г. в Гонолулу проходил X Тихоокеанский научный конгресс. На конгресс из различных стран мира были приглашены ученые, занимающиеся изучением Тихого океана, в том числе представители подмандатных и зависимых территорий этого района земного шара. В конгрессе участвовало 2700 человек; в делегацию СССР входило 49 советских ученых различных специальностей. Число участников намного превысило запланированное (1500 чел. из 40 стран), что можно объяснить как широким кругом вопросов, включенных в план работы конгресса, так и их актуальностью.

Тихоокеанские конгрессы имеют свою историю.

2 августа 1920 г. на Гавайских островах открылась I Пан-Тихоокеанская научная конференция, на которой присутствовало около 100 ученых, более половины которых прибыли из США. Инициаторами созыва конференции были Австралийское королевское общество и Музей им. Бернис П. Бишоп (Гавайи). Иден, выдвинутые на конференции, как и сам факт ее созыва, получили широкую поддержку в различных странах. Советская Россия не смогла в то время принять участие в работе конференции.

В 1926 г. на Третьем Тихоокеанском научном конгрессе (частица «Пан» была отброшена, чтобы избежать путаницы с другими «пан» ... ассоциациями) в Токио был окончательно оформлен и утвержден устав Тихоокеанской научной ассоциации. На этом конгрессе присутствовала и делегация советских ученых, в том числе один из крупнейших этнографов Л. Я. Штернберг. В соответствии с уставом были намечены планы будущих исследований, приняты резолюции с призывами к ученым стран Тихоокеанского бассейна выступать за добрососедские отношения между народами, против войны. Был создан Совет Ассоциации из 15 членов, куда вошел представитель Академии наук СССР.

Конгрессы Тихоокеанской научной ассоциации проходят поочередно в одной из стран Тихоокеанского бассейна каждые несколько лет. Состоялись следующие конгрессы: в Австралии (1923), Японии (1926), Индонезии (1929), Канаде (1933), США (1939), Новой Зеландии (1949), на Филиппинах (1953), в Таиланде (1957).

Известный австралийский ученый А. Элкин так сформулировал принципы Тихоокеанской ассоциации и ее конгрессов: «Тихоокеанские научные конгрессы исходят из убеждения, что язык науки универсален, что ни географические, ни идеологические границы не могут воспрепятствовать сотрудничеству, которое является основой научной деятельности, и уверены, что все ученые будут работать на благо человека, во имя процветания и мира»¹.

Организаторы и участники конгресса проявили неподдельное желание к установлению духа взаимопонимания. Это проявлялось и в научных дискуссиях, в дружелюбном отношении ученых западных стран и даже прессы к членам советской делегации — представителям чуждой подавляющему большинству участников конгресса марксистской идеологии. Наибольший интерес к советским ученым проявили молодые ученые различных стран.

Работа X Тихоокеанского научного конгресса проходила по секциям и на многочисленных симпозиумах. Разница между симпозиумами и секционными заседаниями

¹ А. Elkin, Pacific Science Association, 1961, стр. 64—67.

очень невелика. Симпозиумы отличались, возможно, лишь более целенаправленным подбором докладов и тем, что некоторые из них проводились при участии и поддержке соответствующей международной организации (например, по дунами и др.).

Повестка дня конгресса включала вопросы, связанные с океанографией, геофизикой, биологией, ботаникой, социологией, этнографией и многими другими отраслями наук.

Секция антропологии и социальных наук была одной из наиболее многочисленных и загруженных. Ее работа была хорошо организована, что позволило советским делегатам участвовать в работе многих секционных заседаний и симпозиумов. Представление о широте круга затрагивавшихся на секции вопросов дает перечень основных из них, которые были вынесены на симпозиумы.

1. Этнография:

а. Генезис и микрореволуция народов бассейна Тихого океана.

б. Этническая история стран Тихоокеанского бассейна.

в. Новейшие изменения в культуре народов Тихого океана (вопросам развития японской культуры был посвящен отдельный симпозиум).

г. Состав населения, демография, проблемы, связанные с быстрым ростом населения.

2. Археология:

а. Текущие археологические исследования островов Тихого океана.

б. Геохронология (методика и итоги исследований).

3. Филология:

а. Малайско-полинезийские языки района Тихого океана.

б. Фольклор.

4. Социология:

а. Особенности социальной структуры стран Тихого океана.

б. Рост численности населения.

в. Урбанизация.

г. Политическая организация.

д. Государственное планирование и др.

Всего по секции антропологии и социальных наук было зачитано не менее 500 докладов.

Весьма интересными были также доклады о связи растительности с миграциями народов в Тихом океане, о генетике морфологических и биохимических свойств крови, некоторые доклады на секциях географии и медицины.

Доклады, представленные на секции антропологии и социальных наук, носили преимущественно обзорный характер и, как правило, не сопровождались дискуссиями, для которых не хватало времени (даже на симпозиумах!). Полные тексты докладов не всегда распространялись в аудитории; на доклады отводилось 20—30 мин. с возможными вопросами, причем регламент строго соблюдался. Чаше зачитывались лишь расширенные тезисы докладов. Предполагается, что большинство докладов будет опубликовано в различных периодических изданиях.

На конгрессе большое внимание было уделено этнической истории стран бассейна Тихого океана в пределах последних двух тысячелетий. Вопрос о путях заселения островов Тихого океана рассмотрен лишь в 2—3 докладах. Широко обсуждался вопрос о месте человека в экосистеме островов², о взаимных влияниях человека на природу и природы на человека, о значении островной изоляции.

Интересный доклад Ч. Чарда³ был посвящен проблемам возникновения и распространения на северном побережье Тихого океана культур, связанных с морем. По мнению Чарда, этот тип культуры распространился относительно недавно по азиатскому побережью из района Берингова пролива. Автор отмечает также существование другого очага культуры этого типа в районе Северной Японии, который, однако, не оказал значительного влияния на окружающие районы.

Р. Шутлер⁴, основываясь на последних археологических исследованиях и результатах радиоуглеродного анализа, в своем докладе делает попытку пересмотреть установленную хронологию заселения островов Тихого океана. Мореходные суда строились

² Содержанию термина «экосистема» был посвящен доклад Ф. Р. Фосберга «The Ecosystem Concept», в котором этот термин определяется как «действующая система взаимодействий, состоящая из одного или более объектов живой природы и воздействующего окружения как физического, так и биологического» (An ecosystem is a functioning interacting system composed of one or more living organisms and their effective environment, both physical and biological). Акад. В. Н. Сукачев предложил в 1940 г. термин «биогеоценоз» (см. БСЭ, 2-е изд., т. 5, стр. 180—181), что отражает то же понятие. См. также: F. C. Evans, Ecosystem as the basic unit in ecology, «Science», 1956, т. 123, стр. 1127—28.

³ Ch. Chard, Maritime Culture in Prehistoric Northeast Asia, «Abstracts of Symposium Papers, Tenth Pacific Science Congress» (в дальнейших сносках — «Abstracts»). Honolulu, 1961, стр. 76.

⁴ F. Shutler, Peopling of the Pacific Islands in the Light of Radiocarbon Dating, «Abstracts», стр. 78.

жителями Южного побережья Китая около 2000 г. до н. э. Автор полагает, что отсюда расселение народов по островам Тихого океана могло проходить по следующим маршрутам: 1) через Филиппины в Микронезию и через Филиппины в Меланезию и далее в Полинезию или 2) через Индонезию в Меланезию.

Заселение Марианских островов датируется Р. Шутлером около 1500 г. до н. э. (надо заметить, что именно к этому времени данные глоттохронологии относят начало малайско-полинезийской языковой дифференциации).

Следовавшие через Меланезию прибыли в Н. Каледонию около 800 г. до н. э. и на Фиджи к 46 г. до н. э. Восточная Полинезия, т. е. о-в Пасхи и Маркизовы острова были заселены к 400 и 125 гг. н. э., Гавайские острова — к 124 г. н. э.

Находка керамики на Самоа и Маркизовых островах и установление факта ее изготовления на о. Тонга заставляет пересмотреть теорию об отсутствии керамики в Полинезии. Богато украшенная керамика о. Тонго очень сходна с образцами с о. Фиджи, Илдепинс и Н. Каледонии; это дает основание предположить, что первоначально Меланезия и Центральная Полинезия были заселены группой южноазиатского происхождения, шедшей через Меланезию; конечным пунктом этого передвижения, возможно, явились Маркизовы острова.

К. Эмори⁵ выдвигает гипотезу более позднего заселения Гавайев, исходя из того, что оно происходило с Маркизовых островов и о. Танти. Каменные и костяные поделки, находимые в раскопках, обнаруживают очень незначительные изменения, по сравнению с имевшими в момент прихода европейцев. Автор отмечает большую изобретательность гавайцев, утрату ими некоторых старых обычаев (например, протыкание ушей для украшений) и предполагает контакт с европейцами еще до прихода Кука.

В своем выступлении Ж. Гиар⁶ оспаривал традиционное разграничение между Меланезией и Полинезией. Гиар указывает, что область от Н. Каледонии до Самоа должна рассматриваться как единое целое. Именно эта область была местом, где начали формироваться полинезийские связи, и местные общества представляют собой различные варианты эволюции от начальных форм к наследственному или выборному статусу.

Интересен был доклад Лин Шунь-шэна «Изготовление одежды из коры и изобретение бумаги в Древнем Китае»⁷, в котором указывалось, что тапа, столь распространенная в Западной Африке, Юго-Восточной Азии, Океании и Америке, производилась в Древнем Китае еще до н. эры. Изобретение бумаги в Китае, приписываемое традицией Цай-Луну, есть по существу дела процесс улучшения выделки разных сортов тапы и других видов бумаги. Литературные источники упоминают тапу в формах t'a-pu, ta-pu, tu-pu (современное литературное ka-pu уже во II в. до н. э.) (Шицзи), I в. н. э. (Ханьшу) и позднее. Автор считает, что слово «тапу» является прямой транслитерацией прото-аустронезийского слова «тапу», обозначающего материал, изготовленный из коры. Помимо слова «тапу», в китайских источниках встречаются и описательные названия этого материала. Автор убежден также, что до изобретения Цай-Луном в 105 г. н. э. настоящей бумаги существовало три сорта бумаги, как, например, шелковая и, что более важно, «таповая», а лингвистические данные указывают на то, что название «таповой» бумаги — kiek-diei — также термин, заимствованный у «южных варваров» — протоаустронезийцев. Изобретение настоящей бумаги Цай-Луном было тесно связано с производством бумажной тапы.

Доклады, посвященные новейшим археологическим исследованиям, носили в основном обзорный характер или рассматривали вопросы методологии этих исследований. К последним относится доклад Т. Л. Смайли «Общие аспекты археологической датировки»⁸ и доклад Наолунэ Ватанабэ «Датирование с помощью магнитного метода в Японии»⁹. Интересно сообщение Р. С. Дафа¹⁰, посвященное типологии неолитических каменных топоров в Юго-Восточной Азии.

Развитию японской культуры был посвящен специальный симпозиум. В докладе Е. Исиды¹¹ указывается, что японская культура и язык сложились в период Яёи. Автор не сомневается в существовании самых тесных контактов между Западной Японией и Южной Кореей.

Четыре доклада на симпозиуме были посвящены изменениям в новой японской деревне, в том числе доклад И. Исино «10 лет после земельной реформы»¹². Интерес

⁵ K. P. Emory, Report on Hawaii and Tahiti, «Abstracts», стр. 60.

⁶ J. Guiart, The Place of New Caledonia and the New Hebrides in Pacific Ethnohistory, «Abstracts», стр. 72.

⁷ Shun-Sheng Ling, Bark Cloth Making and the Invention of Paper in Ancient China, «Abstracts», стр. 74.

⁸ T. L. Smiley, General Aspects of Dating in the Field of Archaeology, «Abstracts», стр. 79.

⁹ N. Watanabe, Magnetic Dating in Japan, «Abstracts», стр. 80.

¹⁰ R. S. Duff, A proposed Typological Classification of the Neolithic Adzes of Southeast Asia, «Abstracts», стр. 76.

¹¹ E. Ishida, Some Basic Problems on the Origins of Japanese Culture, «Abstracts», стр. 62.

¹² I. Ishino, Ten years after the Land-reform Program, «Abstracts», стр. 64.

к этой теме указывает, что процесс ломки старых отношений в японской деревне протекает болезненно. Большая группа докладов по семье и семейным отношениям (Т. Кояма «Изменения семейной структуры в Японии»¹³ и др.) также указывает на злободневность этой тематики.

Советским ученым покажется странным вынесение на отдельный симпозиум вопроса о культуре и обществе островов Рюкю; эту тему правильнее было бы рассматривать как частный вопрос общей проблемы развития культуры Японии. Это является отражением давней линии «отрыва Рюкю» от Японии, преследующей сейчас явно политические цели. В серии докладов по проблемам Рюкю можно выделить интересный доклад Н. Кокубу и Э. Канэко¹⁴, в котором они, основываясь на новых исследованиях древней керамики, оспаривают традиционную точку зрения о происхождении рюкюской культуры от японской культуры Джомон и рассматривают культуру Рюкю как часть большой культурной области Китайского моря.

Э. Канэко, рассматривая погребальные обычаи архипелага Рюкю¹⁵ и сопоставляя их с японскими, указывает на южное происхождение рюкюского способа захоронений. Общим проблемам хронологии рюкюской истории посвящены доклады К. Мейгана и Х. Такамия¹⁶.

На симпозиуме по лингвистике и фольклору был интересен с точки зрения этнической истории доклад С. Элоберта о фонемических приращениях в языке жителей о. Реннел¹⁷. В этом языке обнаружены две фонемы, не свойственные полинезийским языкам (авторская транскрипция gh и l — соответственно звонкий велярный фрикатив и звонкая дентальная фонема). Около 25% слов, содержащих эти фонемы, обозначают предметы флоры и фауны, около 10% — названия изделий, многие из которых не прослеживаются в Полинезии, и около 20% — названия на составленной автором карте острова. Многие слова с этими фонемами, отражающие понятие усталости, скорости, шума и времени, встречаются очень часто. Словари меланезийского языка и работы Габеленца, Кордингтона и др. пока не дают указаний на происхождение этих слов. Местные легенды сохранили сведения о том, что около 21—22 поколений назад родоначальники нынешних жителей прибыли на острова Реннел и Беллону и нашли их занятыми племенами hiti. Эти племена были истреблены пришельцами. Пока трудно сделать какие-либо выводы о происхождении hiti. Из 10 докладов, представленных на симпозиуме по малайско-полинезийским языкам, большинство посвящено частным проблемам этих языков. Для специалистов в области малайско-полинезийских языков были интересны попытка К. Д. Кретьена классифицировать 21 филиппинский язык¹⁸ и выступление И. Дьен о лексикостатистической классификации малайско-полинезийских языков¹⁹. Последний, в частности, поддерживает гипотезу о возможной большой малайско-полинезийской миграции с востока на запад.

На примере изменений в языке чаморо острова Гуам Дж. Фишер²⁰ сделал попытку проверить правильность скорости дифференциации языков, выведенной М. Сводешем на основе расхождений в основном словарном фонде. В результате обнаружено, что изменения, которые, по Сводешу, в других языках требуют 1000 лет, произошли в чаморо за 400 лет.

Из немалайских языков рассматривались в основном языки Н. Гвинеи.

Определенное место в докладах конгресса было отведено проблеме быстрого роста населения в некоторых районах Юго-Восточной Азии и Океании. Хотя доклады, посвященные этой теме, содержали большое количество статистических материалов (как, например, доклад И. Тейбер²¹) и подчас ценные наблюдения, все же, говоря об ограничении рождаемости, детоубийстве, войнах и т. д., некоторые авторы скатывались к мальтузианству, некоторые доходили даже до открытой проповеди человеконенавистничества, откровенно прозвучавшей в докладах К. Глакена и П. Гуро. Достойный отпор такого рода реакционным выступлениям дал под аплодисменты присутствовавших наш соотечественник В. А. Ковда, представлявший на Конгрессе ЮНЕСКО.

Большое место в работе секции уделялось общим социальным и политическим проблемам. Характерно признание западными учеными факта повышения политической активности народов бассейна Тихого океана, роста самосознания этих народов и стремле-

¹³ T. Koyama, Changing Family Structure in Japan, там же, стр. 66.

¹⁴ N. Kokubu and E. Kaneko, Some Aspects of Ryukyuan Prehistoric Cultures, «Abstracts», стр. 121.

¹⁵ E. Kaneko, The Death Ritual of the Ryukyu Islands, «Abstracts», стр. 120.

¹⁶ C. W. Meighan, Time depth for Ryukyuan Cultures: the Early Periods, «Abstracts» стр. 122; H. Takamiya, Time depth for Ryukyuan Cultures: the Later Periods, «Abstracts», стр. 124.

¹⁷ S. H. Elbert, Phonemic Increments in Rennellese, «Abstracts», стр. 92.

¹⁸ C. Douglas Chretien, Classification of twenty one Philippine Languages, «Abstracts», стр. 95.

¹⁹ I. Dyen, The Lexicostatistical Classification of the Malayo-Polynesian Languages, там же, стр. 95.

²⁰ J. L. Fisher, Rate of Change in Basic Vocabulary in Guam, «Abstracts», стр. 96.

²¹ J. Taeuber, Demographic Instabilities in Island Ecosystems, «Abstracts», стр. 476.

ния к полной национальной независимости. В большинстве докладов так или иначе освещаются изменения в социальной структуре и политической жизни отдельных островов и районов Тихого океана, что говорит об актуальности вопроса.

Интересны доклады, посвященные социальным изменениям на Фиджи, представленные молодым фиджийцем, студентом Лондонской экономической школы Р. Р. Найякакалоу — «Характеристика городского фиджийского населения Сувы» и «Характер изменений структуры общества у населения островов Тихого океана»²², в которых автор дает подробный анализ социальных отношений на Фиджи, зарождения и формирования рабочего класса, профсоюзного движения и изменения в семейных отношениях, а также приводит интересные статистические данные и результаты анкетных опросов, проведенных среди неевропейского населения г. Сувы (Фиджи).

В целом на конгрессе были достаточно полно отражены интересы и планы большинства этнографов-тихоокеанистов.

Большой интерес и внимание уделялись докладам и сообщениям советских ученых. На конгрессе от советской делегации на секции антропологии и социальных наук были зачитаны доклад чл.-кор. АН СССР А. А. Губера «О некоторых аспектах экономического развития Юго-Восточной Азии», который вызвал острую дискуссию, и доклад С. Н. Ростовского «Преодоление отсталости народами Советского Севера и Дальневосточного побережья Советского Союза». Тезисы представленных конгрессу докладов Н. А. Бутинова и М. Г. Левина²³ были опубликованы в «Abstracts of Symposia Papers».

Работа конгресса имела большой положительный результат, создав возможность непосредственных контактов и обмена мнениями между учеными разных стран, школ и направлений. Участие советских ученых в этом конгрессе было чрезвычайно полезным для ознакомления иностранных ученых с нашими взглядами и для расширения наших знаний о научных достижениях в изучении стран Тихого океана.

С. И. Королев

²² R. R. Nayacakalou, Some Characteristics of the Fijian Urban Population of Suva, «Abstracts», стр. 103; его же, Nature of Changes in Pacific Island Man's living Patterns, «Abstracts», стр. 475.

²³ N. A. Butinov, Ethnolinguistic Groups in New Guinea, там же, стр. 100; M. G. Lewin, Once more the Ainu Problem, «Abstracts», стр. 62. Русский текст доклада Н. А. Бутинова опубликован в журн. «Сов. этнография», 1962, № 3.

ВРУЧЕНИЕ А. ПУЛЯНОСУ ПРЕМИИ Х. КУМАРИСА

27 апреля 1962 г. в Институте этнографии АН СССР в торжественной обстановке сотруднику сектора антропологии А. Пуляносу была вручена национальная греческая премия Х. Кумариса за исследование по этнической антропологии Греции.

А. Пулянос окончил аспирантуру по антропологии в Институте этнографии и в 1961 г. получил степень кандидата биологических наук за исследование, посвященное антропологическому составу современного греческого народа. В конце 1961 г. его работа была издана прогрессивным афинским издательством «Морфоси» под названием «Происхождение греков. Этногенетическое исследование».

Появление этой книги вызвало большой интерес греческой общественности. В печати разгорелась ожесточенная полемика. Правительственные газеты «Акрополь» и «Апогевматини», не скрывая своего крайне отрицательного отношения к тому, что наиболее основательное исследование по этнической антропологии греков осуществлено в СССР, методами советской антропологической школы, напечатали передовые статьи, в которых поспешили истолковать научные выводы автора как тенденциозные, преследующие вполне определенные политические цели. Речь идет о той части труда А. Пуляноса, где утверждается автохтонность происхождения не только современного греческого народа, но и проживающих в Греции валахов и славян-македонцев, причем автор специально оговаривает необходимость дальнейших исследований валахов и македонцев. Газета «Акрополь» в передовой статье от 11 января 1962 г. неожиданным образом приписала А. Пуляносу попытку научно обосновать существование «македонского» и «валахского» вопросов и решить их в пользу Болгарии и Румынии, т. е. «взгляды, которые в конечном счете имеют целью расчленение Греции...».

Орган Компартии Греции — газета «Авги» в ряде передовых статей (6, 12, 13, 17 и 18 января 1962 г.) полемизировала с «Акрополем» и «Апогевматини», отстаивая высокую оценку книги А. Пуляноса. «Авги» ссылается на положительное мнение специалиста — профессора Афинского университета Х. Кумариса. Х. Кумарис в письме к издательству «Морфоси» поздравляет его с «превосходным изданием ценной книги А. Пуляноса» («Авги» 17 января 1962 г.). Некоторые из правых газет («Врадини», «Неа», «Элефтерия», «ВИМА») также поместили положительные отзывы.

Антропологическое общество страны присудило А. Пуляносу премию Х. Кумариса. На церемонии вручения премии в Институте этнографии АН СССР директор

Института С. П. Толстов кратко охарактеризовал содержание и значение работы А. Пуляноса, основанной на изучении современного населения Греции и уточняющей проблемы этногенеза на Балканском полуострове. Высокая оценка работы А. Пуляноса учеными Греции, подчеркнул С. П. Толстов, является вместе с тем признанием высокого уровня советской антропологической школы.

Профессор Х. Мальтезос, член Антропологического общества Греции, вручая А. Пуляносу премию Кумариса, отметил большое значение книги «Происхождение греков», получившей широкий отклик и хорошие отзывы в Греции, и пожелал ее автору успехов в будущих исследованиях. Х. Мальтезос сообщил также об избрании А. Пуляноса в члены Антропологического общества Греции и передал ему диплом члена Общества.

Заместитель директора Института этнографии, заведующий сектором антропологии М. Г. Левин в своем выступлении указал на то, что исследование А. Пуляноса отражает направление, получившее развитие в работах советских антропологов. Речь идет о вопросах методологии и методики использования антропологических данных для решения проблем этногенеза. Как и любое антропологическое исследование, сделанное на подлинно научной базе, подчеркнул М. Г. Левин, работа А. Пуляноса вносит вклад в дело утверждения равенства всех народов.

Выступивший затем профессор Г. Ф. Дебеч, бывший научным руководителем лауреата, отметил, что работа А. Пуляноса является началом непосредственного контакта между учеными Греции и Советского Союза. Он выразил надежду на дальнейшее усиление связей между этими двумя странами, что будет способствовать укреплению дружбы и сотрудничества между народами и всеобщему прогрессу.

От имени греческих иммигрантов, проживающих в Советском Союзе, выступил А. Янидис, который тепло поздравил А. Пуляноса и пожелал ему дальнейших успехов.

В ответном слове А. Пулянос поблагодарил членов Антропологического общества Греции за высокую оценку его работы, а также всю греческую общественность за проявленный к ней интерес.

Г. Л. Хитъ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Журнал словацких этнографов. («Slovenský národopis», 1960—1961 гг.).

Журнал «Slovenský národopis» («Словацкая этнография»), издаваемый Словацкой Академией наук в г. Братиславе, отражает результаты научной деятельности словацких этнографов, цель которой — изучение культуры и быта словацкого народа в прошлом и настоящем.

В программной статье «К некоторым актуальным методологическим вопросам этнографии» (1960, № 2) Божена Филова, директор Института этнографии Словацкой Академии наук, подводя итоги работы словацких этнографов за 15 лет существования народно-демократической власти, писала, что работа и задачи этнографов в настоящее время связаны с деятельностью Коммунистической партии и всего чехословацкого народа, направленной на закрепление завоеваний социализма в стране. Проходящая в данное время культурная революция в Словакии требует от этнографов, с одной стороны, изучения и объяснения традиционной культуры и быта народа, а с другой — изучения тех перемен, которые произошли в культуре и быту народа с построением социалистического общества. Изучение изменений в быту трудящихся поможет построению нового общества, поддержанию ростков нового, здорового и устранению старого, лишнего, мешающего прогрессивному развитию.

Изменился за последние годы и сам объект исследования словацких этнографов: если ранее под понятием «народ» подразумевалось только крестьянство, которое и считалось истинным носителем народной культуры, то сейчас под термином «народ» словацкие этнографы понимают все слои социалистического общества — рабочих, крестьян кооперативной деревни, интеллигенцию.

Прошедшие годы были для словацких этнографов периодом поисков новых методов работы, так как старые, традиционные методы оказались недостаточными для изучения современности. Эти новые методы создавались нередко в процессе самой работы; определенную помощь в этом направлении оказал словацким этнографам и опыт работы советских ученых.

Практикуется издание тематических номеров журнала «Словацкая этнография». Так, третий номер журнала за 1960 г. посвящен народной архитектуре Словакии. Во введении, написанном крупнейшим специалистом в области изучения словацких построек д-ром Мяртаном, сформулированы главные цели этнографов, занимающихся этой проблемой.

Построение социализма, победа новых производственных и общественных отношений повлекли за собой коренные изменения всех сторон культуры народа. Ростки нового, правда, сказываются неравномерно. Например, мировоззрение, народные верования в Словакии изменяются медленнее, чем общественный и семейный быт и особенно материальная культура. Эти изменения отчетливо видны в народной архитектуре. Быстрый рост материального благосостояния словацкой деревни привел к небывалому размаху индивидуального жилищного строительства: застраиваются новыми домами целые улицы, кварталы деревень, последние по своей площади часто превышают размеры старой деревни. Однако это строительство не лишено недостатков, главный из них состоит в том, что оно не учитывает старой, складывавшейся веками традиции в словацком народном жилище. Деревни застраиваются городского типа коттеджами, часто двухэтажными, с большими холодными комнатами, не всегда удобными для бытового использования в деревне; хозяева этих домов ютятся в кухне или теплом подвальном помещении, а остальные комнаты служат для парада или вовсе пустуют.

Я. Мяртан призывает исследовательские архитектурные институты создать новые гиповые проекты деревенских домов, которые действительно улучшат жилищные условия в деревне с учетом старых народных традиций, а также проекты растущих с каждым годом кооперативных построек. В этом деле архитекторам должны активно помогать этнографы Словакии.

В статье чешского этнографа Вилема Пражака, также известного знатока словацкого жилища, «Важнейшая задача современности — общегосударственное обследование нашей народной архитектуры» также говорится о необходимости изучения этнографами народных построек. Вилем Пражак указывает на быстрое развитие нового жилищного строительства в стране, когда на глазах исчезают старые крестьянские постройки. Задачей этнографов Чехословакии является незамедлительное обследование еще сохраняющихся построек, необходимое для изучения истории народной архитектуры, ее региональных типов. Работу по изучению старых народных построек необходимо организовать широко, в общегосударственном масштабе, должны быть выделены наиболее ценные объекты и приняты меры для их сохранения не только в качестве экспонатов для музея типа Скансена, но и на месте, в качестве памятников, охраняемых государством.

Статья Яна Мяртана «Новые заметки к изучению южнословацкого дома» содержит интереснейший материал по истории развития и современному состоянию крестьянского жилища района Злате Моравце и соседних с ним районов, обследованных автором в 1957—1959 гг. Это лишь часть большой работы о жилище южной Словакии, подготовляемой Яном Мяртаном. Нужно сказать, что крестьянские постройки южных, экономически более развитых областей Словакии совершенно не изучены. Главное внимание до сих пор обращали на изучение жилища горных, наиболее отсталых районов Словакии. Район, избранный Мяртаном, является ядром территории нынешней Словакии, заселенным предками современных словаков еще в эпоху Великоморавского княжества. Позднее эти районы стали местом венгерской, восточнославянской и частично немецкой колонизации.

Автор рассматривает развитие народного жилища всесторонне, в связи с конкретной историей области. Его данные опровергают утверждение венгерских исследователей о венгерской основе народной культуры данной области. Здесь, как и в жилищах других западных и восточных славян, сени ранее были холодным помещением, появление же теплых сеней относится к рубежу XX в. Строительная техника, развитие планировки жилища, терминология, связанная с ним, говорят о славянском происхождении жилища рассматриваемой территории. Славянский дом и славянская терминология встречаются и в Венгрии, особенно в северной ее части. Кочевые племена венгров, осевшие на современной территории, пришли в соприкосновение с более высококультурным оседлым славянским населением и переняли от них элементы жилища и его терминологию. Статья Яна Мяртана затрагивает большой круг интересных вопросов, связанных с этнической историей словаков. Остается пожелать лишь скорейшего издания его большой работы о народной архитектуре южной Словакии.

В статье молодого словацкого ученого Стефана Мрушковича «Заметки к изучению хозяйственных построек в Загорье» крестьянские хозяйственные строения исследуются с разных сторон. Развитие техники строительства хозяйственных построек обычно отстает от развития строительной техники жилища, поэтому при изучении хозяйственных построек, как это и делает автор, можно обнаружить архаичную строительную технику, исчезнувшую в практике постройки жилищ (в частности, С. Мрушкович находит в западной Словакии постройки с крышей «на сохах»).

Хозяйственные постройки автор изучает не формально, а в тесной связи с конкретным их бытовым использованием, исследуя все стадии сельскохозяйственных работ на крестьянских участках Загорья. На хозяйственных постройках ярче всего сказывалась и классовая дифференциация в прошлом. С. Мрушкович рассматривает использование старого фонда хозяйственных помещений в современных кооперативных хозяйствах.

Интересны статьи С. Швецовой «Постройки с пристенными столбами в западной Словакии» и художника Й. Шейбала «К вопросу о двухэтажном строительстве в Словакии», посвященные частным проблемам.

В номере есть и статьи, посвященные народной архитектуре других стран. Так, заключением журнала служит статья Э. Плицкой о музеях на открытом воздухе в Скандинавии, где подробно описываются «Skansen» в Стокгольме, «Norsk Folkemuseum» в Осло, «De Sandvigske Sammlinger» в центральной Норвегии в г. Лиллегаммере. Статья иллюстрирована великолепными фотографиями проф. К. Плики, посетившего Норвегию вместе с автором статьи в 1959 г.

Большое внимание словацкие этнографы уделяют изучению истории развития форм хозяйства словацкого народа, специфическим его особенностям в отдельных областях.

Общим вопросом развития земледелия и сельскохозяйственных орудий посвящены статьи В. Урбанцовой «Причины сохранения архаичных форм земледелия в некоторых областях Словакии» (1960, № 2), «Развитие словацких пахотных орудий на основании музейных данных» (1960, № 1) и «Классификация словацких сельскохозяйственных орудий» (1961, № 1). В. Урбанцова говорит о сохранении до недавнего времени в Словакии, наряду с плососменной системой земледелия, системы трехполья, особенно в горных районах, где большую роль играло скотоводство, и поля, оставшиеся под падом, использовались как пастбища. Автор приводит богатые полевые материалы, собранные сейчас в отдельных деревнях Словакии, статистические данные о распределении земли деревенских хуторов.

Говоря о классификации сельскохозяйственных орудий, В. Урбанцова подчеркивает, что словацкий полевой материал не дает того, что могли бы ожидать специалисты, так

как, наряду с сохранением архаичных черт в быту и культуре, в наиболее отсталых в экономическом отношении горных районах Словакии уже с конца прошлого века получил преобладание железный плуг кузнечного, а затем и фабричного производства. О развитии словацких пахотных орудий можно говорить на основании музейных материалов. Разобрав схемы классификации славянских пахотных орудий М. Старой, И. Меллера, К. Мошинского, В. Генцеля, Л. Нидерле, Б. Братанича, Д. Зеленина, Д. Найдич-Москаленко, автор вслед за Меллером, Зелениным и Найдич делит пахотные орудия на рала («радла»), разрыхляющие землю, и плуги, перевортывающие ее пласт. Уточняя в деталях схему словацкого ученого Яна Подолака, В. Урбанцова предлагает принять классификацию словацких пахотных орудий, принципы которой, однако, еще довольно спорны и требуют дальнейшей разработки. Статья В. Урбанцовой — результат многолетней большой работы, она должна положить начало другим исследованиям обобщающего характера словацких этнографов.

В работе Э. Кагоутовой «Виноградарство Малых Карпат» (1960, № 1) исследуется история развития виноградарства ряда селений Братиславской области (Пезинок, Модра и др.), имеющего здесь многовековую традицию (еще с V в. н. э.) и сохраняющего прежнее значение и в настоящее время.

Целый ряд статей журнала посвящен вопросам исследования форм хозяйства, культуры и быта населения Карпат. Этой проблемой занимается целая группа ученых смежных дисциплин как в Словакии, так и в Моравии. Общие формы хозяйства, специфические способы содержания овец на высокогорных пастбищах, так называемое «шалашиничество», пестрота этнического состава населения Карпат, общие проблемы их этнической истории, связанной с «валашской колонизацией» XV—XVII вв. (т. е. заселение Карпат кочевниками-валахами, двигавшимися с юга из Румынии, но потянувшими за собой массы населения восточнославянского происхождения и словацкое население), требуют комплексного изучения населения Карпат в целом. В 1958 г. по инициативе словацких ученых в г. Братиславе была создана Международная комиссия по изучению быта и культуры населения Карпат, куда вошли словацкие, чешские, польские, румынские ученые. Международная карпатская комиссия (секретарь Я. Подолак) служит центром, координирующим работу всех ученых на территории каждой из этих стран.

В исследовании проблемы будут принимать участие и советские ученые. В Братиславе издается информационный журнал комиссии «Karpatica».

Статьи Яна Подолака «Традиционные способы зимовки скота на Гореграбне» (1960, № 2), «Пастбищное и луговое хозяйство в верхнем Пограбне» (1961, № 4) и Ярослава Штики «Шалашиничество в Поважской и Кисуцкой областях» (1960, № 2), «Изучение карпатского шалашиничества в валашской колонизации в Моравии» (1961, № 4) освещают вопросы развития шалашиничества и карпатского способа овцеводства на территории западной и северо-западной Словакии и Моравии.

Четвертый номер журнала за 1961 г. целиком посвящен «карпатской проблеме». Кроме названных статей Подолака и Штики, здесь опубликованы работы румынского ученого Н. Дунаре «Трепанация овечьих черепов как народная лечебная практика в карпатском пастушестве», Й. Варжека «Шалаши — „kram“», посвященная временным жилищам пастухов на горных пастбищах, обзоры А. Габовштиака «Об изучении пастушеской терминологии», О. Элшека «Задачи и цели изучения карпатской народной музыкальной культуры» и т. д.

Особое место занимают в журнале статьи Э. Хорватовой о цыганах Словакии: «Цыгане перед своим приходом в Европу» (1961, № 1) и «Некоторые историко-этнографические проблемы, связанные с решением цыганского вопроса после 1945 г.» (1960, № 2). В первой из них содержится подробный разбор проблем этногенеза цыган, приводятся данные, говорящие об индийском их происхождении, о принадлежности их к касте париев, но не одного, а нескольких племен. Постоянные гонения, которым подвергались цыгане в течение веков, укрепили в них сознание общности.

Вторая статья посвящена современным цыганам, их положению в Чехословацкой Социалистической Республике. Э. Хорватова выделяет здесь две группы цыган в Словакии, стоящих на разных ступенях развития и разной степени ассимиляции. Горожане — музыканты, рабочие (молодое поколение), ремесленники (старшее поколение) — представляют собой оседлые группы цыган. Они живут или в городах, где быстро приобщаются к культуре, или в цыганских поселках на краю словацких деревень очень изолированно и сохраняют (особенно женщины) многие черты традиционного быта. Вторую группу составляют кочевые, так называемые «валашские цыгане» (пришедшие, видимо, из Румынии), официальные данные об их численности в Словакии (30 000), по мнению Э. Хорватовой, преуменьшены вчетверо. Культурно-просветительная работа среди этих кочующих цыган очень затруднена, процент неграмотности среди них приближается к 100.

Государственная политика в отношении цыган определяется следующими принципами: обязательное школьное обучение (созданы особые цыганские подготовительные классы), постоянная работа, перевод всех цыган на оседлый образ жизни, ликвидацию обособленности цыганских сел и поселение вперемежку со словаками. Все это способствует искоренению прежней изолированности цыган, повышению уровня их культуры, воспитанию в них новой морали, нового отношения к труду, общественной собственности и т. д.

«Словацкая этнография» публикует много работ о словацком фольклоре. Ему посвящен четвертый номер журнала за 1960 г. В статье Л. Дропповой-Марковичовой «Ярмарочная песня в словацкой народной культуре» говорится о песнях, печатавшихся на бумаге и распространенных на ярмарках в период австро-венгерской монархии. Автор считает их единственно доступной тогда народу литературой, откуда черпались многие сведения культурного и политического характера. Многие из этих песен, наиболее широко известных в конце XIX в., стали народными или получили свое отражение в словацких народных балладах.

Статья В. Гашипариковой, представляющая собой главу кандидатской диссертации «Образ разбойника Михаила Вдовца в фольклоре области Гемера», содержит новые сведения о збойничьих традициях в фольклоре Словакии. Автор подчеркивает особую художественную ценность народных песен о Вдовце, явившихся настоящим вкладом в словацкий збойничий фольклор.

Статья З. Горалковой «Заметки к музыкальному и текстовому анализу песни «Выдала мать, выдала дочь...» содержит всесторонний разбор многих вариантов одной из старейших в Словакии свадебной песни, имеющей параллели и у других народов.

С. Бурласова в своем сообщении «К вопросам музыкального фольклора словаков в Румынии» говорит о необыкновенно богатой и живой музыкальной культуре этой группы словаков, сохраняющих свою самобытность в этнически чуждом окружении.

Сообщение З. Глинковой «Об изучении хороводов в Словакии» содержит подробный и очень специальный анализ одного из популярнейших словацких народных танцев.

Особенно интересен третий номер журнала «Словацкая этнография» за 1961 г., посвященный сорокалетию основания Коммунистической партии Чехословакии, он содержит исследования по культуре рабочих в Словакии, в особенности по рабочему фольклору.

В статье Л. Дропповой «К вопросу о предшественниках рабочей революционной песни в фольклорном песенном творчестве словацкого народа» показан процесс складывания рабочей песни в связи с формированием самого рабочего класса Словакии. Весь этот путь развития словацкого рабочего класса отразился и в песнях, в которых звучала вначале лишь жалоба на тяжелую долю и невыносимые условия фабричного труда и только позже появились боевые революционные темы. Л. Дроппова показала, что корни словацкой рабочей революционной песни нужно искать не в литературе, а в народном песенном творчестве.

В статье известного словацкого фольклориста А. Мелихерчика «Борьба против фашизма и словацкое народное восстание в устном творчестве словацкого народа» публикуются материалы, собранные автором в 1960 г. в районе Приевидзы и Бановице. Они представляют собой повествования о борьбе с фашистами в период Словацкого народного восстания 1944 г., а также песни, связанные с этой тематикой. Материалы эти имеют большую ценность как в познавательном, так и в воспитательном отношении; они говорят о героизме словацкого народа, оживляя и традиционные образы народного словацкого творчества. К работе приложены записи отдельных рассказов о событиях Словацкого народного восстания 1944 года.

В статье польского ученого А. Дыгача «Познавательная роль рабочих песен» говорится о преобладании в фольклоре пролетариата творчества шахтеров — ядра рабочего класса Польши. Автор говорит в основном о шахтерской песне с ее многовековой традицией, а затем о песне рабочих-металлистов. Рабочие песни рассматриваются в процессе их исторического развития, в связи с конкретным бытом рабочих, который она отражает.

Под рубрикой «Материалы и архив» в третьем номере за 1961 г. публикуется заметка А. Странского «Жизнь и социальное положение дровосеков Банско-Быстрицкой коморы в 17—18 вв.».

Сообщение Р. Бедника «Движение словацких сельскохозяйственных рабочих в Дольной земи» содержит новые данные о положении и политических выступлениях словацкого сельскохозяйственного пролетариата в колонизованных словаками островах северной Венгрии и Бачки в Югославии.

Большое внимание журнал уделяет различным сообщениям об этнографических съездах, конференциях, экспедициях, заметкам историографического характера, сведениям о деятельности и состоянии многочисленных музеев страны и т. д. В разделе «Рецензии и рефераты» аннотируется и рецензируется новейшая этнографическая литература, выходящая в Чехословакии и за ее рубежом. Наиболее внимательно словацкие этнографы следят за советской, польской, венгерской, немецкой литературой. В журнале регулярно публикуется библиография словацкой литературы по этнографии и фольклору (1961, № 1). Большим достоинством журнала являются прекрасные иллюстрации, которыми, правда, славятся все словацкие этнографические издания.

Содержание журнала «Slovenský národopis» свидетельствует о большой и разнообразной работе сравнительно молодого коллектива словацких этнографов и фольклористов, о хорошей ее координации. Бросается в глаза интерес словацких этнографов к современности, непосредственная связь их работы с жизнью, деятельное участие в тех коренных преобразованиях, которые происходят сейчас в быту и культуре трудящихся Словакии.

ИЗУЧЕНИЕ АНТИФАШИСТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ЮГОСЛАВИИ

(Обзор исследований)

Массовое партизанское движение в Югославии во время второй мировой войны нашло яркое отражение в современном фольклоре сербов и хорватов, словенцев и македонцев, трудящихся Черногории, Боснии и Герцеговины. Собрание и изучение антифашистского фольклора народов Югославии протекает в последнее десятилетие весьма интенсивно.

Первые сборники партизанских песен были изданы штабами, отделами пропаганды и так называемыми «культурными группами» различных подразделений Национально-освободительной армии Югославии в 1942 г., но особенно много изданий партизанского фольклора выходит в свет начиная с 1945 г. — в Белграде, Загребе, Сараево, Скопле, Любляне, Банье Луке, Никшиче, Новом Саде, большое количество текстов появляется в периодической печати.

Однако изучение этого материала развернулось лишь в 1950-е годы. Большую организаторскую работу в этом направлении провел созданный в 1948 г. фольклорный отдел Института этнографии Сербской Академии наук. Коллективом сотрудников под руководством академика Душана Недельковича была разработана и разослана специальная анкета, адресованная участникам партизанского движения, проводились экспедиции и поездки отдельных сотрудников в разные районы страны. Так, только на строительстве Автолута и Нового Белграда в 1949—1950 гг. было записано около 2 тыс. текстов¹. Всего в архиве Института этнографии Сербской Академии наук в настоящее время имеется около 20.000 записей². Большое рукописное собрание антифашистского фольклора находится также в Институте народного искусства в Загребе и в других фольклористических центрах Югославии. Вслед за собиранием началось и исследование фольклора эпохи народно-освободительной борьбы. С 1949 г. статьи по фольклору начали печатать различные периодические издания: «Гласник» Этнографического института Сербской АН (Белград), «Republika» (Загреб), «Naši razgledi» (Любляна), «Slovensky rogočevalec» (Любляна), «Нови ден» (Скопье) и др.

Вначале это были конкретные сообщения о материалах, собранных в определенной местности, которые не претендовали на большие обобщения. Интересные наблюдения содержатся, например, в статьях М. Мойшевича³ и В. Драшковица⁴. Попытка критического анализа первых сборников партизанского фольклора осуществлена М. Бошкович-Стулли⁵. В этих статьях высказываются также предварительные соображения о связи партизанской поэзии с традиционным фольклором Югославии.

Тема антифашистской народно-освободительной борьбы в фольклоре Югославии оказалась в центре внимания VI Конгресса фольклористов, состоявшегося в г. Бледе 14—18 сентября 1959 г. Этой теме был посвящен доклад Душана Недельковича «Основные и общие закономерности развития фольклора освободительной борьбы». Выводы, содержащиеся в докладе, конкретизировались и дополнялись в рефератах других участников конгресса⁶. Выступления фольклористов, по отзыву печати, «доказали, что народное художественное творчество еще вполне живо»⁷, что партизанская поэзия — значительный этап в истории фольклора народов Югославии⁸. Вместе с тем было отмечено, что «еще остается большой комплекс вопросов, которые требуют изучения и ожидают решения»⁹. Антифашистскому фольклору были посвящены также многие доклады на VIII Конгрессе фольклористов, состоявшемся 6—11 сентября 1961 г. в Титовой Ужиче (материалы не опубликованы).

В III теме Трудов Института этнографии¹⁰ (объемом свыше 700 страниц) опубликовано обширное исследование Д. Недельковича, некоторые из рефератов, прочи-

¹ «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. LXVIII, Етнографски институт, књ. 3, Београд, 1960, стр. 44.

² Там же, стр. 311.

³ М. Мојшевић, Из партизанске поезије у Санџаку, «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. IV, Етнографски институт, књ. 1, Београд, 1950, стр. 51—76.

⁴ В. Драшковић, О савременој народној поезији у области Никшић — Жабљак — Пљевла, «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. XIV, Етнографски институт, књ. 2, Београд, 1951, стр. 279—300.

⁵ М. Бошковић-Стули, Bilješke o narodnoj pjesmi iz Oslobođilačkog rata, «Republika», god. IX, knj. II, broj 7—8, Zagreb, 1953, стр. 676—682.

⁶ Rad Kongresa folklorista Jugoslavije VI — Bled, 1959. Uredila dr. Zmaga Kumer, Ljubljana, 1960, стр. 137—283. Ж. Младеновић, Шести конгресс југославенских фолклориста, Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. 26, св. 1—2, Београд, 1960, стр. 152—153.

⁷ D. Župančić, Sesti kongres folkloristov na Bledu, «Slovenski etnograf», letnik XIII, Ljubljana, 1960, стр. 218.

⁸ Z. Kučukalić, Narodne pjesme Narodnooslobodilačke borbe — tema VI Kongresa Zaveza folklorista Jugoslavije, «Pregled», № 10, Sarajevo, 1959, стр. 318—321.

⁹ Там же, стр. 320.

¹⁰ «Зборник радова», Српска Академија наука, књ. LXVIII, Етнографски институт, књ. 3, Београд, 1960 (далее цит. «Зборник радова», 3).

танных на VI Конгрессе фольклористов, а также много новых специальных статей по партизанскому фольклору.

Исследования и публикации югославских ученых посвящены различным жанрам фольклора эпохи освободительной борьбы — песням, партизанским хороводам и пляскам («коло», «оро»), причитаниям, анекдотам. В центре научной дискуссии югославских фольклористов стоит вопрос о том, каково место партизанской поэзии в истории фольклора, каковы связи партизанской поэзии с богатой фольклорной традицией и революционной поэзией, каковы новые специфические признаки фольклора на современном этапе. Д. Неделькович стремится установить основные закономерности развития «динамической структуры» фольклора на разных этапах новейшей истории народов Югославии¹¹ и отмечает, что на первом этапе освободительной борьбы (1941—1942 гг.) преобладал традиционный фольклор, особенно гайдуцкие, а также рабочие песни, а затем выявляет качественные изменения, которые происходят в народной поэзии в период разгара антифашистского восстания и намечает классификацию новых песен. Насыщенные обильным иллюстративным материалом основные разделы работы Недельковича представляют большой интерес как первый значительный опыт научного обобщения; менее убедителен последний раздел — «Некоторые закономерности народной поэзии периода строительства социализма в Югославии».

Весьма полемична статья М. Бошкович-Стулли «Народная поэзия нашей освободительной борьбы как проблема современного фольклорного творчества»¹². Автор критически оценивает многие работы своих предшественников, выступает против отождествления подлинно народного коллективного творчества с индивидуальным творчеством отдельных партизанских поэтов и вместе с тем против скептического отношения некоторых фольклористов к партизанской поэзии, стремится установить характер преемственности нового фольклора по отношению к старому.

В первых работах югославских фольклористов преувеличивалась роль традиции в развитии партизанской поэзии в ущерб выявлению новых ее признаков. Однако вряд ли было бы правомерным и преуменьшать роль этой традиции. Такая тенденция наметилась в некоторых статьях. Опубликованный югославскими фольклористами материал дает возможность судить о преемственной связи партизанских песен со старыми свободолюбивыми песнями, а также с лирическими песнями и балладами. Традиционные образы вилы, сокола, ворона, гор и лесов, скрывающих борцов за свободу, мотивы старых солдатских песен, наполненные новым историческим смыслом, сплошь и рядом присутствуют в партизанских песнях¹³. Отмечены, правда единичные, случаи использования мифологических и даже обрядовых песен¹⁴. В Черногории проявилась традиция лиро-эпической поэзии причитаний («тужбалиц»); известны случаи исполнения «погребальных коло» не только женщинами, но и мужчинами-партизанами¹⁵.

Преобладающей тенденцией в развитии массовых партизанских песен явилась импровизация рифмованных двустиший, особенно много и охотно исполнявшихся в различных типах массового «коло». В связи с этим большое внимание югославские фольклористы уделяют современным видам «коло», в первую очередь широко распространенному по всей Югославии в годы освободительной борьбы и трансформировавшемуся «Козарочкому коло»¹⁶. Знаменательно, что на последнем этапе освободительной борьбы в Югославии стали исполняться русские песни и пляски в соединении с местными партизанскими «оро»: «Ванька», «Руски козарац», «Руско козачко», «Руска каиуша», «Руско коло» и др.¹⁷ Значительная часть партизанских песен восходит к несколько иной традиции — к так называемому «бечарцу», — юмористическим и сатирическим двухстрочным песенкам, близким по своему типу к украинским коломыйкам и русским частушкам¹⁸. Некоторые югославские фольклористы устанавливают также генетическую

¹¹ Д. Неделькович, Прилог проучavanju zakonitosti razvika нашег народног певanja у периоду. Народне револуције, Ослободилачког рата и изградње социјализма: Југославије, «Зборник радова», 3, стр. 39—168.

¹² Там же, стр. 393—424.

¹³ См., например, «Savremene narodne pjesme», Izbor i redakciju izvršio: Sait Oranovac. Sarajevo, 1955, стр. 26, 29, 30—35, 40, 45, 58, 73, 82, 93, 35, 96, 107 и др.

¹⁴ Об этом пишут М. Бошкович-Стулли и М. Хаджи-Пецова (см. «Зборник радова», 3, стр. 414—415, 713).

¹⁵ См. Н. С. Мартиновић, Место тужбалице у фолклору Народне револуције и Ослободилачког рата, «Зборник радова», 3, стр. 463—478; Ј. Допућа, Партизанске и друге народне игре у Народноослободилачкој борби на територије Босне и Херцеговине, там же, стр. 233. Роли одарених певцов в создании новой эпической поэзии посвящен ряд работ П. Влаховича, особенно его книга «Гусларске народне песме о неким догађајима из Народноослободилачке борбе», Београд, 1955.

¹⁶ М. Илијин, Партизанске игре у Србији, «Зборник радова», 3, стр. 203—230; Ј. Допућа, Указ. раб., там же, стр. 232—262; I. Ivanić, Partizanski ples u Hrvatskoj, там же, стр. 281—285 и др.

¹⁷ О. Младеновић, Партизанске и друге народне игре у Ослободилачком рату и Револуцији, «Зборник радова», 3, стр. 181, 195.

¹⁸ На этом останавливается в своей статье М. Бошкович-Стулли. См. также «Бечарцац, Антологија», Составио Младен Лесковац, Нови Сад, 1958.

связь партизанских песен с сатирическими четырех- или восьмистрочными куплетами типа «врабац»¹⁹. Благодаря исследованиям последних лет можно считать установленным, что именно на основе импровизированных дуэтиний, в процессе свободного их варьирования и циклизации, возникали более или менее устойчивые тексты песен.

Значительную роль в формировании партизанского фольклора сыграла революционная поэзия — как рабочего класса Югославии, так и интернациональная. Югославские фольклористы пишут о популярности среди партизан испанских и польских революционных песен²⁰ и особенно — о большой любви народов Югославии к русским революционным и массовым советским песням: «Дружно, товарищи, в ногу», «По долинам и по взгорьям», «Как родная меня мать провожала», «Катюша» и др.²¹ На мотивы этих песен югославские партизаны создавали свои собственные песни. В книгах югославских фольклористов приводится немало песен, отражающих братские чувства югославского народа к советскому народу, а также боевое содружество югославских партизан с Советской Армией. Тем досаднее, что в некоторых работах проскальзывают замечания, пытающиеся умалить значение этого содружества.

Подытоживая свои наблюдения, югославские фольклористы приходят к выводу, что партизанская поэзия эпохи народно-освободительной борьбы против фашизма представляет собою синтез разнородных по своему происхождению элементов, образовавшийся в процессе взаимодействия разных фольклорных традиций, традиций революционной песни и литературных влияний, идущих от поэтов — участников партизанского движения²². Партизанская поэзия возникла в ходе боевого и творческого содружества разных народов Югославии, широких масс и революционной интеллигенции, явилась результатом сочетания народной самостоятельности и деятельности культурно-художественных бригад²³. В целом партизанская поэзия составила новый этап в истории югославского фольклора по своему идейному содержанию и по художественной форме²⁴.

Никак нельзя согласиться с некоторыми зарубежными критиками, например, с итальянской фольклористкой И. Маркиори, которая в специальной работе, анализирующей югославский фольклор эпохи Национально-освободительной борьбы, делая ряд верных наблюдений над его природой, в то же время весьма пренебрежительно отзывается об эстетической ценности произведений партизанской народной поэзии и несправедливо отрицает творческий характер преобразования в них фольклорных традиций²⁵.

Опыт изучения антифашистского фольклора народов Югославии представляет для советской фольклористики несомненный интерес. Во многом он близок к той большой работе, которая ведется по изучению фольклора Великой Отечественной войны в нашей стране. В ряде случаев югославские фольклористы приходят к выводам, сходным с теми, какие сделали советские фольклористы. Поиски научной истины и споры среди ученых Югославии напоминают наши дискуссии о современном народном творчестве. Однако далеко не все, что сделано югославскими специалистами, удовлетворяет нас. До сих пор среди многочисленных сборников партизанского фольклора, выходящих в Югославии, подлинно научных изданий (с нотными записями, необходимыми комментариями и проч.) — немного²⁶. Работы, посвященные партизанскому фольклору, далеко не равноценны. Наряду с подлинными исследованиями попадаются и такие, которые страдают декларативностью и иллюстративностью; подчас научный анализ произведений подменяется риторикой. Ряд теоретических положений, встречающихся в работах

¹⁹ Д. Антонијевић, «Врабац» — нов облик масовног народног певања, «Гласник Етнографског института», VII, Београд, 1958, стр. 123—132. «Врабац» (воробей) в народной символике — вестник, предсказатель наступления времен года, приносит плодородие, отводит болезни и т. п.; этот образ был переосмыслен и стал в песнях добрым вестником о победах партизан и армии.

²⁰ Б. Караклајић, Революционарна радничка песма у Србији, «Зборник радова», 3, стр. 512.

²¹ Р. Нговатин, Slovenska partizanska pesem v znanosti, Там же, стр. 430—431; Ж. Младеновић, Значај песме за учеснице народноослободилачке борбе, там же, стр. 679; Р. Чолаковић, Записи из Ослободилачког рата, VIII, Сарајево, 1950, стр. 238.

²² Р. Нговатин, Указ. раб., стр. 426, 438—424; П. Влаховић, Улога појединца у стварању српске народне поезије, «Зборник радова», 3, стр. 697—702.

²³ Ј. Дамуђа, Указ. раб., стр. 238—239; М. Киралы, Borbene i socijalne pesme kod Slovaka, Rusina i Rumuna u Vojvodini, «Зборник радова», 3, стр. 609—621.

²⁴ Д. Недельковић, Указ. раб., стр. 53—108; М. Вошковић-Стулли, Указ. раб., стр. 407, 415—416, 419; Т. Кубелић, Stilsko-izražajne karakteristike narodnih pjesama iz razdoblja Narodne revolucije, «Jezik», Zagreb, 1959, стр. 7—25.

²⁵ Ј. Маркиори, Attualità della poesia popolare serbocroata, «Ricerche slavistiche», vol. IV, Roma, 1955—1956, стр. 136—146.

²⁶ Нам известно свыше 30 сборников разного типа, объема и качества. На наш взгляд, наибольший интерес представляют сборники, составленные В. Милошевичем, Р. Хроватином, М. Диздаром и др. Ряд лучших сборников выделяет также Д. Неделькович (указ. раб., стр. 40). В 1962 г. издательство «Нолит» издало новый сборник, составленный В. Жганецом, Б. Караклаичем и Н. Херцигонья. Научное издание песен готовит В. Жганец.

югославских фольклористов, носит спорный характер. С сожалением отметим, что свою большую и плодотворную работу югославские фольклористы ведут несколько изолированно, не учитывая аналогичного опыта советских специалистов и ученых стран народной демократии, особенно болгарских фольклористов. Видимо, здесь сказывается недостаточная осведомленность, а в некоторых случаях и неверные представления о работе советских фольклористов, проявившиеся, в частности, в одном из прежних выступлений М. Бошкович-Стулли²⁷. Думается, что более внимательное отношение к изучению фольклора Великой Отечественной войны, осуществляющемуся в Советском Союзе и в странах народной демократии, будет лишь способствовать дальнейшему успешному развитию исследовательской работы в Югославии и разрешению спорных научных проблем.

Наряду с работами фольклористов стран народной демократии, в первую очередь с работами болгарских и словацких ученых, исследования югославских фольклористов расширяют наши знания об отражении в фольклоре национально-освободительной борьбы народов Европы в годы второй мировой войны и позволяют глубже судить о процессах, протекающих в современном фольклоре славян. Опираясь на богатый материал по фольклору Великой Отечественной войны, собранный в нашей стране, и на собственный многолетний опыт его исследования, советские фольклористы имеют возможность приступить к сравнительному изучению антифашистского фольклора разных народов.

В. Гусев

²⁷ М. Bosković-Stulli, Problem folkloristike u SSSR' и «Pogledi», 55 (Almanah, Pitanja teorije književnosti), Zagreb, 1955, стр. 148—166.

НАРОДЫ СССР

А. Л. Монгайт. *Рязанская земля*, М., 1961, 400 стр.

Книга А. Л. Монгайта «Рязанская земля» посвящена не только результатам работ руководимой им экспедиции Института археологии АН СССР. Она обобщает и материалы, добытые предшественниками автора, и является большим сводным трудом, освещающим историю Рязанской земли на широком историческом фоне, в тесной связи с основными проблемами образования и развития древнерусского государства. Важной особенностью книги является то, что автор не ограничивается каким-либо одним видом источников. Его основные выводы построены на обширном круге разнохарактерных источников. А. Л. Монгайт использовал и археологические материалы, и древнерусские летописи и акты, и данные антропологии, и работы средневековых восточных географов, и устное народное творчество, и достижения современной лингвистики, и наблюдения этнографов.

Он начинает свое исследование с того времени, когда в среднем течении Оки существовали городища так называемого городечного типа, относящиеся к I тысячелетию до н. э., и высказывает ряд соображений в пользу того, что эти городища и соответствующие им селища существовали и в VI—X вв. и что ряд этих поселений не был покинут до прихода славян (стр. 64—69). Рязанские могильники функционировали, по мнению А. Л. Монгайта, также до X в. (стр. 78). К вопросу о раннем проникновении славян на среднюю Оку автор подходит с большой осторожностью, находя, что уже в V—VI вв. в памятниках этого района появляются элементы, заимствованные с запада, а не с востока. Славянские поселения IX—X вв. А. Л. Монгайт считает торговыми факториями или поселками купцов и ремесленников (стр. 87). Это положение, на наш взгляд, нуждается в более серьезном обосновании, ибо единственным аргументом, приводимым автором, является отсутствие здесь укреплений. Между тем как раз «торговые фактории» обычно укреплялись, потому что купцам постоянно приходилось опасаться ограбления. Неукрепленные же поселки характерны как для земледельцев, так (на первых порах) и для ремесленников. Но во всяком случае не вызывает возражений вывод А. Л. Монгайта о мирном характере докняжеской славянской колонизации Рязанской земли, не требовавшей постройки укреплений.

В книге убедительно показано значение торгового пути по Оке. Большой интерес представляет приводимая здесь сводка кладов восточных монет, найденных в бассейне Оки.

В главе, посвященной колонизации края славянами в IX—XII вв., А. Л. Монгайт выявляет области, колонизованные кривичами и вятичами. Пожалуй, менее убедительны те аргументы автора, которые опираются на различие типов жилища (срубные постройки на севере и полдземлянки на юге Рязанской земли). Приведя ряд интересных материалов о жилищах, А. Л. Монгайт заявляет, что «жилище лишь в малой степени может помочь в определении этнической принадлежности его создателей» (стр. 125) и что «...граница между типами жилища совпадает не только с границей вятичской и кривичской колонизации, но и с границей лесостепной и лесной полос. Этот фактор и

был решающим в сохранении древней традиции» (стр. 128). Мы не можем согласиться с первым утверждением А. Л. Монгайта. Народное жилище имеет множество признаков, по которым можно определить не только создавший его народ, но и этнические группы внутри этого народа. Но эти признаки менее всего видны в том, является ли жилище срубным или каркасным, наземным или углубленным в землю. Гораздо больше они сказываются во внутренней планировке жилища (в частности, в положении печи), в деталях его конструкции и украшения. Между тем, именно это труднее всего проследить по материалам раскопок, так как археолог большей частью находит такие остатки жилищ, которые позволяют судить лишь об основных чертах их конструкции и где, как это справедливо отмечалось уже рядом исследователей, сказываются прежде всего особенности, диктуемые природными условиями. Именно поэтому трудно различать вятичскую и кривичскую колонизацию по конструкции жилищ. Ведь в кривичском Суздале открыты раскопками полуземлянки¹, а в вятичской Москве — срубные наземные дома. Различие типов жилища с этой точки зрения не только в Рязанской земле, но на всей территории древней Руси совпадает примерно с границей лесостепной и лесной зон, прорезая ее в районе Суздальского и Переславского Ополя².

Чрезвычайно интересны приводимые в книге материалы о тесных культурных связях славянского населения с древним (местным) чудским. Учитывая это сильное культурное влияние, приведшее к «обрусению» чудских племен, может быть правильнее говорить не об «исчезновении» чудского населения или об «уходе его на восток» (стр. 135, 139), а об «ассимиляции» его (стр. 136). Нам кажется, что археологические материалы не всегда позволяют с достаточной полнотой проследить этот сложный процесс. Вопрос об участии чудских племен (и в частности племен Поволжья) в создании русской культуры уже лет тридцать назад был предметом острой полемики, и в наше время мало что сомневается в том, что культурное влияние здесь было взаимным³. Нам кажется, что прав С. П. Толстов, считавший, что в XI в. славянская колонизация отнюдь не означала уничтожения или вытеснения славянами финского населения среднего и нижнего течения Оки⁴.

Большой интерес для исследователей древней Руси представляют третья и четвертая части исследования А. Л. Монгайта, посвященные развитию русской культуры на территории края. Автор рассматривает одно за другим славянские городища, селища и курганы Рязанской земли, дает исчерпывающее описание археологических памятников, истории их исследования и собранных там коллекций. Перед читателем проходят все населенные пункты края, какие только удалось выявить⁵, — села, феодальные замки, большие и малые города.

Последняя глава книги посвящена описанию борьбы рязанцев с татарами и трагических последствий разорения края полчищами завоевателей. И в этой части книги, как во всяком крупном исследовании, есть, конечно, спорные вопросы. Одним из них является, как нам кажется, проблема «отсталости» восточных русских земель. А. Л. Монгайт считает, что если и была некоторая задержка в экономическом и социальном развитии вятичей в XI в., то это не относится к городам вятичской земли (видимо, подразумевая города Рязанского края — стр. 256). Но ведь ни один вятичский город XI—XII вв., в том числе и сама Рязань, не мог сравниться с Киевом и даже с Владимиром. Соглашаясь с А. Л. Монгайтом в его заключении, что развитие экономики и культуры вятичей шло в дальнейшем ускоренными темпами (стр. 360), мы все же думаем, что результаты этого процесса сказались значительно позднее, уже в XIII—XIV вв. Такая неравномерность развития отдельных областей древней Руси и обусловила неодновременный расцвет городов в Киевской, Новгородской, Суздальской, Рязанской и Московской землях. И даже разгромленная татарами и подвергавшаяся их постоянным набегам Рязанская земля в XIV—XV вв. была более развита в экономическом и социальном отношении, чем Киевщина, которая переживала тогда глубокий упадок.

Имеются спорные положения и в описании А. Л. Монгайтом технологии ремесел. Так, говоря о гончарном ремесле, он, на наш взгляд, неточно описывает его древнюю технологию. На эту мысль наводят, например, употребляемые А. Л. Монгайтом термины. Рязанские горшки, оказывается, делались из «красной и серой глины» (стр. 179) и даже «из толстой глины» (стр. 156). Если в последнем случае перед нами просто неудачное выражение, то на употребление термина «серая глина» следует обратить особое внимание. Это ошибка не только А. Л. Монгайта, но и ряда других авторов: в последние

¹ А. Ф. Дубынин, Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940), «Краткие сообщения ИИМК», вып. 11, М., 1945.

² См.: М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 72.

³ С. П. Толстов, К проблеме аккультурации (в связи с работой Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»), «Этнография», 1930, № 1—2, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 71.

⁵ За исключением главного археологического памятника Рязанской земли — Старой Рязани, которой А. Л. Монгайт посвятил отдельную книгу. См.: А. Л. Монгайт, Старая Рязань, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА СССР), № 49, М., 1956.

годы все чаще встречаются выражения «сосуды из серой глины» и даже «сероглиняная керамика» (как-будто может быть керамика не глиняная, а, скажем, костяная или деревянная). Насколько нам известно, материалом для древнерусских горшков и иных керамических изделий служила в подавляющем большинстве случаев различных оттенков красная, реже — белая глина. Сосуды, сделанные из красной глины, могут иметь красный или серый, даже черный цвет в зависимости от режима обжига. Серый черепок получается либо при недостаточной температуре обжига — ниже 700 градусов, когда этот процесс осуществляется не в горне, а в домашней печи или на костре (видимо, А. Л. Монгайт имеет в виду именно это обстоятельство), либо при специальном «восстановительном» обжиге без доступа кислорода из воздуха. В последнем случае поверхность сосуда может быть даже черной, а в изломе черепок будет светло-серым. Однако это не дает исследователю права говорить, что сосуд сделан из серой глины. Если такие «серые» сосуды (будь то первая или вторая их разновидности) поместить в современную обжигательную печь и обжечь при температуре 700—900 градусов Цельсия и достаточном доступе кислорода, они станут красными⁶.

Другой спорный вопрос, связанный с технологией производства керамики, — это интерпретация гончарных клейм. А. Л. Монгайт склоняется к определению их как знаков собственности (стр. 284—291), а не клейм ремесленников. Он не одинок в этом мнении. В последнее время появляется все больше сторонников такой точки зрения и у нас, и за границей⁷. Вопрос этот, по нашему мнению, очень важен и заслуживал бы специальной дискуссии. Не ставя своей задачей привести в данной рецензии развернутую аргументацию противоположной точки зрения (знаки на днищах сосудов — это клейма мастеров), мы все же должны заметить, что доводы А. Л. Монгайта не вполне убедительны. И то, что клеймились в древности не все сосуды, и то, что встреченные при раскопках гончарные клейма чрезвычайно разнообразны (крайне редки среди них тождественные), не является аргументом в пользу какой-либо из изложенных выше точек зрения. Не решает спора также ни установление сходства гончарных знаков с межевыми или иными знаками собственности, ни определение знаков как магических. Все это может быть присуще и знаку мастера, и знаку заказчика. Нужно сказать, что в древней Руси вообще клейма ремесленников, как и знаки собственности, ставились далеко не на каждой вещи, и за редкими исключениями не известны тождественные русские клейма ни на керамике, ни на металле, ни на каких-либо иных изделиях.

Особенно досадно, что в своей аргументации А. Л. Монгайт ссылается на опубликованные нами материалы из московской Гончарной слободы, где будто бы найдены разные клейма в одном горне (стр. 288). Здесь явное недоразумение. Ведь в московской Гончарной слободе имела место единственная, насколько нам известно, находка в одном производственном комплексе сорока шести клейм одной конфигурации, причем удалось путем наложения клейм выяснить, что они были вырезаны на семи различных гончарных кругах (с каждого круга снято от одного до девяти сосудов). Таким образом, данный пример говорит не за выдвигаемую А. Л. Монгайтом гипотезу, а скорее против нее — ведь здесь явно продукция одной мастерской, где работало не менее семи кругов, на которых была вырезана одна и та же «марка». Предположить, что мастерская выполняла какой-то крупный заказ для одного заказчика, причем только в брак ушло около полусотни сосудов, нам не представляется возможным.

Поскольку не известно ни одного гончарного круга с разными съемными подставками, на которых были бы неодинаковые клейма, приходится предположить, что на каждом круге можно было изготавливать сосуды только с одним клеймом. А чтобы делать посуду для каждого заказчика с его особым клеймом, гончар должен был бы иметь одновременно несколько кругов, либо работать только на одного заказчика. Наконец, самое место гончарного клейма — всегда на днище сосуда — указывает на то, что вряд ли это знак собственности. Ведь чтобы узнать такой сосуд, нужно обязательно перевернуть его вверх дном, что в хозяйстве неудобно. Знаки собственности и даже целые надписи о принадлежности посуды, как глиняной, так и из других материалов, хорошо известны. Но они ставились обычно не на дне, а на боковой поверхности сосуда. Известны, однако, два сосуда — знаменитые изделия новгородских мастеров Братилы и Косты⁸, на которых есть и подпись мастера, и имя заказчика. Первые поставлены на днищах, вторые — на поддонах снаружи. Видимо, традиция помещения на посуде фабричных клейм на днищах, а различных знаков собственности (гербов, вензелей, надписей и т. п.) — на наружной части сосудов, хорошо известная по крайней мере с XVIII в., имеет глубокие корни и восходит к тому времени, когда появились ремесленники. В заключение хотелось бы указать на некоторую нечеткость хронологических границ исследования А. Л. Монгайта. Во вводной части книги автор сообщает, что начинается свое исследование с I тысячелетия до н. э. и заканчивает его XIII веком н. э. (стр. 7). Такое ограничение монографии, посвященной Рязанской земле, на наш взгляд,

⁶ Такие опыты производились неоднократно в керамической лаборатории Академии архитектуры СССР покойным А. В. Филипповым. См.: М. Г. Рабинович, *Московская керамика*, МИА СССР, № 12, М., 1949, стр. 71—72.

⁷ См.: K. Černogorský, *Keramika a feudalismus*, II. Diskuse k studii akademika Jaroslava Böhma k otázce o vzniku feudalismu v českých zemích, «Český Lid», Praha. 1953, № 1, стр. 21—31; Barbu Slătineanu, *Ceramica românească*, București, 1938.

⁸ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, М., 1948, стр. 294—298.

не оправдано. Читатель не может получить достаточно ясного представления о происхождении чудского населения края, о связи культур раннего железа с культурами эпохи бронзы и неолита, наконец, о времени заселения края человеком. Лишь в отдельных случаях автор указывает, что городецкий слой лежит на неолитическом (например, стр. 34). Думается, было бы полезно дать краткое введение к книге, где выяснились бы эти вопросы. Ограничение изложения XIII веком также не всегда благоприятно сказывается на содержании книги. Так, характеристика Коломны ограничена материалами XII—XIII вв. (стр. 238) и тем самым обеднена. Но в ряде случаев автор, с нашей точки зрения, вполне правильно включает в свою работу и материалы XIV—XVII вв. (например, по Переяславлю Рязанскому). Есть и археологическая карта славянских памятников, доведенная до XVI в. Можно надеяться, что дальнейшие исследования Переяславля Рязанского и других памятников эпохи позднего средневековья покажут большое значение археологических материалов для характеристики этого периода истории Рязанской земли.

Нужно особо отметить, что книга отлично издана (это, к сожалению, далеко не всегда можно сказать о нашей научной литературе). Оформление ее оригинально и интересно.

Работа А. Л. Монгайта «Рязанская земля» представляет собой фундаментальное археологическое исследование по важному вопросу истории нашей Родины. Она интересна не только специалистам — этнографам и археологам, но и гораздо более широкому кругу читателей.

М. Рабинович

Былины Печоры и Зимнего берега. (Новые записи). Ответственный редактор А. М. Астахова, М.—Л., 1961, 606 стр.

В настоящее время, когда в фольклористике наблюдается явный скепсис в отношении живого бытования русского эпоса, солидный том былин в записях 1934—1956 гг. выпущенный Пушкинским домом, приобретает особое значение. Всего в сборнике свыше 160 текстов былин, записанных от 56 сказителей¹.

Авторы вводной статьи (А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и Н. К. Митропольская) дают на основании материалов сборника, по существу, описание «позднейшего этапа жизни эпоса» (стр. 33). Отмечая типичные для этого этапа явления: индивидуальную разработку традиционных эпизодов, психологизацию образов, насыщение сюжета бытовыми деталями, воздействие смежных жанров (в особенности сказки) и книги (стр. 33, см. стр. 19), они одновременно подчеркивают жизнеспособность эпической традиции у лучших сказителей, высокую художественность их текстов, которые называют «образцами классического эпического стиля», при лаконизме и стройности изложения (см. стр. 124, 538—539, 562 и др.). Для остальных текстов они считают характерным сохранение традиционной композиции сюжета, даже при известном его упрощении.

В статье говорится об утрате «общих мест» и отказе от троичности, свойственных позднему эпосу (стр. 20), однако как раз «общие места» в текстах сборника даны изумительно полно, а ведь они — наиболее архаичная составная часть в архаичном жанре былин! С летописной образностью описаны в них (особенно в былинах Печоры) вражеская сила, подступившая к Киеву, богатырский поединок, выезд богатыря и пр. Сохранен и величавый зачин о семидесяти устьях Волги, неизменным через века донесен состав данн — с древним счетом «сороками».

Таким образом, тексты рецензируемого сборника, действительно, выдержаны в хорошей традиционной форме, но только если признать несколько условным понятие «классической», «канонической» былины в применении к записям XIX — начала XX в. Налет модернизации в современных записях стал, может быть, несколько сильнее (см. например, стр. 99, 204), забвение — большим, но и в текстах, записанных около ста лет назад в Прионье и Сибири, обычна замена старинной лексики, а значит, и понятий. Это — закономерное явление, и если заглянуть в историю эпоса поглубже, то и там мы найдем эту модернизацию, не воспринимаемую нами просто потому, что и эти «новые» для своего времени, понятия стали теперь архаичной.

Но из пиетета к эпосу, донесенному из седой древности, сказители стараются удержать в памяти устарелые, полузабытые термины, систему счета и пр. Поэтому А. В. Стрелкова, например, в былине о Дунае пела о «версте большемерной», а в ремарках говорила о «метрах» (стр. 425).

В статье отмечено (стр. 21), но не объяснено другое языковое явление — обилие синснимов в былинах. Из приведенных примеров («ездят-гуляют», «боролись-стягались») видно, что дело в основном здесь в борьбе диалекта и литературного языка, и это связано с размытанием в наше время былой областной обособленности.

«Забывание» же, о котором много говорится в книге, — назначения жилищ, способов упрощения оружия, замена имен, перенос места действия и пр., служит несом-

¹ Отметим, что при этом встречались сказители в возрасте 50—30 лет (стр. 32), а не только глубокие старики.

ненным симптомом начавшегося упадка эпической традиции, так как ведет к искажению смысла (см. стр. 54, 81, 264, 272, 321) и др. Утрачивается и смысл окостеневших иносказаний; так, слова Ильи Муромца «Мне на поле смерть не писана, на море не явлена» (стр. 143) показывают, что слово «поле» воспринимается не как место боя, а буквально.

Но не забвению отдельных понятий и даже мотивов, не смещению (очень слабому) сюжетов в былинах сказителей 30—50-х годов нашего века надо удивляться, а потрясющему «чуду народной памяти»² — еще звучат, еще не исчезли из культурного наследия русских северян старины, сложенные тысячелетие назад!

Авторы статьи говорят о том, что число сюжетов (по сравнению с началом века) сильно убавилось, — на Печере почти вдвое, доказывая это путем кропотливых, но несколько произвольных (не идентична обследованная территория, различны сроки экспедиций) подсчетов (см. стр. 10, 11, 18, 24—25, 36—38). Они объясняют это отчасти «редким исполнением» былин (стр. 26) и недооценкой эпического наследия местными работниками в области культуры (стр. 29) и приводят конкретные примеры (стр. 30). Такое отношение к эпической поэзии способствует пренебрежению к ней и у одностельчан сказителя. Современные «рапсоды», великолепно владеющие своим мастерством и любящие эпос, вынуждены обычно петь «для себя», в одиночку — и на Печере (см. стр. 14, 22), и на Зимнем берегу (стр. 39, 41), и в Заонежье³. Следует напомнить, что некоторым национальным эпосам в СССР повезло больше, — например, «Калевале», «Манасу»; их широко популяризируют.

В статье, биографических заметках, предположенных текстам каждого сказителя, и в комментариях много внимания уделяется связи былевого эпоса со сказками (см. стр. 15, 210, 527—529 и др.) и отчасти — с другими жанрами местного фольклора, а также сообщается вскользь о владении сказителями этими жанрами и о записи от них сказок, песен, колядок, причетов и пр. Приходится лишь сожалеть, что богатый материал, собранный в тех же экспедициях и, значит, синхронный записям былин, так и остается неопубликованным. Как и в других изданиях, в рецензируемом сборнике былины подаются изолированно от других жанров. А ведь в каждом тексте так легко было бы обнаружить не только общность с запасом сюжетов, мотивов, художественных приемов всего местного фольклора, но и прямые включения других жанров!

Сами сказители при исследовании их творчества в пределах только одного жанра — былин приобретают какой-то нереальный, условный облик.

Составители отмечают, что для современного эпоса характерны новообразования, возникающие в творчестве отдельных сказителей, представляющие «сплав сказочных и эпических мотивов» (стр. 551), а также «сплав мотивов разных былин» (стр. 528). Они относят сюда не только индивидуальные попытки (тексты №№ 7, 103), но и локально ограниченные сюжеты (№ 72) или былины, известные в единичных записях (№ 83), что едва ли верно.

Новшество в рецензируемом издании представляет последовательное выявление роли книги, даже определенных изданий былин в репертуаре и творчестве сказителей⁴. Одно за другим следуют признания сказителей и их близких: в доме была такая-то книга былин (см. стр. 33, 42, а также 568); текст усвоен в свое время по такому-то печатному сборнику (стр. 573); собирателям показывали и книги, до сих пор хранящиеся в семье (стр. 468, 546).

Собиратели указывают на свободное и «мастерское» переложение книжного текста многими сказителями и двойственный источник усвоения ими отдельных былин: книгу и устную традицию (стр. 210, 573) и на смещение областных традиций (например, прионежской и печорской, стр. 549 и др.) через книгу. Методически важна мысль о том, что элементы чуждой локальной традиции могут служить признаком влияния книги.

Таким образом, в рецензируемом издании вырисовывается многообразное и существенное воздействие книги на эпическую поэзию Севера. Но совсем ли это новое явление? Русский Север всегда был грамотным. Только в XVII—XVIII вв. место научных изданий и «книжек для народа» занимал лубок и, возможно, рукописные «гистории» о богатырях.

Нельзя все же и преувеличивать роль книжного источника для сказителей. Ведь и усваивать-то былины из книг могут только люди, знакомые с устным их исполнением, напевами, образами.

Экспедиции на Печору и Зимний берег, результатом которых явился рецензируемый сборник, были организованы все «по следам» прежних собирателей. (В 1900-х годах там работали А. В. Марков, Н. Е. Ончуков).

В 1934 г. в Зимней Золотице стал записывать былины В. П. Чужимов. Продолжением предпринятой Гос. Литературным музеем записи колоссального былинного

² «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», изд. 5-е, М.—Л., 1949, стр. 54.

³ Ю. Новиков, Ю. Смирнов, Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956—1959), «Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 164.

⁴ Эта проблема занимает, однако, видное место в ряде работ А. М. Астаховой.

репертуара М. С. Крюковой там (1937—1938 гг.) явилась запись Э. Г. Бородиной произведений других жанров от той же Крюковой, как и былины у ее родных и односельчан. На Печоре в 1942 г. работала экспедиция Карело-финского университета, а в 1955—1956 гг. — Пушкинского дома, уже «по следам» не только Ончукова, но и Астаховой, работавшей там в 1929 г. Все эти записи 1934—1956 гг. (кроме записей былины от М. С. Крюковой Чужимовым) и составили содержание сборника. Естественно, что особое внимание в экспедиционной работе, при такой установке, уделено «династиям» сказителей, от которых были сделаны записи в начале века. Частично проводились и повторные записи (см. стр. 18). В семейных «гнездах» сказителей — Чупровы, Поздеевы, Тарбарейские, в Зимней Золотице — Крюковы, Пономаревы, Субботины — были записаны былины, «понятые» от старшего поколения. Однако по книге крайне трудно разобраться в родственных связях сказителей по приводимым отрывочным данным (особенно при обычном для северных деревень обилии однофамильцев). Небольшая генеалогическая таблица значительно упростила бы дело. (Кстати отметим, что было бы целесообразно дать и карту мест, где проводилась запись былины, начиная с 1900-х годов.) В сборнике содержится много драгоценных сведений о семейной традиции, о путях передачи знания былины, но все это еще в значительной степени сырой материал, который должен разрабатываться будущими исследователями (см. стр. 155, 434 и др.).

Ценно, что составители тщательно отмечают отношение современных сказителей к былинам. Излишне было только приводить о них сведения другого рода — «с виду маленький, невзрачный» (стр. 216) или «с огромными мохнатыми бровями» (стр. 180). Обычно, прочтя о себе такое, люди очень обижаются, а к творческому портрету это ничего не прибавляет.

Чрезвычайно интересные записи на Зимнем берегу, опубликованные в сборнике.

Э. Г. Бородиной удалось установить, что, ко времени ее пребывания в Золотице, в семье Крюковых и других известных еще А. В. Маркову сказителей не забыт был еще значительный былинный репертуар. Ею были записаны былины от двух младших дочерей Аграфены Матвеевны Крюковой — Павлы (в замужестве Пахоловой) и Серафимы, а также от дочери Пахоловой — П. В. Негадовой. Особенно внушительным оказался репертуар Павлы — около трех десятков текстов; ее сестра и дочь знали лишь по несколько былины.

Новые золотитские записи, в особенности от П. С. Пахоловой, представляют настолько большой интерес для выяснения традиций одаренной семьи Крюковых, с которой связана целая эпоха изучения эпоса, что требуют специального исследования. Ограничусь здесь несколькими замечаниями. Составители, отмечая близость исполнительской манеры обеих сестер (что можно было бы дополнить рядом черт), указывают, что тексты Павлы отличаются «большей сжатостью и строгостью стиля» (стр. 556). Однако большая лаконичность была свойственна и раннему периоду творчества самой М. С. Крюковой (записи 1934 г.), когда она уже овладела мастерством сказительницы, но еще не «играла» им. Это следовало бы отметить в книге.

Записи 1934—1945 гг. показывают, насколько М. С. Крюкова (о которой в последние годы почти не упоминают как о хранительнице традиционного эпоса, так как она якобы безудержно его модифицирует) была «связана» в хорошем смысле канonom, насколько в русле традиции Зимнего берега были ее былины. Это доказывается не только трактовкой образов, построением сюжета, но и «общими местами» (например, описание женской красоты)⁵. Многое, что считалось индивидуальной особенностью М. С. Крюковой, оказалось характерным для золотитской традиции последних десятилетий (психологизирование с известным налетом сентиментальности, сильная модернизация, переложение книжных произведений и пр.). Возможно, все это — следствие воздействия в прошлом на быт торгово-промышленного села городской стихии, в том числе и «мещанской». Не одинокой оказалась она и в складывании произведений из «общих мест» эпоса (см. выше). Поэтому не следовало бы противопоставлять ей других сказительниц того же поколения, к которым «былины перешли в основном по устной традиции» (стр. 42), и считать, что в Золотице сохранилось лишь 26 сюжетов былины, опять-таки исключая ее репертуар. Нельзя согласиться и с тем, что «безусловно, самым большим достижением собирательских работ по эпосу в Золотице в 30—40-е годы явилась запись былины от Павлы Семеновны Пахоловой» (стр. 40), тем более, что сами составители рассматривают золотитских сказителей как «окружение» М. С. Крюковой (стр. 6). Конечно, первое место по значению для фольклористики остается за полной записью в те же тридцатые годы былинного репертуара от нее самой.

В целом издание выполнено на высоком научном уровне, в отношении и транскрибирования текстов, и научного аппарата — комментариев и ряда тщательно продуманных указателей. Может быть, следовало бы только больше унифицировать умеренную транскрипцию, в которой ощущается все же некоторый разнобой (частично, правда, сглаживаемый составителями — см. об этом стр. 525), что, конечно, естественно в таком пестром собрании текстов.

Комментарии очень насыщены и в них дается много полезных указаний (например, на варианты из тех же мест, печатные или только хранящиеся в архивах), а так-

⁵ То же единство наблюдается в ее былинах с эпосом более широкого ареала — Мезени. Недаром старины мезенцев она считала самыми правильными (стр. 42).

же содержится подробная информация об обстоятельствах записи данного текста и т. п. Однако при характеристике текста сюжет все же слишком подробно расчленяется на простейшие мотивы и эпизоды, так что за мелочным сличением их в различных вариантах теряется общая картина областной традиции. Притом исторического обоснования локальной специфики почти нет.

Условия жизни эпоса на Печоре и Зимнем берегу и его особенности в течение последнего шестидесятилетия оказались бы очерченными полнее и четче, если не было бы дублирования вводной статьи с комментариями и биографическими заметками, раздробленной подачи там и здесь и ценных и малозначительных сведений и наблюдений. Так, не суммированы наблюдения составителей над тем, что же объединяет творчество «гнезд» печорских певцов, каково направление эволюции семейной и деревенской или районной исполнительской традиции.

В системе указателей есть досадный пробел, обычный, впрочем, в изданиях последних десятилетий: отсутствует предметный указатель, что крайне затрудняет работу в плане историческом и этнографическом над всеми сборниками этого периода. «Словарь областных и исторических слов» не может, конечно, восполнить этот пробел, тем более, что в нем нет отсылки к страницам и он крайне невелик. Кроме того, пояснение исторических понятий в нем часто несколько поверхностно и даже неточно (например, «палица», «гридня», на что автору настоящей рецензии приходилось уже неоднократно обращать внимание в печати по поводу других изданий былин⁶).

При пояснении ряда других слов учитывается лишь их диалектное современное значение, притом только в крестьянском быту, а не существовавшее в эпоху сложения былин в древней Руси. Таково объяснение: «Повальша — холодная горница, строящаяся через сени против избы» (стр. 596). К тому же и сказители путают ее с подвалами — «подвальшами глубокими» (стр. 298, 379). Но «повалушу» в древнерусских городах археологи считают частью парадного комплекса развитого феодального жилища, как в домонгольский период, так и в XVI—XVII вв. Она представляла башню, даже трехярусную, иногда расписную и, вероятно, также неотопливаемую.

Этнографические пояснения даны более удовлетворительно, хотя часто не показывают специфику термина; так, «браный» не просто «узорчатый» (стр. 592), а означает особую технику ткачества.

Кроме того, едва ли правомерно обычное деление терминов в словарях к сборникам былин, данное и здесь, на две категории: «областные» и «старинные». В областных диалектах и сохранились многие древнерусские слова; важно другое — проследить, какие из них удерживались в разговорной, живой речи, а какие — только в эпосе, шире — в фольклоре.

К книге даны «нотные приложения» — расшифровки записей на магнитофонную ленту 26 напевов печорских былин, произведенных Ф. В. Соколовым. Эти расшифровки предваряются его небольшой статьей «О напевах печорских былин» (стр. 497—500). В подготовке записей к печати принимали участие Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов. В статье Соколова и соответствующих заметках в комментариях к отдельным текстам содержатся конкретные наблюдения над отличиями напевов по районам, а также в мужском и женском исполнении, даны характеристики отдельных сказителей. Но все это написано большей частью на таком сугубо профессиональном жаргоне, который может только отпугнуть обычного читателя; например: «Нотное приложение XVIII. Расчлененный бесцезурный напев песенного склада с полукадансом на второй ступени звукоряда и заключительным кадансом, построенном (построенным? — Р. Л.) на секундовых оборотах» (стр. 545).

Иллюстраций в сборнике всего семь — исключительно портреты сказителей. Они удачны; в большинстве живо схвачены и поза, и выражение лица. Однако фотоснимки этнографического характера (селений, где проводилась запись, и отдельных жилищ, жанровых сцен, групп односельчан в местных костюмах и пр.) обогатили бы издание. Вероятно, в отступлении от этой хорошей традиции, принятой в последние десятилетия, сыграло роль стремление к экономии места, но едва ли это оправдано.

Заканчивая рецензию, остается еще раз приветствовать выход в свет крайне нужного, полезного, рассчитанного «на века» издания и напомнить, что оно идет в ряду научных публикаций текстов различных жанров фольклора, осуществляемых Сектором народного творчества Института русской литературы АН СССР в последние годы.

Р. Лунец

⁶ См. рецензии в журнале «Сов. этнография»: 1952, № 3, стр. 238; 1954, № 4, стр. 166; 1955, № 4, стр. 152.

Історичні пісні. Упорядкували: І. П. Березовський, М. С. Родина, В. Г. Хоменко. Нотний матеріал упорядкував А. І. Гуменюк. За редакцією М. Т. Рильського і К. Г. Гуслистого *Українська народна творчість*, Київ, 1961, 1967 стр.

В серии «Украинское народное творчество», подготавливаемой Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, вышел первый том, посвященный историческим песням. Потребность в такого рода изданиях давно назрела. Первый и единственный свод украинской исторической народной поэзии В. Антоновича и М. Т. Драгоманова¹, сыгравший в свое время значительную роль в развитии фольклористики, сейчас по объему материала и принципам его издания удовлетворить не может. К тому же в нем исторические песни не отделены от дум. Традиция объединять два вида украинской народной исторической поэзии сохранялась и в последующих изданиях, которые имеют характер антологий: тексты песен даются в них выборочно и без вариантов. Такого же типа и последнее, самое полное издание дум и исторических песен². В рецензируемом томе украинские исторические песни выделены как особый жанр и представлены с полнотой, значительно превосходящей все имеющиеся сборники.

Это капитальный свод, включающий все сюжеты украинских исторических песен досюдянского периода; к ним отнесен и ряд песен, не связанных с конкретными событиями и лицами, но дающих типические картины социально-политической жизни украинского народа в разные исторические периоды. Можно спорить с составителями о правомочности отнесения некоторых из этих песен к историческим, но нельзя не быть им благодарными за подбор и публикацию огромного материала, очень ценного для исследователей. В основу систематизации материала правильно положен исторический принцип; песни расположены в хронологической последовательности изображаемых ими событий и сгруппированы по важнейшим периодам истории Украины.

Всего в своде 361 песня, большинство их дано с вариантами, число которых к некоторым песням значительно (так, опубликован 31 вариант песни о Морозенко, 25 вариантов песни о Палии и Мазепе, по 23 варианта песен о Бондаривне и о Кармелюке). Тексты взяты как из печатных изданий, порою малодоступных, так и из архивных собраний (свыше 260 вариантов), причем использовано не только богатейшее рукописное собрание Института искусствоведения, фольклора и этнографии и других хранилищ, но и некоторые личные архивы собирателей (Л. Ю. Предславича, Л. А. Лясоты). Это увеличивает ценность свода, придавая ему характер первоисточника. Сведения о вариантах, не вошедших в свод, приведены в комментариях. Не стоило только в научное издание включать песни, литературно обработанные, например «Ой Богдане батьку Хмеля», в обработке И. Цюпы, стр. 240).

Текстам предпослана вступительная статья составителей: И. П. Березовского, М. С. Родиной и В. Г. Хоменко. В ней характеризуются песни разных периодов, отмечаются их некоторые художественные особенности, связи с русскими песнями и кратко излагается история их собирания и изучения. Идейное содержание и образы песен раскрыты достаточно полно, о художественных же особенностях говорится очень кратко и общо; отмечаются лишь некоторые приемы, в большинстве общие с другими жанрами. Неизвестно, представляют ли украинские исторические песни единый жанр или же это произведения разного характера; не показано, как менялась их поэтика в историческом развитии, не раскрыты их связи с песнями лирическими. Нельзя, конечно, требовать, чтобы составители глубоко осветили все эти вопросы; это и не входило в их задачу. Определение жанровой специфики — дело сложное и требует специальных исследований, но хотелось бы, чтобы во вступительной статье были поставлены основные проблемы дальнейшего изучения исторических песен.

Очень ценно, что в своде, помимо текстов, дано 166 мелодий исторических песен, публикации которых предшествует заметка А. И. Гуменюка «Краткая характеристика музыкального материала». Недосмотром является отсутствие у мелодий паспортов или отсылок к соответствующим текстам; чтобы определить, где, когда и кем мелодия была записана, приходится сопоставлять подтекстовку с вариантами соответствующей песни.

В целом же выпущенный Издательством АН УССР свод украинских исторических песен заслуживает самой высокой оценки. Он сделан тщательно, с любовью и несомненно послужит стимулом к дальнейшему изучению народной исторической поэзии — украинской и всех славянских народов. Благодарны за него будут и историки.

В. Соколова

¹ «Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», Киев, т. I, 1874; т. II, 1875.

² *Українські народні думи та історичні пісні*, упорядкували П. Д. Павлій, М. С. Родина, М. П. Стельмах. За ред. М. Т. Рильського і К. Г. Гуслистого. Київ, 1955.

Fr. Altheim, *Geschichte der Hunnen*, Bd. II, Berlin, 1960, 329 стр.

Второй том «Истории гуннов», составленный Фр. Альтхеймом при участии Феодоры — принцессы Саксен-Мейнингенской, Е. Лозована и З. И. Ямпольского (СССР), в значительной своей части посвящен эфталитам (ч. I и III), хотя содержит большой раздел, касающийся других вопросов (ч. II). Фактически том состоит из ряда самостоятельных исследований, объединенных общей проблематикой. Связного изложения истории эфталитов здесь не дается; основное внимание уделяется выявлению неучтенных ранее данных источников и их критике.

Отличительной особенностью рецензируемого тома является широкий исторический подход к рассматриваемым вопросам, большая полнота привлекаемых источников и, главное, стремление проследить некоторые закономерности сложного исторического процесса эпохи переселения народов на обширной территории Европы и Азии. Настоящая рецензия преследует цель рассмотреть разделы, представляющие наибольший интерес для истории Средней Азии, и отметить ряд моментов, в которых точка зрения автора не может быть принята безоговорочно.

Содержание и отчасти структуру рецензируемого тома определяет выдвинутый ранее в литературе тезис о принадлежности эфталитов к гуннам и передвижении последних на запад именно с территории Средней Азии: он четко повторен и во введении к тому.

Другое важное положение, правда не сформулированное, но отчетливо выступающее, — это расширение эфталитского периода истории Средней Азии вплоть до начала VIII в. н. э. Тут уместна была бы специальная аргументация, в частности, рассмотрение вопроса о наличии эфталитских династий в среднеазиатских владениях после событий 60-х гг. VI в.

Первая часть тома содержит сводку ранее не привлекавшихся или использовавшихся лишь частично известных сирийских (гл. 1) и арабских (гл. 3) источников об эфталитах; сюда же включены и данные о гуннах, содержащиеся в эфиопском переводе арабской хроники Иоанна из Никиу. Важность такой сводки для дальнейшей разработки проблем истории Средней Азии в V—VII вв. н. э. бесспорна. Однако некоторые сообщения, включенные в эту часть, не относятся к эфталитам и их следовало бы как-то выделить, например несколько отрывков из сочинения Михаила Сирийца (гл. I, стр. 4, 12 и 19), явно касающихся собственно гуннов, и ряд выдержек из трудов арабских историков в гл. III, где речь идет о завоевании Средней Азии, но эфталиты не упоминаются. Следует отметить также, что при интерпретации упоминаний гуннов в сообщениях Михаила Сирийца и Иоанна Эфесского о событиях VI в. н. э., и в особенности времени правления Юстиниана II, необходима большая осторожность.

Автор полагает (стр. 27), что вспомогательные войска иранской армии при Каваде I и позднее состояли из эфталитов. Но это можно предполагать лишь для начала его правления; во всяком случае, при Хосрове I взаимоотношения меняются и наличие эфталитов в персидских войсках очень маловероятно. Интересные сами по себе сообщения хроники Иоанна из Никиу непосредственного отношения к эфталитам не имеют: речь в них идет о собственно гуннах, участвовавших в войнах между Византией и Ираном в правление Юстина I и Юстиниана I. При этом из текста яствует, что союзные с Кавадом группы их обитали на западе. Этот момент имеет существенное значение в связи с указанным выше: гунны, упоминаемые в сообщениях других авторов о войнах Кавказа на западе, вовсе не обязательно должны рассматриваться как эфталиты.

Недоказанным — во всяком случае при современном состоянии наших знаний — представляется мнение автора о том, что псевдо-авары относятся к эфталитам. Этот сложный вопрос невозможно рассмотреть здесь подробно; отметим лишь, что все свидетельства в пользу пребывания аваров в Средней Азии, приводимые автором, могут быть интерпретированы и иначе. Прежде всего это касается топонимики.

При разборе известий арабских историков Альтхейм подчеркивает некоторые случаи, когда, по его мнению, под названием тюрков фигурируют эфталиты. Это является закономерным следствием его точки зрения на их этническую принадлежность, которая, однако, представляется спорной. Мы не знаем, какие названия фигурировали в первоисточниках; в каждом отдельном случае следует учитывать возможность последующей замены их названиями, более понятными для того времени, в которое составлялся тот или иной труд, всегда являющийся в ранней своей части компилятивным. Сам термин «тюрки» появляется в совершенно определенное время: не случайно мы не встречаем его у ранних сирийских авторов, сохранивших наиболее достоверные сведения о событиях, происходивших в Средней Азии в V в. н. э. Следует также иметь в виду, что после падения эфталитского государства, и в особенности в период вторжения арабов, в южных областях Средней Азии находились западные тюрки и карлуки — сначала в качестве военной силы, обеспечивающей покорность местных владетелей, а затем как союзники последних в борьбе с новыми завоевателями. Активная роль западных тюрков и тюркшей в борьбе с ними достаточно определенно засвидетельствована источниками. Поэтому сомнительно, например, категорическое утверждение Фр. Альтхейма, что тюрки, с которыми арабы столкнулись в 701 г. между

Кешем и Балхом, были в действительности эфталитами (стр. 71): тут вряд ли следует сомневаться в правильности терминологии текста.

Ряд интересных мыслей и предположений высказан автором в комментариях к арабским источникам. Так, несомненно большого внимания заслуживает предположение о том, что первоосновой средневековой «Песни о Гильдебранде» служит эпизод борьбы сына с отцом в эпосе о Рустеме (стр. 76); путь заимствования шел в данном случае через гуннов и остготов. В качестве решающего вопроса «промежуточного звена» здесь рассматривается упоминание Рустема в одном из приведенных Табари восклицаний Тархуна, т. е. жителя эфталитской территории, бывшей исходным ареалом миграции гуннов. К этому можно добавить, что эпос о Рустеме был сравнительно широко распространен в среде согдийцев как в Средней Азии, так и в Восточном Туркестане. Контакты с согдийцами, а следовательно и возможность заимствования эпоса, существовали как у гуннов, так и у алан: последние, как ираноязычный народ, даже более вероятно в качестве промежуточного звена, через посредство которых этот эпос мог стать известным остготам.

Новой и интересной является попытка выявить в сообщениях Табари о смерти Тархуна и царя Шумана элементы эпического характера, возможно свидетельствующие о существовании специальных поэтических произведений, в которых оплакивались герои. Но есть и явно неудачные моменты. Так, факт сохранения тела Аттилы под китайскими тканями не является основанием для того, чтобы говорить о наличии торговых связей между гуннами и эфталитами (стр. 83). Необоснованным является сомнение в правильности общепринятого отождествления последнего убежища Дивастича с замком на горе Муг: в данном случае сведения письменных источников полностью подтверждаются результатами раскопок и прежде всего архивом пенджикентских владетелей (как показал В. А. Лившиц, в составе его имеются также документы, связанные с предшественниками Дивастича).

Третья часть рецензируемого тома, как это явствует из первых же абзацев, должна рассматриваться как синтез всего ранее сделанного анализа. Однако она содержит только хронологический перечень основных событий IV—VIII вв. н. э. и краткую характеристику некоторых моментов этнографического и культурно-исторического порядка. Последовательного изложения истории эфталитов, которого следовало бы ожидать здесь, Фр. Альтгейм не дает, ссылаясь на недостаточность фактических данных. Последнее, конечно, справедливо, но это не снимает с автора обязанности изложить ход событий в свете предлагаемой им концепции: это является первой и необходимой проверкой ее правильности. Хронологическая таблица ни в какой мере не заменяет такое изложение. В ней почему-то совершенно не учтены данные китайских источников, что несомненно обеднило ее. Кроме того, она содержит ряд моментов, вызывающих сомнения, даже если целиком принять концепцию автора. Непонятно, почему в качестве отправного момента избрано включение северных областей кушанского государства в число сасанидских владений при Хормизде II (302—309): это событие с эфталитами не связано и выбор этого начального рубежа здесь требует пояснений. Некоторые формулировки и термины следовало бы сопроводить комментариями: это, прежде всего, отнесен к термину «тюркско-гуннские эфталиты» (стр. 258). Здесь неясно — что же является определяющим в этническом отношении (учитывая позднее появление самого термина «тюрки»).

Вызывает удивление безоговорочность утверждения, что эфталиты, будучи под верховной властью Ирана, в 60-х гг. IV в. н. э. заняли Согд: доводы, приведенные в пользу этого в т. I (стр. 35), без детального рассмотрения политической ситуации в Средней Азии недостаточны для такого утверждения.

В свете указанных выше данных хроники Иоанна из Никиу также очень рискованным является безоговорочное определение гуннов, участвовавших в 532 г. в осаде Мартирополя, как эфталитов (стр. 260). Две даты — 588/89 и 591 г. вообще следует изъять из таблицы: соответствующие события связаны не с эфталитами, а с тюрками. Строго говоря, излишними в таблице являются также почти все последующие события и даты, поскольку они относятся к завоеванию Средней Азии арабами, но не к истории самих эфталитов.

Большой интерес представляет второй раздел тома. Здесь автор дает (правда нечетко) общую характеристику основных моментов, определивших исторические судьбы эфталитов. Это, прежде всего, процесс непрерывного передвижения на запад тюркских племен, начатый гуннами: в его рамках смена эфталитского господства над Средней Азией тюркским была лишь сменой власти этнических родственных групп. Далее — это обусловленная географическим положением подверженностью влияниям со стороны Ирана и Турана, т. е. двух противоположных «полюсов»; здесь воздействие местной оседлой среды оказалось решающим, во всяком случае господствующий слой эфталитов быстро и полностью растворился в ней (стр. 267). Если первое представляется недоказанным ввиду недостаточной обоснованности гипотезы о тюркоязычности эфталитов, то второе, безусловно, полностью соответствует реальным фактам.

Исходя из отмеченных общих положений, Фр. Альтгейм делает попытку выявить в имеющихся данных этнографические черты, принадлежащие собственно эфталитам, и прежде всего те, которые могут служить свидетельством в пользу близости их к западным гуннам. В первую очередь он привлекает известие Прокопия Кесарийского

о наличии у эфталитов совместной трапезы предводителя и приближенных, которые в случае его смерти следуют за ним в могилу. Эта архаическая черта, очевидно, была свойственна лишь какой-то части эфталитов; такое заключение можно сделать ввиду того, что в китайских источниках об этом никаких упоминаний нет. Ничего подобного у западных гуннов не засвидетельствовано; наличие же и у них совместных трапез и пиров еще не является достаточным основанием для сопоставления, так как это явление было широко распространено среди различных народов Европы и Азии. Оно может рассматриваться лишь как свидетельство существования дружины.

Безусловный интерес представляет наблюдение Фр. Альтгейма, что у западных гуннов не было обыкновения опешать о начале битвы ударами в барабан (или бубен), засвидетельствованного у тюрков. Но мы не имеем никаких данных, говорящих об отсутствии или наличии такого обычая у эфталитов. Фигурирующие в рассказе Табари о столкновении у Мерверруда в 643 г. тюрки, бывшие в барабан, несомненно не являются эфталитами, что явствует из описания всех непосредственно предшествовавших событий.

Таким образом, это сообщение никак не решает вопроса, тем более, что есть достоверные известия о наличии у жителей Средней Азии и Хорасана «наводящих страх барабанов» (т. е. несомненно использовавшихся при сражениях).

Привлекает к себе внимание, к сожалению, очень краткое и не поясненное фактами замечание о существовании у эфталитов обыкновения сравнивать человека и его поступки с животными и их повадками (стр. 268). Этот момент следовало бы рассмотреть подробнее, так как и в других арабских источниках тюркам приписываются высказывания аналогичного характера.

Наряду с этими тремя чертами эфталитов сближает с гуннами, по мнению автора, также то, что они первоначально обитали в юртах, были воинственны и производили опустошения, сопровождавшиеся пожарами, уведом жителей в рабство и преследованием священнослужителей и монахов. Следует ли во всем этом видеть специфику именно гуннов, а не кочевников вообще? Этот закономерно возникающий вопрос, к сожалению, не подвергся должному рассмотрению. Приходится отметить и то, что этнографическая характеристика эфталитов сильно обеднена тем, что совершенно не использованы китайские источники, а в них как раз содержится много данных, характеризующих общественный строй и обычаи эфталитов в первоначальный период обитания их в Средней Азии. В рассматриваемом разделе особо следует выделить попытку установить своего рода «переломный момент» в сообщениях источников — то время, когда в них начинается отражаться процесс восприятия эфталитами культуры местного населения. По мнению автора, он падает на последние годы правления Пероза, ибо в синхронных известиях западных авторов впервые наблюдается разграничение эфталитов и западных гуннов (стр. 269—270). Новые черты особенно ярко выступают в данных Прокопия Кесарийского, который такое разграничение проводит очень четко; они же отражены в таких моментах, как поддержка эфталитами легитимности в Иране, сохранение верности законам гостеприимства и т. д. Однако процесс ассимиляции, как указывает Фр. Альтгейм, коснулся главным образом лишь господствующих слоев; значительная же часть эфталитских племен и в дальнейшем сохранила свой первоначальный гуннский характер, явившись затем источником дальнейших миграций на Запад.

Все это, если исключить последний тезис, заслуживает всяческого внимания, так как дает новый аспект подхода к данным источников. Но и здесь совершенно необходимо учитывать данные китайских источников, в частности содержащиеся в них свидетельства о сохранении главой эфталитского государства полукошевого образа жизни еще в начале VI в. н. э.

Логическим завершением последнего раздела тома является очерк эфталито-согдийской (по терминологии автора) культуры Средней Азии. Поскольку в нем использованы далеко не все имеющиеся в настоящее время материалы VI—VII вв., и часть их несомненно будет проанализирована в третьем томе, останавливаться на нем здесь нецелесообразно. Следует лишь отметить некоторую тенденцию к идеализации эфталитов, возможно невольную, поскольку именно они находятся все время в центре внимания.

В заключение хотелось бы указать на неполноту той библиографии советских работ по эфталитам, кидаритам и хионитам, которая имеется в рецензируемом томе. В ней не учтен ряд статей А. Н. Бернштама и С. П. Толстова, опубликованных за последние годы; в то же время включены статьи, которые сам составитель (З. Ямпольский) характеризует как не имеющие прямого отношения к теме.

А. Мандельштам

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

W. Böttger. *Die ursprünglichen Jagdmethoden der Chinesen. Nach der alten chinesischen Literatur und einigen paläographischen Schriftzeichen* «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Heft 10, Berlin, Akademie-Verlag, 1960, 88 стр. с илл.

Книга Вальтера Бётгера «Древние способы охоты в Китае» интересна прежде всего тем, что автор разрабатывает в ней малоисследованную тему. Книга состоит из шести глав с иллюстрациями и библиографией.

В предисловии автор отмечает, что в Китае нет достаточного археологического материала для изучения охоты в эпохи Шан (XV—XI вв. до н. э.) и Чжоу (X—III вв. до н. э.). Он использует надписи на гадательных костях и письменные источники. Древние формы иероглифов В. Бётгер сравнивает со старинными китайскими рисунками, а также с охотничьим оружием и охотничьими рисунками современных отсталых народов.

В книге описываются способы охоты периодов Шан и большей части Чжоу — до начала Чжаньго (V в. до н. э.). Период Шан объединен с периодом Чжоу в одну археологическую эпоху — бронзовую. В. Бётгер указывает ряд оснований для такого объединения: способы охоты бронзового века не отличаются от неолитических, коренные изменения в них происходят лишь в железном веке.

На протяжении бронзового века, как и в период неолита, охота была необходимой отраслью хозяйства. Только в конце периода Чжоу охота теряет свое важное хозяйственное значение и, как считает автор, становится преимущественно развлечением или спортом.

Объединение периодов Шан и Чжоу не вызывает возражений. Удивляет лишь, что автор начинает исследование с охоты в эпоху бронзы, а не с более раннего времени, тем более, что сам он говорит о неразрывной связи охоты неолита и бронзового века. Первобытной охоте посвящена одна из последних глав. Логичнее было бы поместить ее в начале книги.

В первой главе показано важное хозяйственное значение охоты в Китае в эпоху бронзы. Некоторые старые формы иероглифов, обозначающих следы животных и птиц, и данные канонической литературы («Чжоу ли», «И цзин», «Ли цзи» и т. д.) подтверждают, что охота в хозяйстве эпохи бронзы, как и неолита, служила существенным дополнением к земледелию.

Вторая глава содержит общие замечания о способах охоты. Небольшое введение к этой главе, где излагаются общеизвестные истины, могло бы быть опущено.

Об охотничьем оружии и снаряжении бронзового века; по словам автора, известно очень мало. В «Шицзине» и «Ли цзи» большей частью говорится о применении лука

и стрел. Упоминается деревянный лук «ху» и сложный лук «уэю гун» 角弓 с ро-

вой накладкой. Последний характерен для северных народов, знали его и древние скифы. Известен также арбалет «ну». Стрелы часто оперялись. Применялись стрелы, отравленные растительными и животными ядами. В. Бётгер указывает, что в Китае до сих пор еще не найдено пещерных рисунков, которым приписывается обычно магическое значение. Но в китайской литературе есть сведения, подтверждающие существование магических охотничьих обрядов.

Обряды эти, для обозначения которых существовали специальные иероглифы, производились жрецами и шаманами.

В третьей, самой большой главе автор пишет о древних китайских способах охоты. Прежде всего он исследует выражения, существовавшие в китайском языке для понятий «охотиться» и «охота». Он приводит ряд иероглифов из «Гу Чжоу пянь», «Шо-вэнь», «Цы юань», «Инь сюй вэнь цзы лэй бянь», употреблявшихся в этом значении, и приходит к выводу, что все они указывают на травлю или охоту загонном. Другие способы охоты по иероглифам не удается установить. В Китае охота велась по сезонам. В «Эр я» приводятся иероглифы, обозначающие: весеннюю («чунь соу»), летнюю («ся мао»), осеннюю («цю сянь») и зимнюю («дун шоу») охоту. Во время весенней и летней охоты не разрешалось убивать детенышей и собирать птичьи яйца. Судя по иероглифам, в осенние и зимние сезоны охотились с собаками.

Известно, что в Китае было много различных пород охотничьих собак и они высоко ценились.

Автор считает, что люди применяли огонь на охоте еще во времена палеолита. Существовало два способа применения огня: либо поджигали траву и кустарник, чтобы вспугнуть животных, либо выкуривали животных из нор. Специальные «лесники»

(шань-юй — 山虞) и «надсмотрщики болотистых местностей» (цзэ-юй — 澤虞

огнем очищали охотничьи угодья от трав и кустарников еще до начала охоты. О способе выкуривания животных встречаются сообщения в «Шицзине».

По сообщению автора, в китайской литературе чаще всего упоминается императорская охота загоном на колесницах. Охотничья деревянная колесница описывается в «Чжоу ли» и «Шицзине». Жаль, что автор упоминает только письменные источники, не привлекая обширный археологический материал, накопившийся за последние годы¹. Далее автор по указаниям, рассеянным в «Чжоу ли», «Шицзине» и «Ли цзи», воспроизводит картину императорской охоты. Этот раздел, по нашему мнению, больше всего удался автору.

В. Бётгер считает, что наиболее древним видом ловушки для зверей была волчья яма. Кроме того, в Китае существовали и другие виды ловушек, которые автор описывает очень подробно. Подтверждением того, что волчья яма известна в Китае очень давно, служит ряд иероглифов на гадательных костях и в письменных источниках. Форма этих иероглифов отчетливо указывает на охоту с волчьей ямой. Так, иероглиф «ле» («охотиться») в своей старой форме обозначал охоту с помощью волчьей ямы. Иероглиф «лу» («течь») на гадательных костях имеет значение «яма». И, наконец, иероглиф «сянь» с современным значением «яма», «дыра» раньше тоже был связан с охотой и в своей старой форме ясно показывает животное, попавшее в западню. Изображение животного похоже на древнее написание иероглифа «ху» («тигр»). Возможно, что тигров, как и остальных хищников, ловили западней.

Свидетельством того, что в Китае на охоте часто применяли сети, служат, как указывает автор, многочисленные иероглифы со значением «сеть». С сетями охотились не только на птиц и мелких животных, но и на крупных млекопитающих. Очевидно, что охота с сетью восходит к неолиту. В приложении к «И цзину» мифического императора Фу-си называют не только основателем скотоводства, но и изобретателем сетей для охоты и рыбной ловли. При императорских охотах специальные люди «шоу жэнь» окружали сетями охотничьи угодья, а потом загоняли в них дичь. Наряду с общими обозначениями для охотничьих и рыбачьих сетей, существовали обозначения для сетей, применявшихся для ловли определенных видов животных.

В современном написании иероглифы уже утратили свое первоначальное значение. Иероглиф «ма», имеющий современное значение «лошадь», в старых формах изображал фигуру животного под сетью. Животное не похоже на лошадь, оно скорее напоминает слона. Далее автор говорит, что лошади упоминаются в качестве добычи лишь на гадательных костях, но о способах охоты на них указаний в литературе нет.

Древняя форма иероглифа «би» — «бурый медведь» ясно показывает сет без изображения животного. В. Бётгер считает, что в китайской палеографии нет сходного с натурой изображения медведя. По мнению автора, это объясняется тем, что медведь в первобытном обществе, а может быть и в более поздние времена, занимал по отношению к человеку особенное положение. В связи с этим не разрешалось изображать медведя схожим с натурой. Нам кажется, что здесь автор неправ. Мы не знаем случаев существования табу на изображение животных (в частности медведя) у других народов. Есть табу на название медведя: его называют «хозяин», «зверь» и т. д. Но на изображение медведя запрета нет. У нивхов, например, есть изображение священного медведя. Если бы нельзя было изображать в Китае всего медведя, как предполагает автор, то не изображали бы и часть его. Изобразить часть — это значит изобразить и целое. Изображение же медведя очень часто встречается в шанском искусстве². В. Бётгер пишет далее, что «медведи в Китае в исторические времена встречались уже так редко, что медвежьих охот почти не было и способы охоты с течением времени были утеряны» (стр. 73). Здесь автор снова неправ. Письменные источники свидетельствуют, что еще в период Чжаньго знать употребляла в пищу медвежатину, а медвежья лапа была деликатесом³.

В Китае на охоте и при ловле животных, как пишет автор, применялись приманки. Иногда отравленные. В «Ли цзи» есть указания на существование маскировочных охотничьих костюмов.

По надписям на шанских гадательных костях автор приводит данные о количестве убитой на охоте дичи. Так, во время одной из охот было убито 8 тигров, 88 оленей, 1 лошадь и некоторое количество кабанов. На другой охоте было убито 262 оленя, 113 кабанов и 10 зайцев. Эти цифры показывают не только то, что Китай того времени был очень богат дичью, но свидетельствуют и о том, что деятельность охотников при Чжоу и при Шан протекала весьма успешно» (стр. 76).

В главе о первобытной охоте в Китае В. Бётгер говорит, что археологический материал позволяет делать только предположения о существовавших способах охоты. Далее он пишет, что синантропы охотились коллективно, что орудия охоты у них были из дерева и камня и охотились они на оленей, лошадей, носорогов, слонов и различных хищных животных. Люди ордоской культуры тоже были собирателями и охотниками. В неолите охота, наряду с земледелием, продолжает играть в Китае существенную роль. Об этом свидетельствуют каменные и костяные наконечники стрел времен культуры Яншао и Луншань.

¹ См. устройство и описание древней китайской колесницы в раб.: Chêng Tê-k' u n, *Archeology in China*, т. II, Shang China, Cambridge, 1960, стр. 208—210; W. W a t s o n, *China*, London, 1961, стр. 135—139.

² Chêng Tê-k' u n, Указ. раб., стр. 108 и 235.

³ Мэн-цзы, гл. Гао-цзы, ч. I, Изд. Сыбу бэй яо, Шанхай, 1906, стр. 162.

В качестве дополнения автор приводит краткие сведения об охоте у народов, соседних с Китаем. Там говорится об охоте в Японии, у айнов, в Сибири, в Корее, Тибете. К сожалению, автор, приводя сведения о способах охоты этих народов, ничего не говорит о древних монголах и тунгусах, бывших в непосредственном контакте с китайцами в те времена.

В приложенной к книге библиографии приведены книги на китайском, немецком, английском языках. Недостаточно полно использована японская литература, в частности, о надписях на иньских гадательных костях⁴. Не использованы также труды советских ученых, посвященные первобытной охоте (А. П. Окладников, Н. Н. Гурина, А. А. Полов и др.). Серьезным недочетом книги является и то, что, как явствует из библиографии, автор приводит цитаты не по оригинальным текстам, а, в основном, по переводам (Ф. Куврер и И. Легге).

Рецензируемая книга В. Бётгера, несмотря на указанные недостатки, представляет значительный интерес для специалистов. Она освещает слабо разработанную тему о древних способах охоты в Китае.

Т. Шафрановская

НАРОДЫ АМЕРИКИ

М. А. Jones, *American Immigration. Chicago, 1960.*

Книга М. А. Джонса, английского ученого, лектора Манчестерского университета, является обзором и своего рода итогом работ по проблемам иммиграции в США, опубликованных за последние десятилетия. Она опирается на труды виднейших исследователей американской иммиграции — Хансена, Хэндлина, Хайема, Виттке и др. и представляет собой новейшую и первую за два десятка лет обобщающую книгу по этому вопросу. Иммигрантская тема привлекает к себе большое внимание историков и социологов. Без ее исследования нельзя серьезно изучать историю ряда стран, в особенности США. Это, по-видимому, и привело к включению рецензируемой книги в серию «Чикагская история американской цивилизации», издаваемую Чикагским университетом. Население США столетиями складывалось из переселенцев с других материков и их потомков. Таким образом, вопрос об иммиграции составляет, собственно говоря, вопрос об этногенезе американской нации. Процесс ее этнического формирования завершился в основном лишь три-четыре десятилетия назад и может быть изучен по современным историческим источникам.

Джонс рассматривает американскую культуру как результат смешения национальных культур иммигрантов, причем подчеркивает, что ни одна другая страна не была заселена таким количеством разнообразных этнических групп.

Изложение строится по хронологическому принципу. Первые две главы охватывают колониальный период и войну за независимость. В них, как и на протяжении всей книги, автор подчеркивает разнообразие мотивов — экономических, религиозных и других, которые заставляли переселенцев покидать родину, и хотя он выделяет при этом экономические стимулы, буржуазный эклектизм мешает ему увидеть за многообразием субъективных побуждений объективные исторические закономерности. Значительная часть иммигрантов этого периода переселялась в Америку по принуждению. Это относится не только к неграм, но и к белым временным рабам (*indentured servants*), которые в XVII в. находились в почти одинаковом с неграми положении. Из белых, помимо англичан, в американских колониях селились шотландцы, ирландцы, немцы, французы-гугеноты и др. Их расселение определило этнический состав отдельных районов: наиболее пестрым он был в среднеатлантических колониях; характерной особенностью южных колоний было негритянское население, в северных колониях преобладали англичане. Смешанные браки, по мнению автора, были, вопреки укоренившемуся представлению, редки, так как иммигранты селились обособленными этническими группами, но в городах смешение и ассимиляция происходили быстрее. Война за независимость сплотила воедино не только отдельные колонии, но и отдельные национальные группы.

В III главе «Новая нация и ее иммигранты» рассматривается период от окончания первой американской революции до 1815 г. Автор рассматривает экономическое и политическое положение в странах эмиграции. В этот период были приняты первые антииммигрантские законы (реакционные «законы против иностранцев и подрывной деятельности»), оставившие по себе недобрую память в американском народе. Автор указывает, что гонители иммигрантов уже тогда выдвигали против них те же обвинения, что много десятилетий спустя.

Последующие три главы посвящены периоду 1815—1860 гг., который автор определяет как пору массовой иммиграции. Такая периодизация вызывает сомнения. Из этого 45-летнего промежутка органически выделяется период между европейскими ре-

⁴ М. В. Крюков, Новые публикации иньских надписей из японских собраний, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5, стр. 129—136.

волюциями 1848—1849 гг. и гражданской войной США, когда иммиграция приняла наибольший размах и качественно определяющий для этнического складывания американской нации характер. Но М. А. Джонс вообще недооценивает значение европейских революций для изучаемой проблемы, опять не видя объективного начала за субъективными факторами. Это видно на примере анализа эмиграции из германских государств. Отмечая значительный рост европейского населения в XIX в., автор не приписывает ему массовую эмиграцию, как неоднократно делали другие буржуазные ученые, — он ставит ее в связь с развитием промышленности и перемещениями в сельском хозяйстве. Сельскохозяйственным кризисом он объясняет эмиграцию из Ирландии и Германии, двух стран, определивших лицо американской иммиграции этого периода, причем отмечает, что для многих иммигрантов переселение в Америку было одной из форм движения из деревни в город. Далее разбирается вопрос о занятиях иммигрантов и об их расселении. С этим связаны и вопросы о национальных традициях иммигрантов, их приспособлении к американской жизни и их национальной организации в США. Автор несколько недооценивает роль национальных иммигрантских обществ. Главным оплотом европейских традиций в иммигрантских группах он считает церковь. В действительности церковь играла такую роль только у ирландцев.

Говоря о травле иммигрантов, принявшей широкий размах в 50-е гг. XIX в., М. А. Джонс искусственно различает неприязнь к иностранцам, по его мнению, всеобщую, повсеместную и вытекающую из этноцентризма, и «взрывы массовой ксенофобии», периодически повторявшиеся в США. На подобный взрыв вражды к иноземцам накануне гражданской войны он правильно объясняет не массовым притоком иммигрантов, а внутренним кризисом в стране, связанным с вопросом о рабстве. Подробно разбирая политические позиции иммигрантского населения в это время, автор уделяет мало внимания их экономическому обоснованию. В частности поэтому не получила должного освещения политическая роль немецкого населения северо-западных штатов. В годы гражданской войны отмечается ослабление национальной розни и ускорение американизации иммигрантов.

VII и VIII главы доводят читателя до первой мировой войны. В этот период, особенно с 90-х гг. XIX в., сильно возросшая иммиграция в США шла уже главным образом не из Северо-Западной Европы, как прежде, а из Южной и Восточной Европы. М. А. Джонсон справедливо осуждает противопоставление этой «новой» иммиграции «старой» и признание «новых» иммигрантов людьми второго сорта. Он критикует выводы правительственной комиссии 1907 г., которая легализовала это разделение и узаконила расистский подход в американской иммиграционной политике. «Новую» иммиграцию он объясняет такими же экономическими причинами, какие вызывали «старую». В начале XX в. большинство рабочих в ведущих отраслях американской промышленности были иммигрантами. М. А. Джонс отмечает активное участие рабочих-иммигрантов в профсоюзах и политику «уравновешивания национальностей», проводившуюся капиталистами при комплектовании рабочей силы на предприятиях, попросту говоря — натравливание рабочих разных национальностей друг на друга.

Глава IX посвящена кампании за ограничение иммиграции, которая началась с травли иммигрантов, разгоревшейся после расстрела рабочей демонстрации в Чикаго 1 мая 1886 г. Травля эта носила махрово реакционный характер и объяснялась общим наступлением буржуазии, связанным с обострением классовой борьбы в период начала империализма. Кампания по ограничению иммиграции получила теоретическое обоснование в виде англо-саксонского расизма, пропагандировавшегося группой бостонских литераторов. Расистскими же аргументами оперировали в Калифорнии гонители китайских, японских, корейских иммигрантов. Первая мировая война вызвала взрыв американского шовинизма, пресловутый лозунг «стопроцентного американизма» и требование быстрой американизации иммигрантов. Травля «красных», поднятая под влиянием страха, возбужденного социалистической революцией в России, сомкнулась с антииммигрантской кампанией. Одним из проявлений ее было дело Сакко и Ванцетти. В 1920-х годах были приняты расистские и реакционные иммигрантские законы, позволившие конец массовой иммиграции в США.

Последняя глава охватывает период до 1959 г. Основные иммиграционные потоки этого периода — мексиканцы и пуэрториканцы. Прекращение иммиграции из Европы ускорило ассимиляцию прежних европейских иммигрантов. Процесс сближения национальных группировок шел быстрее всего в начале 30-х годов — в связи с обострением классовой борьбы в годы мирового экономического кризиса и во время второй мировой войны.

В целом книга М. А. Джонса, написанная ясно и последовательно, может, несмотря на ряд отрицательных сторон и на малое внимание к вопросам культуры, принести при условии критического подхода к ней пользу всем интересующимся этнической историей США.

III. Богина

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

Р. Р. Гельгардт (Калинин). О сравнительном изучении рабочего фольклора	3
Я. Я. Рогинский (Москва). Закономерности связей между признаками в антропологии	15

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Я. С. Смирнова (Москва). Новые черты в адыгейской свадьбе	30
А. Даниляускас (Вильнюс). К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих (По материалам фабрики «Нямунас» Рокишского района)	41

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Фан Хау Зат (Ханой). Материалы по общественной и семейной организации народа лусак	48
В. Р. Кабо (Ленинград). Современное положение аборигенов Австралии	57
Ю. Н. Зстова (Москва). Система косвенного управления в Нигерии на службе империализма	69

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

Г. П. Снесарев (Москва). «Пачиз». (Об одном этнографическом памятнике древних индо-хорезмийских связей)	82
Честер С. Чард (Висконсин). Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана	94

Народы мира

(Информационные материалы)

А. Д. Дридзо (Ленинград). Население Ямайки	100
--	-----

Сообщения

Д. С. Вардумян (Ереван). Армянская этнография за годы советской власти	111
Г. Н. Чабров (Ташкент). «Кашгарский» фарфор в Средней Азии	117
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау (Фергана)	125
Ю. И. Журавлев (Москва). Поездка в Непал (Этнографические заметки)	129

Хроника

Г. С. Маслова (Москва), Т. В. Станюкович (Ленинград). Сессия, посвященная современным задачам этнографии и этнографических музеев	139
А. П. Новицкая (Москва). Учредительный съезд Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина	143
К. В. Якимов (Москва). Второе заседание рабочего Оргкомитета VII Международного конгресса антропологических и этнологических наук	146
С. И. Королев (Москва). Вопросы этнографии на X Тихоокеанском научном конгрессе	147
Г. Л. Хить (Москва). Вручение А. Пуляносу премии Х. Кумариса	151

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. Грацианская (Москва). Журнал словацких этнографов (1960—1961)	153
В. Гусев (Ленинград). Изучение антифашистского фольклора в Югославии (Обзор исследований)	157

Народы СССР

М. Рабинович (Москва). А. Л. Монгайт. Рязанская земля	160
Р. Липец (Москва). Былины Печоры и Зимнего берега	163
В. Соколова (Москва). Историчні пісні	167
А. Мандельштам (Ленинград). Fr. Altheim. Geschichte der Hunnen, t. II, Berlin, 1960	168

Народы зарубежной Азии

Т. Шафрановская (Ленинград). W. Böttger. Die ursprünglichen Jagdmethoden der Chinesen.	171
--	-----

Народы Америки

Ш. Богина (Москва). M. A. Jones. American Immigration	173
---	-----

SOMMAIRE

Questions d'ethnographie générale et d'anthropologie

R. R. Helgardt (Kalinine). Etudes comparées du folklore ouvrier	3
Y. Y. Roginsky (Moscou). Régularités des liens entre les indices dans l'anthropologie	15

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

Y. S. Smirnova (Moscou). Nouveaux traits dans la célébration du mariage chez les Adygués	
A. Daniliauskas (Vilnius). Quelques problèmes d'études de la culture et du mode de vie des ouvriers lituaniens. (D'après les matériaux de la fabrique Niamounas dans la région de Rokichk)	41

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

Fan Haou Zat (Hanoi). Matériaux sur l'organisation sociale et familiale du peuple pouok	48
V. R. Kabo (Leningrad). Etat actuel des aborigènes d'Australie	57
J. N. Zotova (Moscou). Système d'administration indirecte au service des impérialistes en Nigeria	69

Questions d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique

G. P. Snessarev (Moscou). «Patchiz'. Un témoignage ethnographique des liens anciens indo-khoresmes	82
Chester Ch. Chard (Wisconsin). L'origine de l'économie des chasseurs marins dans la partie septentrionale de l'océan Pacifique	94

Peuples du monde

(Matériaux d'information)

A. D. Dridzo (Leningrad). Population de la Jamaïque	100
---	-----

Communications

D. S. Vardoumian (Erevan). Ethnographie arménienne durant les années du pouvoir soviétique	111
G. N. Tchabrov (Tachkent). Porcelaine dite de Kachgar en Asie Centrale	117
Y. A. Zadneprovsky (Leningrad). Quelques images de chevaux sur les rochers dans les limites d'Aïrymatchtaou (Ferghana)	125
Y. I. Jouravlev (Moscou). Voyage en Népal (Notes ethnographique)	129

Chronique

G. S. Maslova (Moscou), T. V. Stanoukovitch (Leningrad). Session consacrée aux actuels problèmes d'ethnographie et des Musées ethnographiques	139
A. P. Novitskaïa (Moscou). Assemblée constitutive de la Société d'archéologie, d'histoire et d'ethnographie auprès de l'Université de Kazan W. I. Oulianov-Lénine	143
K. V. Yakimova (Moscou). Séance de travail du Comité organisateur du VII Congrès International des sciences anthropologiques et ethnographique	146
S. I. Korolev (Moscou). Questions d'ethnographie au X ^{me} Congrès Scientifique du Pacifique	147
G. L. Khit (Moscou). Remise à A. Poulanos du prix Kh. Koumaris	151

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

N. Gratzianskaïa (Moscou). La revue des ethnographes slovaques	153
V. E. Goussev (Leningrad). Etude du folklore antifachiste en Yougoslavie (Revue des publications)	157

Peuples de l'U.R.S.S.

M. Rabinovitch (Moscou). A. L. Mongait. La Terre de Riazan	160
R. Lipetz (Moscou). Bylines de Pétchora et de la côte Zimny. (d'Hiver)	163
V. Sokolova (Moscou). Istoritchni pismi	167
A. Mandelchtam (Leningrad). F. Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd II	168

Peuples d'Asie étrangère

T. Chafranovskaïa (Leningrad). W. Böttger. Die ursprünglichen Jagdmethoden der Chinesen	171
---	-----

Peuples d'Amérique

Ch. Boguina (Moscou). M. A. Jones. American immigration	173
---	-----

ОПЕЧАТКИ к № 5

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
15	19 сн.	единого	единства
35	27 сн.	Чаще всего	Все чаще
48	15 св.	К'Кцинг и м'мулл	К'Кцинг м'мулл
48	9 сн.	(Kha Pon-hoc)	(Kha Pou-hoc)
50	11 св.	«отрабатывающими своих жен»	«отрабатывающими» своих жен
65	16 св.	Шадпевилля	Шарпевилля
144	6 сн.	выделить	выделились
150	19 св.	С. Элоберта	С. Эльберта
154	6 сн.	под падом	под паром
171	27 сн.	«узяо гун»	«цзяо гун»
176	21 св.	Chester Ch. Chard	Chester S. Chard
»	22 св.	dlans	dans